

Пауло Коэльо

Подобно реке...

КНПЖНУП
 **КЛУБ**
СЕМЕЙНОГО ДОСУГА
Харьков
2006

ББК 84.4ПОР
К76

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с португальского:
«Ser como o rio que flui» Paulo Coelho

Быть подобным реке,
Что течет в тишине среди ночи,
Не страшась потеряться во мраке,
Отражая сияние звезд на безоблачном небе;
А когда небеса тяжелеют от туч,
Как река: ибо тучи ведь тоже вода, —
Отражая и их беспечально
В покойных глубинах своих.

Мануэль Бандейра

ISBN 966-343-220-9

- © Paulo Coelho. Original title: «Ser como o rio que flui», 2006
- © Hemigo Ltd., издание на русском языке, 2006
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2006

Предисловие

Мне было пятнадцать лет, когда я объявил матери:

— Я открыл свое призвание. Я хочу быть писателем.

— Сынок, — ответила она с грустью, — твой отец — инженер, человек благоразумный, рассудительный и трезвомыслящий. А кто такой писатель?

— Тот, кто пишет книги.

— Твой дядюшка Арольдо — врач, но он тоже пишет книги и кое-какие напечатал. Так что выучись и ты на инженера, а потом пиши себе, когда выдастся свободная минута.

— Нет, мама, я хочу быть только писателем, а не инженером, пишущим книги.

— Но ты знаешь хоть одного писателя? Ты видел когда-нибудь живого писателя?

— Никогда. Только на фотографиях.

— Как же ты собираешься стать тем, о ком толком ничего не знаешь?

Чтобы смочь ответить матери, мне пришлось провести небольшое исследование. И вот к каким выводам я пришел относительно того, что значило быть писателем в начале семидесятых.

А. Писатель всегда носит очки и ходит непричесанный. Половину жизни он зол на весь свет, а другую по-

ловину пребывает в депрессии. Время проводит в забегаловках, в спорах с другими писателями, тоже в очках и такими же растрепанными. Изъясняется туманно. Всегда полон фантастических замыслов по поводу нового романа и ненавидит тот, который уже опубликован.

Б. Долг и обязанность писателя — оставаться непонятым современниками, иначе его никогда не признают гением. Писатель убежден, что он родился в эпоху, когда миром правит посредственность. Писатель по многу раз переписывает и правит каждое предложение. Словарный запас простого смертного насчитывает три тысячи слов; настоящий писатель никогда их не употребляет: в словаре имеется еще сто восемьдесят девять тысяч слов, предназначенных для таких особенных людей, как он.

В. Понять писателя способен только другой писатель. Несмотря на это, писатель втайне ненавидит всех остальных писателей: ведь они претендуют на те же вакансии, которые история литературы выделяет на века. В конце концов, все писатели борются за один и тот же трофей, стараясь написать книгу настолько непонятную, что ее признают лучшей.

Г. Писатель разбирается в темах, названия которых звучат устрашающе: семиотика, эпистемология, неоконкретизм. Когда он хочет кого-нибудь шокировать, то произносит сентенции типа: «Эйнштейн — дурак» или «Толстой — буржуазный паяц». Вначале это возмущает присутствующих, но потом они сами начинают по-

вторять другим, что теория вероятности неверна, а Толстой защищал интересы русской аристократии.

Д. Чтобы соблазнить женщину, писатель говорит ей: «Я писатель» — и записывает стишок на бумажной салфетке. Срабатывает безотказно.

Е. Благодаря широкой эрудиции писатель всегда способен подрабатывать литературной критикой. Вот когда он может продемонстрировать благородство, расхваливая книги своих друзей! Его критические статьи состоят наполовину из цитат иностранных авторов, наполовину из разбора фраз с использованием терминологии вроде «эпистемологический срез» или «интегральное видение под соответствующим углом зрения». Тот, кто в состоянии читать критику, восхищается: «До чего ж культовый автор!» И не покупает книгу — из опасения обнаружить в ней «эпистемологический срез».

Ж. Когда писателя спрашивают, что он в настоящее время читает, тот всегда называет книгу, о которой до этого никто не слышал.

3. Существует единственная книга, которой восхищаются все без исключения писатели: «Улисс» Джеймса Джойса. Ни один писатель никогда не обмолвится плохо об этой книге, но, когда ему задают вопрос, касающийся ее содержания, он изъясняется настолько невнятно, что закрадывается сомнение, читал ли он ее вообще. Какая нелепость, что никто не переиздает «Улисса» — роман, признаваемый шедевром всеми писателями! Похоже, издатели настолько глупы, что упускают шанс

заработать большие деньги на книге, которую все читали и все полюбили.

Вооружившись этими знаниями, я вернулся к матери и изложил ей подробно, кто такой писатель. Она слегка удивилась.

— Проще быть инженером, — сказала она. — К тому же ты не носишь очков.

Но мои волосы уже были взлохмачены, в кармане лежала пачка «Галуаз», а под мышкой я держал рукопись пьесы «Предел прочности», написанной для театра (впоследствии один критик назвал спектакль по ней, к моему удовольствию, «самым безумным спектаклем» из всех, что он когда-либо видел). Я стал штудировать Гегеля и твердо решил прочитать «Улисса». И лишь благодаря одному рок-музыканту, однажды обратившемуся ко мне с просьбой написать слова к его музыке, я свернул с пути поиска бессмертия и вернулся в окружение обычных людей.

В результате я смог повидать мир, сменив больше стран, чем пар обуви (как говорил Бертольт Брехт). На страницах этой книги собраны рассказы о событиях, пережитых мною, истории, которые я слышал от других, а также раздумья, посещавшие меня на разных участках течения реки моей жизни.

Ранее опубликованные в разных газетах, по просьбам читателей они собраны теперь в одной книге.

Автор

День на мельнице

Три состояния образуют симфонию моей теперешней жизни: «много людей», «отдельные встречи» и «почти никого». На каждое из них приходится около четырех месяцев в году; зачастую одно вклинивается в другое на протяжении месяца, но никогда они не смешиваются между собой.

«Много людей» — это когда я встречаюсь с читателями, издателями, журналистами. «Отдельные встречи» бывают во время моих наездов в Бразилию: там я вижу со старыми друзьями, иногда прогуливаюсь вдоль Копакабаны, участвую в общественных акциях, но в основном сижу дома.

Сейчас, однако, я собираюсь поразглагольствовать о третьем состоянии — состоянии «почти никого». Только что ночь опустилась на селение в Пиренеях, где всего двести жителей и чье название я предпочитаю не разглашать. Здесь я недавно купил старую мельницу, приспособив ее под свое жилище. Утром я просыпаюсь под крик петуха, выпиваю кофе и выхожу прогуляться по пастбищам, среди коров и ягнят, вдоль кукурузных плантаций и засеянных травами полей. Любуюсь горами и — в отличие от состояния «много людей» — никогда не задумываюсь над тем, кто я такой. У меня нет ни во-

просов, ни ответов, я живу только настоящим, помня, что год состоит из весны, лета, осени и зимы (для кого-то, может, и банальность, но как часто мы об этом забываем!), и преображаюсь под воздействием окружающего ландшафта.

В эти минуты меня не интересует, что происходит в Ираке или в Афганистане: как и для любого обитателя глубинки, самое важное для меня — прогноз погоды. Жители небольших городов знают: информация о том, когда пойдет дождь, похолодает или станет ветрено, имеет непосредственное отношение к их жизни, к их планам, это то, что влияет на урожай. Я вижу крестьянина, обрабатывающего свое поле; мы желаем друг другу доброго утра, беседуем о погоде, после чего возвращаемся каждый к своему занятию: он — пахать, а я — продолжать свою прогулку.

Вернувшись домой, заглядываю в почтовый ящик: там уже лежит местная газета. В ней объявления о танцах в соседнем поселке и о публичной лекции в одном из кафе Тарбеса (это большой город — сорок тысяч жителей), сообщение о ночном выезде пожарных на кем-то подожженную мусорную свалку. Новость, взбудоражившая всю окрестность: выявили группу злоумышленников, спиливших платаны вдоль проселочной дороги, на которой перед этим разбился насмерть мотоциклист, врезавшись в одно из деревьев. Эта новость заслуживает полосы и целого цикла репортажей о «секретной команде», которая мстит деревьям за смерть юноши.

Ложусь неподалеку от ручья, протекающего через мои владения, и гляжу в небо, на котором нет ни облачка: в это ужасное лето только во Франции умерло от зноя пять тысяч человек. Встаю, чтобы заняться *кьюдо* — медитацией с луком и стрелой, на которую я трачу больше часа. Наступает время обеда. Готовлю легкую трапезу и тут замечаю в одной из пристроек к старой мельнице некий несуразный предмет, с экраном и клавиатурой, подключенный — о чудо из чудес! — к сверхскоростной линии, известной под названием DSL. Я знаю, что, как только нажму клавишу этой машины, весь мир устремится мне навстречу.

Сопровивляюсь сколько хватает сил, но вот момент наступает, мой палец касается кнопки — и я уже снова подключен к миру: колонки бразильских газет, книги, интервью, которые надо дать, новости из Ирака, Афганистана, просьбы, сообщение о том, что заказанный авиабилет будет доставлен завтра, решения, которые можно отложить на потом и которые надо принимать не откладывая.

За этой работой проходят часы и часы, потому что это то, что я сам для себя избрал, потому что это та легенда, которую я сам для себя придумал: Воин Света знает о своем долге и о своей ответственности. Но в состоянии «почти никого» все, что возникает на экране компьютера, кажется очень далеким — так же, как мельница представляется сном в состояниях «много людей» или «отдельные встречи».

Солнце садится, кнопка выключена, и мир снова становится лугом, наполняется запахом трав, мычанием коров, восклицаниями пастуха, загоняющего овец в стойло неподалеку от мельницы.

Задаюсь вопросом: как можно совместить два таких разных мира в пределах одного дня? И не нахожу ответа, но знаю, что это доставляет мне огромное удовольствие. И когда я пишу эти строчки, я очень доволен.

Тот, кто верил своим снам

Я появился на свет в лечебнице святого Иосифа в Рио-де-Жанейро. Родился совсем слабым, и мать попросила заступничества святого, надеясь, что он поможет мне выжить. Так возникла прочная связь на всю жизнь между мной и святым Иосифом, и с 1987 года, то есть после моего паломничества в Сантьяго-де-Кампостелу, я всегда отмечаю день этого святого, 19 марта, как свой праздник. Приглашаю друзей — людей трудолюбивых и честных, и перед ужином мы вместе молимся за всех, кто стремится достойно нести свой крест. Молимся и за тех, кто остался без работы и потерял надежду найти ее.

В небольшом вступлении перед молитвой я обычно обращаю внимание на то, что из пяти случаев упоминания слова «сон» в Новом Завете четыре имеют отношение к Иосифу-плотнику и в каждом из снов ангел убеждает его совершить обратное тому, к чему он был расположен.

Ангел просит, чтобы он не оставлял свою жену, когда она забеременела. Вместо того чтобы ответить: «А что подумают соседи?» — Иосиф возвращается домой, поверив услышанному.

Ангел отсылает его в Египет, и он не говорит в ответ: «Но ведь мне хорошо здесь, я плотник, у меня много

клиентов. Как же мне все это бросить?» Наоборот, Иосиф собирает пожитки и отправляется в неизвестность.

Ангел просит, чтобы он вернулся из Египта. Иосиф и на этот раз мог бы подумать: «Опять все бросить, когда я только-только начал приживаться на новом месте? Как-никак у меня семья!»

Но, вопреки здравому смыслу, Иосиф верит своим снам. Он помнит о долге — том долге, который призваны исполнять почти все мужчины на этой планете: защищать и содержать семью. Как и миллионы других безымянных Иосифов, он старается следовать этому своему предназначению, причем даже если вынужден совершать поступки, смысл которых ему совсем непонятен.

Со временем его жена и один из сыновей станут великими символами христианства, в то время как он сам, труженик, третья опора семьи, будет поминаться только во время рождественских представлений да еще теми, кто почитает его особо, как, например, ваш покорный слуга или, скажем, Леонардо Бофф, автор книги о плотнике, для которой я написал предисловие.

Приведу отрывок из Карлоса Эйтора Кони (надеюсь, что этот текст, найденный мной в Интернете, действительно написан им): «Меня часто порицают за то, что, объявляя себя агностиком, не принимаю идеи Бога ни в философии, ни в этике, ни в религии, я почитаю некоторых святых из нашего церковного календаря. Бог — это понятие или инстанция, постичь которую значительно выше моих возможностей и даже моих потребностей.

Иное дело святые: такие же земные, вылепленные из той же глины, что и я, они вполне заслуживают моего восхищения. Более того, они заслуживают моего преклонения.

Святой Иосиф — один из них. В Евангелиях не зафиксировано ни единого сказанного им слова — только жесты да еще характеристика: «*vir Justus*», то есть муж праведный. Поскольку речь идет о плотнике, а не о судье, это значит, что Иосиф прежде всего был хорошим человеком. Хорошим плотником, хорошим мужем, хорошим отцом мальчишке, которому предстояло переломить всю историю человечества».

Замечательные слова Карлоса Кони! Но не раз мне попадались на глаза и нелепицы вроде того, что «Иисус ходил в Индию набраться мудрости у гималайских учителей». По-моему, каждый человек способен придать священный смысл тому долгу, который он призван исполнить в своей жизни; Иисус набирался мудрости в то время, когда Иосиф, муж праведный, учил Его делать столы, стулья, кровати.

Мне приятно представлять, будто стол, за которым Христос разделил хлеб и вино, был сделан руками Иосифа — безымянного плотника, трудившегося в поте лица. Может быть, именно поэтому чудо совершилось.

Люцифер и добрые дела

Персидский поэт Руми рассказывает, как однажды почивавший в своем дворце Моавия, первый халиф из династии Омайядов, был потревожен неким посторонним субъектом.

- Кто ты такой? — спросил Моавия.
- Я Люцифер, — ответил тот.
- И что тебе от меня нужно?
- Уже время молитвы, а ты все спишь.

Моавия удивился. С чего бы это князю тьмы, всегда стремящемуся заполучить души маловерующих, помогать ему соблюдать правила веры?

Люцифер объяснил:

— Вспомни, что вначале я был ангелом света. И хотя со мной много всего потом приключилось, я никогда не забывал о своем происхождении. Человек может отправиться в Рим или Иерусалим, но в сердце он всегда хранит память о своей родине. То же происходит и со мной. Я все еще люблю Творца, который наставлял меня, когда я был юн, и научил меня делать добро. И восстал я против Него не потому, что не любил Его, — совсем наоборот: я так сильно его любил, что во мне разыгралась ревность, когда он сотворил Адама. В тот момент я воспротивился Господу, что и погубило меня. Несмотря на

это, я все еще помню о благодати, которую он ниспослал на меня, и надеюсь, что, поступая добродетельно, смогу снова вернуться в Рай.

Моавия ответил:

— Не могу поверить в твои слова. Разве не ты разрушил жизни тысяч людей?

— Но ты все-таки поверь мне, — настаивал Люцифер. — Только Бог может создать или уничтожить жизнь, потому что только Господь всемогущ. Это Бог, творя человека, наделил его желаниями, чувством мести, состраданием и страхом. Поэтому, когда ты видишь зло вокруг себя, не спеши винить меня, так как я всего лишь зеркало творимого зла.

Подозревая в этих словах лукавство, Моавия начал исступленно молиться Богу, чтобы Господь укрепил его. Целую ночь он провел в разговорах и спорах с Люцифером, но несмотря на, казалось бы, неотразимые доводы князя тьмы, не дал себя убедить.

Когда начало светать, Люцифер наконец сдался:

— Хорошо, ты прав. Я разбудил тебя на молитву не для того, чтобы приблизить тебя к Божественному Свету. Я знал, что, не исполнив молитву, ты погрузишься в глубокую печаль и в последующие дни станешь молиться с двойным усердием, моля о прощении за нерадивость. В глазах Бога такие молитвы, возносимые с любовью и раскаянием, значат больше, чем двести молитв, произнесенных машинально и без сердечного чувства. Так что в итоге ты сделался бы более чист перед Богом и по-

лон одухотворенности, Бог любил бы тебя больше, и твоя душа оказалась бы менее доступной для меня.

Люцифер исчез, и сразу вошел ангел света.

— Моавия, никогда не забывай о сегодняшнем приключении, — произнес он. — Порой зло облачается в личину добра, чтобы скрыть свое истинное намерение: ввести в еще больший грех.

И в тот, и в последующие дни Моавия молился с раскаянием, состраданием и верой. Его молитвы тысячу раз были услышаны Богом.

Готов к сражению, но испытываю сомнения

На мне странная униформа из плотной ткани с уймой «молний». На руках перчатки, чтобы не поранить руки. Таскаю с собой нечто вроде копья длиной с мой рост. На одном его конце — металлический наконечник в виде трезубца, на другом — заточенное острие.

А перед моими глазами — мой сад, где я в следующую минуту собираюсь развернуть наступление.

При помощи предмета, который держу в руке, я буду удалять сорняки, выросшие на газоне. У меня уже есть опыт, и я знаю, что вырванное растение засыхает не позже чем через два дня.

Но вдруг у меня возникает сомнение: правильно ли и поступаю?

То, что я называю «сорняком», в действительности является неким видом растения, изо всех сил старающегося выжить. Это растение на протяжении миллионов лет создавалось и культивировалось природой. Цветок был оплодотворен бесчисленными насекомыми, превратился в семена, ветер разнес их по окрестным лугам, и благодаря тому, что растение было посеяно не в одном, а сразу во многих местах, его шансы выжить следующей весной оказались намного выше. Если бы все семена

рассеялись рядом, растения могли быть сразу уничтожены травоядными животными, наводнением, пожаром, засухой.

Но сейчас все его усилия выжить могут быть разрушены наконечником какого-то копья, беспощадно раздирающим почву.

Зачем я это делаю?

Кто-то разбил сад. Я не знаю, что это был за человек, потому что, когда я покупал дом, сад уже был такой, как сейчас, прекрасно гармонируя с горами и с растущими окрест деревьями. Должно быть, его создатель долго вынашивал свои идеи, а потом аккуратно высаживал растения, заботясь о планировке (есть в нем кустарниковая аллея, скрывающая от глаз сарай, где хранятся дрова), и тщательно ухаживал за ними из года в год, в том числе и суровыми зимами и веснами. Когда я получил во владение старую мельницу — где теперь провожу по несколько месяцев в году, — газон был безупречный. Теперь настал мой черед продолжить труд прежнего владельца, хотя философская дилемма никуда не девается: уважать труд, затраченный создателем сада и садовником, или признать за теми растениями, которые принято называть «сорными», данное им от природы право на выживание?

Я продолжаю удалять ненужные растения и сбрасывать их в кучу, которую со временем ждет огонь. Возможно, я слишком предаюсь раздумьям там, где следует только действовать. И все же каждое движение челове-

ка освящено великим смыслом и имеет множество последствий — и это побуждает меня все больше задумываться над своими поступками.

С одной стороны, «сорняки» вправе рассеиваться повсюду. С другой, если их не выдергивать, они станут подавлять мою траву. В Новом Завете Иисус ясно говорит о плевелах, которые не следует смешивать со злаками.

И без ссылки на Библию понятно, что я имею дело с одним из вечных вопросов человечества: до какого предела можно вторгаться в природу? Всегда ли наше вмешательство наносит вред или иногда оно бывает благотворным?

Отбрасываю свое орудие, известное также как мотыга. Каждый удар ею означает чью-то смерть, переход в небытие цветка, который распустился бы следующей весной, самомнение разумного существа, приспособляющего под себя окружающий ландшафт. Надо обдумать все как следует, потому что речь идет о выборе: убивать или миловать. Газон словно взывает ко мне: «Защити меня! Она меня уничтожит!» Но и сорная трава просит о пощаде: «Я с таким трудом добиралась до твоего сада — неужели ты убьешь меня?»

В конце концов мне на помощь приходит индийская книга Бхагавадгита. Я вспоминаю об ответе Кришны воину Арджуне, когда тот пал духом перед решающим сражением и, бросив оружие, заявил, что не может драться, зная, что ему суждено убить своего брата. Кришна ответил приблизительно так: «Ты возомнил себе, что

способен кого-то убить? Твоя мать — это и моя мать, и все твои поступки уже давно записаны и неотвратимы. Никто не убивает и никто не умирает».

Воодушевленный этим внезапным воспоминанием, поднимаю мотыгу и снова атакую непрошенных гостей моего сада. Этим утром я усвоил важный урок: если в моей душе вырастет сорняк, я буду просить Бога, чтобы Он дал мне силы с такой же решительностью и без всякой жалости уничтожить его.

О стрельбе из лука

Значение повторения одного и того же действия. Действие — это мысль в своем воплощении.

Мельчайшее движение выдает наши мысли. Поэтому нужно совершенствоваться во всем, вникать во все тонкости, освоить технику стрельбы настолько, чтобы она стала интуитивной. Интуиция не имеет ничего общего с рутинной; это состояние духа, которое важнее самого навыка.

С приобретением опыта мы уже не думаем о каждом движении: оно становится частью нашего существования. Но чтобы обрести опыт, нужно тренироваться, повторять.

И не останавливаться на достигнутом: повторять и тренироваться.

Понаблюдайте за кузнецом, когда он трудится. Для непосвященного все совершаемые им удары молотом одинаковы.

Но тот, кому открыта тайна его опыта, понимает, что, поднимая и опуская молот, он каждый раз прикладывает разное усилие. Рука повторяет одно и то же движение, но, по мере приближения молота к наковальне, она на ходу рассчитывает, с какой силой ударить.

Понаблюдайте за ветряной мельницей. Тому, кто видит ее впервые, кажется, будто она всегда вращается с одинаковой скоростью, совершая одно и то же движение.

Но тот, кто разбирается в мельницах, понимает, что их крылья устроены так, чтобы ловить ветер, и меняют положение в зависимости от направления ветра.

Чтобы набить руку, кузнец должен повторять движение молотом тысячи раз. Лопасты мельницы способны развить необходимую скорость лишь после того, как ветер хорошенько раскрутит их и отшлифует зубчатые колеса.

Множество промахов совершит стрелок, пока усвоит, как держать лук, какую принимать стойку, как натягивать тетиву и как ловить глазом цель, тысячи раз повторяя одни и те же движения и не боясь при этом ошибиться.

Пока однажды не поймет, что ему больше не нужно задумываться над своими движениями. С этого момента стрелок срастается со своим луком, предчувствует полет стрелы и ее попадание в цель.

Как наблюдать за полетом стрелы. Стрела — это желание, проецируемое в пространстве.

Выпустив стрелу, лучник теряет власть над ней и может только следить за ее полетом к цели. После этого ему уже нет смысла удерживать напряжение, возникающее при стрельбе.

Лучник следит за летящей стрелой, но сердце его теперь отдыхает, а на лице появляется непроизвольная улыбка.

Если лучник достаточно опытен, если у него выработался необходимый инстинкт, если, готовясь к выстрелу и спуская стрелу, он не теряет изящества и собранности,

то в этот момент он ощутит единение со Вселенной и поймет, что его действия были верными и совершенными.

Навык позаботится о том, чтобы руки были готовы, дыхание выверено, а глаза ни на миг не упускали цели. Инстинкт определит идеальный момент для выстрела.

Если кто-нибудь окажется рядом и увидит лучника, который стоит с распростертыми руками, устремив взгляд на стрелу, то подумает, что тот застыл в неподвижности. Но посвященные знают, что сознание стреляющего лучника переходит в иное измерение и пребывает в контакте со всей Вселенной. Оно продолжает напряженно трудиться, усваивая новоприобретенный положительный опыт, исправляя возможные погрешности, одобряя правильные движения, ожидая мгновения, когда цель отзовется на попадание стрелы.

Когда лучник натягивает тетиву, весь мир сосредотачивается для него в его луке. Когда он следит взглядом за полетом стрелы, этот мир захватывает его, обдает нежностью и вызывает благодное чувство исполненного долга.

Воину Света, исполнившему свой долг и преобразовавшему желание в действие, нечего больше бояться: он сделал, что должно. Не дал себя сковать страху. И пусть даже стрела не попадет в цель — ему представится для этого новая возможность, потому что он не струсил.

О карандаше

Малыш смотрит, как бабушка пишет письмо, и спрашивает:

— Ты пишешь о том, что происходило с нами? А может, ты пишешь обо мне?

Бабушка перестает писать, улыбается и говорит внуку:

— Ты угадал, я пишу о тебе. Но важнее не то, что я пишу, а то, чем я пишу. Я хотела бы, чтобы ты, когда вырастешь, стал таким, как этот карандаш.

Малыш смотрит на карандаш с любопытством, но не замечает ничего особенного.

— Он точно такой же, как все карандаши, которые я видел!

— Все зависит от того, как смотреть на вещи. Этот карандаш обладает пятью качествами, которые необходимы тебе, если ты хочешь прожить жизнь в ладу со всем миром.

Во-первых: ты можешь быть гением, но никогда не должен забывать о существовании Направляющей Руки. Мы называем эту руку Богом и всегда должны верить себя Его воле.

Во-вторых: чтобы писать, мне приходится время от времени затачивать карандаш. Эта операция немного болезненна для него, но зато после этого карандаш пишет

более тонко. Следовательно, умей терпеть боль, помня, что она облагораживает тебя.

В-третьих: если пользоваться карандашом, всегда можно стереть резинкой то, что считаешь ошибочным. Запомни, что исправлять себя — не всегда плохо. Часто это единственный способ удержаться на верном пути.

В-четвертых: в карандаше значение имеет не дерево, из которого он сделан, и не его форма, а графит, находящийся внутри. Поэтому всегда думай о том, что происходит внутри тебя.

И наконец, в-пятых: карандаш всегда оставляет за собой след. Так же и ты оставляешь после себя следы своими поступками, и поэтому обдумывай каждый свой шаг.

Наставления по восхождению на горные вершины

Выберите подходящую горную вершину. При этом не слишком прислушивайтесь к тому, что говорят другие: «та вершина красивее», «на эту легче взбираться». Вы потратите массу энергии и энтузиазма, чтобы достичь цели, поэтому принимайте решение самостоятельно, беря на себя всю ответственность за предприятие.

Разузнайте, как к ней подступиться. Часто гору видно издалека. Она кажется прекрасной, манящей, обещающей много интересного. Но вот мы подходим к ней ближе, и оказывается, что ее огибают дороги, между вами и горой вдруг возникает непроходимый лес и там, где на карте все гладко, в действительности требуется преодолеть серьезные препятствия. Поэтому сначала разведайте все подходы, все тропинки, чтобы в один прекрасный день оказаться у подножия горы готовым к ее покорению.

Пообщайтесь с теми, кто уже проделал этот путь. Считайте себя первопроходцем, но все же не пренебрегайте советами тех, кто уже осуществил вашу мечту. Они наверняка могут облегчить вам восхождение, подсказав

места, где надежнее крепить веревку, по какой тропинке лучше пробираться и как избежать неприятностей. Да, взбираться предстоит вам самому и успех полностью будет зависеть от вас, но не стоит оставлять без внимания опыт предшественников.

Опасности преодолимы, если их видишь вблизи. Когда вы начинаете восхождение на вершину своей мечты, не забывайте об опасностях, которые вас подстерегают. Разумеется, по пути могут встречаться обрывы, почти незаметные расселины, камни, настолько отшлифованные ветрами, что ноги скользят по ним, словно по льду. Но если вы будете следить за тем, куда поставить ногу, то вовремя заметите опасность и сумеете избежать ее.

Виды меняются, поэтому не спешите. Вы, конечно, должны постоянно помнить о своей цели — достичь вершины. Но по мере восхождения перед вами будет открываться много интересных видов, и вам ничего не стоит задержаться на минутку, чтобы насладиться новой панорамой. С каждым отвоеванным метром вы сможете обозревать все большее и большее пространство. Воспользуйтесь этим, чтобы сделать для себя новые открытия.

Считайтесь с возможностями своего организма. Только тот в состоянии покорить вершину, кто бережно относится к своему телу. В вашем распоряжении все время, отведенное вам до конца жизни, поэтому не требуйте от своего организма того, что ему не по силам. Если

будете идти слишком быстро, то скоро устанете и вам придется вернуться с полдороги. Если подъем будет слишком медленным, ночь застанет вас в пути и вы собьетесь с маршрута. Любуясь видами, наслаждайтесь живой влагой из горных источников и плодами, которыми вас угощает щедрая природа, но не останавливайтесь, продолжайте восхождение.

Не забывайте о душе. Не стоит все время повторять: «Я дойду». Ваша душа и так знает об этом. Дайте ей воспользоваться долгим подъемом, чтобы вырасти, слиться с горизонтом, вознестись к небу. Одержимость никак не поможет достичь цели, зато лишит вас удовольствия от восхождения. Но хотел бы предостеречь вас от другой крайности: если вы будете то и дело повторять: «Это труднее, чем я думал», — сила духа угаснет в вас.

Будьте готовы пройти лишний километр. Путь к вершине всегда оказывается длиннее, чем предполагалось. Не сомневайтесь: в какой-то момент вы увидите очень далеко от себя то, до чего, казалось, было рукой подать. Но если вы с самого начала настроили себя на большее расстояние, это открытие не повергнет вас в уныние.

Достигнув вершины, дайте волю радости. Плачьте, хлопайте в ладони, кричите на все стороны, что вы дошли, дайте ветру (а на вершине всегда дует ветер) прочистить ваши мысли, освежить потные и уставшие ноги, широко раскройте глаза, стряхните пыль со своего сердца. Какая радость! То, что раньше было всего лишь мечтой, призрачным видением, вошло в вашу жизнь. Вы дошли!

Дайте обет. Воспользуйтесь тем, что вы открыли в себе силу, о которой даже не подозревали, и обещайте не расставаться с ней до конца своих дней. Неплохо бы также дать обет покорить еще одну вершину и отправиться на поиски новых приключений.

Расскажите другим о своем восхождении. Да, расскажите о нем. Послужите примером для других. Пусть все знают, что это возможно. Пусть и другие наберутся смелости, для того чтобы покорить свои собственные вершины.

Как важно иметь диплом

Моя старая мельница в небольшом селении в Пиренеях отделена от соседней фермы рядом деревьев. Оттуда однажды вышел ко мне сосед. До этого я часто наблюдал его вместе с женой в поле и каждый раз думал, что в их возрасте — а на вид им было около семидесяти — пора бы уже и отдыхать.

Старик, казавшийся мне до этого весьма симпатичным, стал жаловаться на то, что сухая листва с моих деревьев падает на крышу его дома, и потребовал спилить их.

Я был поражен: человек, всю жизнь проживший в гармонии с природой, хочет, чтобы я уничтожил с таким трудом выращенные деревья только потому, что лет через десять с его кровлей может возникнуть какая-то проблема.

Я приглашаю его на чашечку кофе. Говорю, что если сухие листья, сносимые ветром на его крышу, причинят ей малейший вред, то я за свой счет заменю ему всю кровлю. Сосед отвечает, что это его не устраивает, и настаивает, чтобы я спилил деревья. Я начинаю злиться: говорю, что предпочел бы купить его ферму.

— Моя земля не продается, — возражает он.

— Но за те деньги, что я готов предложить вам, вы сможете купить прекрасный дом в городе и еще достойно существовать на них вместе с женой до конца своих дней, не думая, как пережить очередную суровую зиму, и не пребывая в вечных заботах об урожае.

— Моя ферма не продается. Я здесь родился, вырос, и вообще я слишком стар для переездов.

Он предлагает вызвать из города эксперта по имущественным спорам, чтобы тот разобрался в ситуации и принял решение, и добавляет, что не стоит злиться друг на друга, как-никак мы соседи.

Когда он уходит, первый мой порыв — обвинить его в бесчувственности и безразличии к матери-земле. Но потом я начинаю задумываться: а почему, собственно, он не захотел продать землю? И вскоре нахожу ответ: жизнь моего соседа имеет только одну историю, которую он не желает менять. Переехать в город означало бы для него погрузиться в совершенно незнакомый мир, с другими ценностями, которые он, вероятно, уже не надеется усвоить в таком возрасте.

Это особенность характера только моего соседа? Отнюдь. Я думаю, что таковы все люди. Мы часто так привязываемся к своему образу жизни, что готовы отвергнуть превосходный шанс, потому что не умеем воспользоваться им. Что касается соседа, то его ферма и селение — единственные знакомые ему места,

и покинуть их значит для него подвергнуть себя риску. Жители городов полагают, что надо иметь диплом о высшем образовании, вступить в брак, воспитать детей, позаботиться о том, чтобы у них тоже были дипломы об окончании университета, и так далее. Никто не задается вопросом: «А можно ли жить по-другому?»

Вспоминается парикмахер, трудившийся день и ночь, ради того чтобы его дочь смогла выучиться на социолога. Она сумела окончить университет и после долгих поисков работы устроилась секретаршей на фирме, производящей цемент. Но даже и после этого парикмахер с гордостью повторял: «Моя дочь имеет диплом социолога».

Большинство моих знакомых и детей моих знакомых тоже имеют дипломы. Это не значит, что они теперь работают по специальности, — совсем наоборот: они поступили в один из университетов и окончили его лишь потому, что в то время учеба в университете считалась престижной и кто-то внушил им, будто прилично устроиться в жизни без диплома невозможно. В результате не стало хороших садовников, булочников, антикваров, скульпторов, писателей. Может, пришло время немного пересмотреть наше отношение к дипломам?

Медики, инженеры, ученые, юристы должны окончить курс в университете, но так ли необходимо всем поголовно стремиться к высшему образованию? Вме-

сто ответа приведу отрывок из стихотворения Роберта Фроста:

Передо мной открылись две дороги.
Я выбрал ту, что поросла травой.
И в этом было все ее отличие.

P. S. Чтобы закончить историю с моим соседом, сообщаю: эксперт явился и показал мне французский закон, обязывающий сажать каждое дерево на расстоянии не ближе трех метров от соседнего владения. Мои деревья находились в двух метрах. Мне пришлось спилить их.

В одной из токийских пивнушек

Японский журналист задает мне традиционный вопрос:

— Кто ваши любимые писатели?

Я даю ему свой традиционный ответ:

— Жоржи Амаду, Хорхе Луис Борхес, Уильям Блейк и Генри Миллер.

Переводчица смотрит на меня изумленно:

— Генри Миллер?

Но тут же вспоминает о том, что задавать вопросы — не ее дело, и продолжает переводить. После интервью интересуюсь, почему ее так удивил мой ответ. Говорю, что, возможно, Генри Миллера трудно назвать «политически корректным» писателем, но именно он был одним из тех, кто открыл мне гигантский мир: в его книгах заключена такая мощная жизненная энергия, какую редко встретишь в произведениях современных литераторов.

— Я ничего не имею против Генри Миллера. Наоборот, я сама его поклонница, — отвечает она. — Вы знаете, что он был женат на японке?

Знаю, конечно. Я не стыжусь быть поклонником кого бы то ни было и всегда стараюсь узнать как можно больше о жизни своего кумира. Когда-то я отправился на книжную ярмарку только ради того, чтобы познако-

миться с Жоржи Амаду. Проехал сорок восемь часов на автобусе, чтобы встретиться с Хорхе Луисом Борхесом (и, в конце концов, съездил напрасно, в чем сам виноват: когда я увидел его, меня буквально парализовало и я не смог произнести ни слова). Звонил в дверь нью-йоркской квартиры Джона Леннона (портю попросил оставить визитную карточку, указав цель визита, и сказал, что, возможно, Джон Леннон мне позвонит, — чего я так и не дождался). Готовился посетить Биг-Сур, чтобы увидеть Генри Миллера, но он умер раньше, чем мне удалось собрать деньги на дорогу.

— Японку зовут Хоки, — отвечаю с гордостью. — Мне также известно, что в Токио есть музей, где демонстрируются акварели Миллера.

— Хотите познакомиться с ней сегодня вечером?

Что за вопрос! Разумеется, я хотел бы побыть рядом с той, кто был близок моему идолу. Правда, к ней, наверное, едут со всего света, и журналисты, небось, осаждают ее — как-никак они прожили вместе почти десять лет. Удобно ли просить ее о встрече простому смертному? Но переводчица утверждает, что удобно, и я верю ей: японцы слов на ветер не бросают.

С нетерпением жду вечера. Наконец мы садимся в такси, и после этого начинают происходить удивительные вещи. Мы останавливаемся на улице, куда не заглядывает солнце, так как прямо над ней проходит путепровод. Переводчица указывает на пивнушку, расположенную на втором этаже покосившегося от ветхости здания.

Поднимаемся по лестнице и попадаем в помещение, где нет ни одного посетителя и где мы видим Хоки Миллер.

Чтобы скрыть смущение, я начинаю слишком эмоционально превозносить ее бывшего мужа. Она ведет меня в одну из дальних комнат, где выставлена небольшая экспозиция: несколько фотографий, две или три подписанные акварели, книга с автографом — и больше ничего. Она рассказывает, как познакомилась с ним, когда училась в лос-анджелесском университете. Она вынуждена была подрабатывать игрой на пианино в одном из ресторанов, исполняя французские песни на японском языке. Миллер приходил туда ужинать, ему очень нравились песни (он прожил в Париже большую часть своей жизни), несколько раз он провожал ее, а потом попросил руки.

Замечаю в пивнушке пианино: оно стоит как напоминание о тех днях, когда они познакомились. Она рассказывает мне восхитительные истории из их совместной жизни, упоминает о проблемах, возникавших из-за разницы в возрасте (Миллеру было за пятьдесят, а Хоки не исполнилось и двадцати), вспоминает о времени, проведенном вдвоем. Говорит, что все его имущество, в том числе авторские права на книги, досталось наследникам от других браков, но это для нее не имеет значения: счастье, которое она испытала с ним, не измеришь деньгами.

Я прошу ее сыграть ту же мелодию, которая понравилась Миллеру много лет назад. Она садится за пи-

нино и поет «Мертвые листья» («Feuilles Mortes»), при этом глаза ее наполняются слезами.

Мы с переводчицей тоже не в силах сдержать чувств. Гливяная, пианино, отражающийся от голых стен голос японки, равнодушной к славе бывших жен Миллера, к большим деньгам, которые издатели платят за переиздания его книг, к мировой известности, которой она могла бы пользоваться сейчас.

«Ради чего добиваться наследства? Мне хватило любви», — говорит она под конец, угадывая наши мысли. В ее голосе нет ни нотки горечи или озлобления, и мне нетрудно поверить: ей хватило любви.

О значении простого взгляда

Вначале Тео Виерема просто был настойчив. В течение пяти лет он посылал на адрес моего офиса в Барселоне приглашения выступить с лекцией в Гааге, городе в Голландии.

И в течение пяти лет из моего офиса неизменно отвечали ему, что у меня нет для этого свободного времени. На самом деле не так чтоб у меня совсем его не было: просто писатель не обязательно бывает хорошим оратором. Кроме того, все, что я хочу сказать, я излагаю в своих книгах и на колонках газет, которые веду, — вот почему я всегда стараюсь избегать публичных выступлений.

Однажды Тео узнал, что я собираюсь записывать программу для одного из голландских телевизионных каналов. Когда я прибыл на съемки, он уже ждал меня в холле гостиницы. Представился и попросил разрешения проводить меня, сказав:

— Дело не в том, что я не могу смириться с отказом. Но я считаю, что в этом случае всего лишь шел к цели неверным путем.

Да, за свою мечту надо бороться, но надо также понимать, что, если достичь желаемого невозможно, лучше

сохранить энергию для других важных начинаний. Я мог бы ответить ему «нет» (ведь я уже не раз произносил и слышал от других это слово), но решил действовать более дипломатично, поставив ему невыполнимые условия.

Я сказал, что готов выступить бесплатно, если билет для зрителей будет стоить не больше двух евро, а в зале будут находиться не более двухсот человек.

Тео согласился.

— Но вы же потратите больше, чем заработаете, — заметил я. — По моим подсчетам, только билет на самолет и оплата моего проживания в гостинице обойдутся вам втрое дороже, чем вы сможете выручить, даже если зал будет полон. Но вам ведь еще придется потратиться на афиши и объявления, аренду зала...

Тео перебил меня, заявив, что все это не имеет для него значения, ибо им движет исключительно профессиональный интерес.

— Я организую подобные мероприятия, чтобы не утрачивать веру в стремление человека жить в лучшем мире. Я считаю своим долгом способствовать достижению этой цели.

— Какова же ваша профессия?

— Я продаю церкви.

И добавил, к моему вящему удивлению:

— Я уполномочен Ватиканом отбирать покупателей, поскольку в Голландии церковью больше, чем верующих. У нас был печальный опыт, когда святые места превращались после продажи в ночные клубы, доходные дома,

бутики и даже в секс-шопы, и это заставило нас изменить подход к делу. Теперь проект переоборудования церкви должен быть одобрен местной общественностью, а покупатель берет определенные обязательства. Обычно мы принимаем только те предложения, которые предусматривают создание культурного центра, благотворительной организации или музея. Не понимаете, при чем тут ваше выступление и другие выступления, которые я пытаюсь организовать? Дело в том, что люди перестали собираться вместе. А если люди не встречаются, то они не способны двигаться вперед.

Пристально посмотрев на меня, он заключил:

— Надо встречаться. Моя ошибка в случае с вами заключалась в том, что я отправлял вам электронные сообщения, вместо того чтобы явиться к вам собственной персоной и дать вам возможность убедиться, что я человек из плоти и крови. Однажды, не получив ответа на свое письмо от некоего политика, я пошел к нему на прием, и он сказал мне: если вы хотите что-нибудь получить, сначала покажите свои глаза. С тех пор я только так и поступаю, и мне всегда сопутствует успех. Мы можем иметь самые современные средства коммуникации, но ничто, абсолютно ничто не способно заменить простого человеческого взгляда.

Само собой, я принял его предложение.

P. S. Когда я приехал в Гаагу для выступления, то попросил показать мне некоторые церкви, выставленные

на продажу. Я думал о своей жене — художнице, всегда мечтавшей открыть собственный культурный центр. Интересно, если бы я интересовался ценой одной из церквей, вмещавшей во время воскресных служб до пятисот верующих, я услышал в ответ: 1 (ОДИН!) евро. Впрочем, расходы на ее содержание вполне могли оказаться запредельными.

Чингисхан и его сокол

Во время недавнего посещения Казахстана, страны в Центральной Азии, мне представилась возможность понаблюдать за охотой с соколами. Не стану вдаваться здесь в рассуждения относительно оправданности употребления в данном случае слова «охота». Замечу лишь, что в этом действе совершается один из природных циклов.

Я был без переводчика, но то, что в иной ситуации могло стать проблемой, оказалось благом. Лишенный возможности общения, я больше обращал внимание на действия. Сначала свита охотника остановилась, сам он отделился от нее, снял колпачок с головы птицы. Я не знал, почему он остановился именно в том месте, и некого было спросить.

Сокол взлетел, описал несколько кругов в воздухе и вдруг выверенным нырком устремился к оврагу и исчез в нем. Приблизившись, мы заметили, что он держит в лапах лисицу. Потом сцена повторилась еще раз.

На обратном пути я встретился с моими знакомыми, уже поджидавшими меня, и смог наконец задать вопрос, каким образом удастся приручить сокола и заставить его делать все то, что я видел, в частности покорно сидеть на руке хозяина (и даже на моей руке, на которую

его посадили, предварительно повязав кожаные манжеты — благодаря этому я смог увидеть вблизи его острые когти).

Внятного ответа я так и не получил. Все только повторяли, что это искусство передается из поколения в поколение, отец учит сына, тот, в свою очередь, учит своего сына и так далее. Но навсегда останется в памяти запечатленная сетчаткой моих глаз удивительная картина: на фоне заснеженных гор силуэт лошади и всадника, взлетающий с его руки сокол и выверенный нырок в цель.

А еще запомнится легенда, которую рассказал мне потом за обедом один из сопровождающих.

Однажды утром монгольский завоеватель Чингисхан со своей свитой отправился на охоту. Его спутники вооружились луками и стрелами, а сам он держал на руке любимого сокола. С ним не мог сравниться никакой стрелок, потому что птица выглядывала жертву с неба, куда человек не способен подняться.

И все же, несмотря на азарт, овладевший охотниками, никто из них так ничего и не добыл. Разочарованный Чингисхан возвращался в свой лагерь, и, чтобы не вымещать дурное настроение на своих товарищах, он удалился от свиты и поехал один.

Они слишком задержались в лесу, и Чингисхан изнемогал от усталости и от жажды. Из-за засухи, случившейся в том году, речки пересохли, и нигде нельзя было найти ни глотка воды, но вдруг — о чудо! — он заметил тоненькую струйку воды, стекающую со скалы.

Тотчас же он снял с руки сокола, достал небольшую серебряную чашу, всегда находившуюся при нем, подставил ее под струйку и долго ждал, пока она наполнится до краев. Но когда он уже подносил чашу к губам, сокол взмахнул крыльями и выбил ее, отбросив далеко в сторону.

Чингисхан пришел в ярость. Но все же он очень любил этого сокола и к тому же понимал, что птицу тоже, наверное, мучает жажда. Он поднял чашу, вытер ее и снова подставил под струйку. Не успела она наполниться и наполовину, как сокол опять выбил ее из руки.

Чингисхан обожал птицу, но он никак не мог допустить столь непочтительного отношения к себе. Кто-нибудь мог стать свидетелем этой сцены, а потом рассказать его воинам, что великий завоеватель оказался не способен проучить какую-то птицу.

Он извлек меч, а другой рукой поднял чашу и подставил ее под струйку, одним глазом следя за водой, а другим — за соколом. Когда воды набралось достаточно, чтобы утолить жажду, сокол снова взмахнул крыльями, задев ими чашу, но на этот раз Чингисхан точным ударом меча рассек ему грудь.

И тут струйка иссякла. Полный решимости во что бы то ни стало добраться до источника, Чингисхан стал взбираться на скалу. Он обнаружил его на удивление быстро, но в нем, прямо в воде, лежала мертвая змея — самая ядовитая из всех обитающих в тех местах змей. Если бы он выпил воды, не быть бы ему в живых,

Чингисхан вернулся в лагерь с мертвым соколом в руках и приказал изготовить его изваяние из чистого золота, выгравировав на одном крыле:

«Даже когда твой друг совершает поступки, которые тебе не по душе, он остается твоим другом».

На другом же крыле он распорядился написать:

«То, что делается в ярости, не ведет к добру».

Подсматривая за чужим садом

«Предложи глупцу на выбор тысячу разных умных голов, он будет хотеть только твою», — говорит арабская пословица. Мы начали растить сад своей жизни и, оглядевшись, увидели соседа, пристально наблюдавшего за нами из-за кустов. Сам он не способен ничего создать, но любит судачить о том, как мы сеем свои поступки, выращиваем наши мысли, подкармливаем успехи.

Если мы будем придавать значение всему, что он говорит, то окажется, что мы работаем ради него, и сад нашей жизни станет его идеей. Мы забудем о том, сколько пота пролили, обрабатывая почву, сколько души отдали, чтобы удобрить ее. Мы забудем, что каждый сантиметр земли имеет свои тайны, которые только терпеливая рука садовника способна раскрыть. Мы больше не будем следить за солнцем, ждать дождя и перестанем замечать смену времен года — чтобы думать только об одном: о тех глазах, которые выслеживают нас из-за укрытия.

Глупец, который любит судачить о чужом саде, не способен ухаживать за своим.

Ящик Пандоры

За одно утро я получил три весточки с разных континентов. Первая — электронное письмо от журналиста Лауро Жардина с просьбой подтвердить некоторые сведения, изложенные в одной заметке обо мне, и с рассказом о том, что случилось в Росинье, штат Рио-де-Жанейро. Вторая — телефонный звонок от жены, только что вернувшейся во Францию: она показывала Бразилию нашим друзьям — одной французской чете, и они остались напуганными и разочарованными увиденным. И наконец, третья — от журналиста, который должен изъять у меня интервью для российского телевидения. Он спрашивает, правда ли, что в моей стране за последние двадцать лет погибли от рук преступников более полу-миллиона человек?

«Конечно, неправда», — отвечаю.

«Но вот же цифры!» — Он ссылается на данные «некоего бразильского института» (на самом деле, Национального центра географии и статистики Бразилии).

Мне нечего сказать. Насилие в моей стране столь велико, что о нем знают за океанами, за горами и даже в Центральной Азии. Что по этому поводу сказать?

Сказать недостаточно, потому что слова, которые не превращаются в действие, «насылают чуму», как

писал Уильям Блейк. Я пытаюсь делать то, что в моих силах: создал вместе с двумя настоящими подвижниками, Изабеллой и Иоландой Малтаролли, школу, в которой учатся, окруженные лаской и любовью, триста шестьдесят детей из фавел района Паван-Паванзиньо. Я знаю, что тысячи бразильцев делают еще больше, не создавая из этого рекламу, не получая помощи ни от государства, ни от предпринимателей, ради того только, чтобы не дать победить себя худшему из врагов — отчаянию.

В какой-то момент своей жизни я пришел к выводу, что ситуация изменится, если каждый станет исполнять свой долг. Но этой ночью, глядя на заснеженные горы на границе с Китаем, я испытал сомнения в его справедливости. Наверное, все-таки права пословица, которую я знаю с детства: «Сила не слышит правды».

Снова гляжу на горы, освещенные лунным светом. Неужели и впрямь никакими доводами не пронять грубую силу? Как и все бразильцы, я пробовал, стремился, заставлял себя поверить в то, что однажды жизнь в моей стране станет лучше, но с каждым годом положение только усугублялось, никак не завися ни от действий правительства или партий, ни от экономических программ, ни от отсутствия таковых.

Насилие существует повсюду. Помню, однажды в Ливане, вскоре после опустошительной войны, я прохаживался со знакомой, Соулой Саад, по превращенным в руины улицам Бейрута. Она мне рассказывала, что ее город

уже разрушался до этого семь раз. Я спросил как бы и шутку, почему каждый раз город восстанавливали, вместо того чтобы перенести его на новое место. «Потому что это наш город, — ответила она. — Потому что тот, кто не испытывает почтения к земле, где захоронены его предки, будет проклят навеки».

Человек, не имеющий почтения к своей земле, не уважает самого себя. В каком-то греческом мифе классического, или олимпийского, периода один из богов, пришедший в ярость, из-за того что Прометей украл огонь, чтобы помочь человеку обрести независимость, посылает на землю Пандору соблазнить его брата, Эпиметеуса. У Пандоры был при себе ящик, который ей не дозволено было открывать, но, как и Ева в христианских мифах, она оказалась слишком любопытной и приподняла крышку, чтобы заглянуть внутрь. В этот момент все пороки и несчастья вылетели оттуда и разлетелись по свету.

И только Надежда осталась внутри.

А потому, несмотря на все контраргументы, на уныние и чувство бессилия, несмотря на мою убежденность в том, что ничего не изменится к лучшему, я не могу отречься от единственного, что поддерживает во мне полю к жизни, — от надежды. Для псевдоинтеллектуалов это слово всегда являлось предметом насмешек и было почти равнозначным слову «обман». Это слово натаскано политиками, которые обещают то, чего они заведомо не собираются выполнять, и тем самым ранят

сердца людей. С этим словом на устах мы часто просыпаемся утром, но потом оно подвергается истязаниям в течение дня и умирает к ночи, чтобы с утренней зарей снова ожить.

Да, есть такая пословица: «Сила не слышит правды».

Но есть и другая поговорка: «Пока дышу — надеюсь». Глядя на заснеженные горы на границе с Китаем, я больше верю последней.

Как часть может содержать в себе целое

Мы собрались дома у одного художника из Сан-Пауло, ныне живущего в Нью-Йорке, и беседуем об ангелах и алхимии. Я пытаюсь объяснить присутствующим идею алхимии: в каждом из нас заключена вся Вселенная и каждый ответствен за всю Вселенную.

Бьюсь над словами, но яркого образа все равно не получается. Художник, который до этого слушал молча, предлагает всем посмотреть в окно своей студии.

— Что вы там видите?

— Улицу, — отвечает кто-то.

Художник наклеивает на окно лист бумаги и перочинным ножиком проделывает в нем маленький квадрат.

— А если мы посмотрим сюда, что увидим?

— Ту же улицу, — говорит другой из гостей

Художник вырезает еще несколько квадратов.

— Подобно тому, как сквозь каждую дыру на этой бумаге видна одна и та же улица, так и мы содержим в себе одну и ту же Вселенную, — произносит он.

И все хлопают в ладоши, восхищаясь доходчивым образом.

Музыка в часовне

В день рождения я получил подарок свыше, о котором хотел бы рассказать читателям.

Среди лесов неподалеку от городка Азерей, на юго-западе Франции, есть небольшой холм, поросший деревьями. В сорокаградусную жару, помня о том, что этим летом в больницах умерло от зноя около пяти тысяч человек, и наблюдая полностью уничтоженные засухой кукурузные поля, мы не горим особым желанием отправляться на прогулку, но все же я предлагаю жене:

— Ты не хочешь прогуляться по этой лесной дороге? Когда-то, проводив тебя до аэропорта, я возвращался по ней пешком, и она показалась мне восхитительной.

Глядя вдоль дороги, Кристина спрашивает, что за белое пятно виднеется среди деревьев.

— Небольшая часовня.

Рассказываю, что дорога проходит мимо этой часовни, но в тот единственный раз, когда я гулял по тем местам, она была закрыта. Нам, привыкшим к постоянному созерцанию гор и полей, присутствие Бога видится повсюду, и совсем необязательно заходить внутрь сооружения, созданного человеком, чтобы встретиться с Господом. Сколько раз во время наших длительных прогулок мы молились в тишине, слушая голоса природы

и чувствуя, как невидимый мир одухотворяет мир видимый. Через полчаса, поднявшись в гору, мы видим прямо перед глазами часовню в окружении деревьев. Тут же возникают вопросы, которые всегда приходят на ум в таких случаях: кто ее построил? зачем? в честь какого святого?

По мере нашего приближения к часовне мы все отчетливее слышим музыку и голос, как будто наполняющий радостью пространство вокруг нас. «Когда я в прошлый раз был здесь, то не заметил громкоговорителей», — горюю я себе. Мне кажется удивительным то, что на этой тропинке, по которой люди ходят довольно редко, кто-то включил музыку для привлечения посетителей.

В отличие от предыдущего раза дверь оказалась открытой. Вошли — и ощущение, что мы находимся в совсем ином мире, сразу охватило нас. В алтаре залитой утренним светом часовни был выставлен образ Непорочного Зачатия, по центру в три ряда стояли скамейки, а в углу играла на скрипке и пела, устремив на образ неподвижный и преисполненный восторга взгляд, девушка лет двадцати.

Я зажигаю три свечи, как поступаю всегда, когда впервые захожу в храм (одну — за себя, другую — за друзей и читателей, а третью — за плоды своего труда). Тут же мельком бросаю взгляд назад: девушка заметила наше присутствие, улыбнулась и продолжала играть.

У меня такое чувство, будто я в Раю, и кажется, что это чувство нисходит на меня с самих небес. Словно угадав, что происходит в моем сердце, девушка то играет, то делает паузы, давая воцариться тишине, то читает молитву.

Я понимаю, что переживаю незабываемый момент своей жизни, хотя обычно такое понимание приходит лишь после того, как очарование рассеивается. Я весь в настоящем, без прошлого и без будущего; существуют только это утро, эта музыка, это блаженство и неожиданная молитва. Мною овладевают восторг, почти экстаз, и чувство благодарности за то, что я живу. После многих пролитых слез и по прошествии, как мне кажется, целой вечности девушка делает паузу, мы с женой встаем, благодарим ее, и я говорю, что хотел бы сделать ей какой-нибудь подарок за то, что она наполнила мою душу умиротворением. Она отвечает, что бывает в часовне каждое утро и что так она молится. Я еще раз заговариваю о подарке, она колеблется, но в конце концов дает мне адрес монастыря.

На следующий день я посылаю ей одну из своих книг и вскоре получаю ответ, где она пишет, что душа ее преисполнилась радости, когда она увидела, как мы переживали вместе с ней блаженство и чудо бытия.

Скромность часовни, голос девушки, всепроникающий утренний свет еще раз напомнили мне истину, что Божье величие всегда проявляется в простоте. Если ты, мой читатель, когда-либо окажешься в маленьком городке Азерей и увидишь часовню, стоящую в лесу, не поленись пройти до нее. Если это будет утро, ты найдешь там одинокую девушку, славящую Божье Творение своей музыкой.

Ее зовут Клавдия Кавежир. Вот ее адрес: монастырь Нотр-Дам де Лёро, 63850, Оссун, Франция. Уверен, что ей было бы очень приятно получить от тебя открытку.

Озеро Дьявола

И стою на берегу красивого озера неподалеку от поселения Бабинда, в Австралии. Ко мне подходит молодой абориген.

— Осторожно, не поскользнитесь, — говорит он.

Озеро окружено каменистыми выступами, но особенно опасных мест не видно, везде можно свободно пройти.

— Этот водоем называется Озером Дьявола, — продолжает абориген. — Много лет назад красавица Оолона, жена воина Бабинды, полюбила другого мужчину и убежала с ним в эти горы. Когда Бабинда настиг их, любовник удрал, а Оолона погибла от рук мужа, и тело ее осталось на дне этого озера.

С тех пор Оолона принимает каждого мужчину за своего любовника и, если тот падает в воду, душит его в своих водяных объятиях.

И позже я заговариваю об Озере Дьявола с хозяином небольшой гостиницы.

— Может, это и суеверие, — говорит он. — Но как объяснить тот факт, что за последние десять лет здесь погибли одиннадцать туристов, и абсолютно все — мужчины.

Покойник в пижаме

Читаю в одном электронном издании: 10 июня 2004 года в городе Токио был найден покойник в пижаме.

Ну что ж, ничего особенного: по-моему, если человек умирает в пижаме, то это значит:

- а) что он скончался во сне — само по себе милость Божья;
- б) что рядом с ним находились его родные или он умер на больничной койке — в обоих случаях кончина не была внезапной и у всех было время подготовиться к визиту «незваной гостьи», как называл смерть бразильский поэт Мануэль Бандейра.

Но читаю дальше: в момент смерти он находился в своей комнате. Отпадает версия больничной койки. Следовательно, он умер во сне, не страдая, даже не догадываясь, что больше не увидит солнечного света.

Правда, есть еще одна гипотеза: он умер насильственной смертью, подвергшись нападению грабителей.

Тому, кто знаком с Токио, известно, что этот гигантский город — один из самых безопасных в мире. Вспоминаю, как однажды мы (я и мои издатели) остановились пообедать в ресторане, перед тем как отправиться на машине в один из внутренних районов страны. Все наши вещи были брошены на заднем сиденье автомобиля. Я забеспокоился было, что сумки, оставшиеся лежать на виду

у прохожих, могут соблазнить какого-нибудь воришку и мы останемся без одежды и документов, на что мой издатель улыбнулся и посоветовал не беспокоиться: сколько живет на свете, он не слышал о подобных случаях в Токио. (И действительно с нашими вещами ничего не случилось, хотя я и проерзал на своем стуле весь обед.)

Но вернемся к нашему покойнику в пижаме: не было обнаружено признаков борьбы, насилия или чего бы то ни было в этом роде. Офицер столичной полиции сообщил газете, что, скорее всего, смерть наступила от сердечного приступа. Следовательно, можно отбросить версию нападения.

Груп был обнаружен рабочими строительной фирмы на втором этаже здания, в той его части, которая подлежала сносу. Это наводит на мысль о том, что наш покойник в пижаме, лишившись надежды найти приличное жилище в одном из самых густонаселенных и дорогих городов мира, просто-напросто упростил себе задачу, отправившись туда, где не надо платить за аренду помещения.

И тут мы подходим к самому печальному месту в заметке: наш покойник был на самом деле скелетом, одетым в пижаму. У его изголовья лежала газета, датированная двадцатым февраля 1984 года. Календарь на соседнем столике указывал ту же дату.

Иными словами: покойник пролежал в кровати двадцать лет.

И никто не хватился его.

Его опознали как бывшего служащего компании, строившей здание, в которое он переехал вскоре после развода с женой. Когда он читал газету, ему было чуть больше пятидесяти. И вдруг его не стало.

Бывшая жена этого человека ни разу не поинтересовалась его судьбой. Попытались разыскать фирму, где он работал: оказалось, что вскоре после окончания строительства этого здания фирма обанкротилась, так как не было куплено ни одной квартиры; поэтому никого не удивило, что один из сотрудников больше не появлялся на службе. А его друзья решили, что он бежал от кредиторов, будучи не в состоянии вернуть долг.

В конце заметки сообщалось, что останки покойного были переданы бывшей жене. На этой заключительной фразе я задумался: бывшая жена еще жива, но за двадцать лет она ни разу не попыталась что-либо узнать о нем. Что было у нее на душе? Обида за то, что он разлюбил ее? Подозрение, что он пропал бесследно, потому что встретил другую женщину? Так уж повелось в нашей жизни: как только завершены формальности и брак расторгнут, сама собой пропадает необходимость продолжать какие бы то ни было отношения между бывшими супругами. Представляю, что пережила женщина, когда узнала о такой смерти человека, с которым разделила большую часть своей жизни.

Потом я задумался о самом покойнике в пижаме, о его полном, беспросветном одиночестве — таком одиночестве, что за двадцать лет ни один человек в целом мире

попросту не заметил его бесследного исчезновения. И я пришел к выводу, что хуже любого голода, любой нужды, безработицы, неразделенной любви, горечи поражения — хуже всего этого знать, что ты никому, совершенно никому в этом мире не нужен.

Давайте сейчас про себя помолимся за этого несчастного и поблагодарим его за то, что он заставил нас вспомнить о значении дружбы.

Одинокий уголек

Хуан всегда посещал воскресные службы, но однажды он подумал, что в своих проповедях пастор стал повторяться, и не захотел больше ходить в церковь.

Два месяца спустя, холодным зимним вечером, пастор явился к нему.

«Видимо, пришел убеждать меня вернуться в церковь», — сказал Хуан про себя и тут же подумал, что ему не хватит духу сообщить пастору, что подлинной причиной его нежелания посещать церковь были однообразные проповеди. И Хуан, пока ставил стулья перед камином и заговаривал о погоде, стал подыскивать какую-нибудь другую отговорку.

Пастор молчал. Хуан, так и не сумев завязать разговор, тоже замолк. С полчаса оба сидели молча, глядя на огонь.

Наконец пастор встал и, орудуя поленом, лежавшим около камина, выкатил из груды жара один уголек.

Тлеющий уголек, оказавшись вне очага, скоро начал гаснуть. Хуан вдруг вскочил и резким движением отбросил его обратно в огонь.

— Доброй ночи, — произнес пастор, поднимаясь, чтобы уходить.

— Доброй ночи и большое вам спасибо, — ответил Хуан. — Как бы ярко ни горел уголек, он быстро погаснет вне очага. Так же и человек: каким бы умным ни был, он не сумеет сохранить тепло своего пламени, если обособится от других. Я снова приду в церковь в следующее воскресенье.

Мануэль — особа важная и нужная

Мануэль всегда должен быть чем-то занят. Иначе ему кажется, что жизнь не имеет смысла, что он зря теряет время, что он никому не нужен, что никто его не любит и никто не хочет с ним знаться.

Поэтому не успевает Мануэль проснуться, как у него уже масса разных дел: посмотреть новости по телевизору (вдруг что-то важное случилось за ночь), прочитать газету (возможно, что-нибудь произошло вчера днем), напомнить жене, чтобы она вовремя собрала детей в школу, поехать куда-то на машине, на такси, на автобусе или на метро, всегда оставаясь собранным, глядя в пространство, посматривая на часы, когда есть прием — названивая по мобильному телефону, — и всегда усердно изображая из себя особу важную, всем нужную.

Вот Мануэль является на службу, склоняется над бумагами, ожидающими его на столе. Если он простой служащий, то всячески старается показать шефу, что пришел вовремя. Если он начальник — торопит подчиненных скорее начинать работу; когда нет срочных дел, Мануэль организует, придумывает их, предлагает новый план, указывает новые направления деятельности.

Вот Мануэль идет обедать. Он никогда не обедает в одиночку. Если он начальник, то садится с приятелями и обсуждает новые стратегии, ругает конкурентов, всегда держит про запас веский аргумент и сетует (не без некоторого хвастовства) на чрезмерную занятость. Если Мануэль простой служащий, он также обедает вместе с приятелями, жалуется на шефа, на слишком большую занятость, утверждает не без отчаяния (и гордости) в голосе, что без него многие дела развалились бы.

Мануэль — будь то начальник или простой служащий — высиживает на службе до последнего. Время от времени он поглядывает на часы: пора бы уже отправиться домой, да надо еще это дельце закончить, ту бумажку подписать. Он — человек порядочный, честно отработывает свое жалованье, соответствует возлагаемым на него ожиданиям, оправдывает надежды родителей, которые сделали все, чтобы дать ему хорошее образование.

Наконец он возвращается домой. Принимает ванну, одевается в удобную домашнюю одежду и идет ужинать с семьей. Расспрашивает об успехах детей, о занятиях жены. Иногда заговаривает о своей работе, но только для того, чтобы привести себя в пример: у него ист привычки просто так обсуждать дома служебные дела. Ужин заканчивается, и дети — от которых его нарекания отскакивают, как горох от стенки, — встают из-за стола и несутся к компьютеру. А Мануэль садится перед аппаратом, знакомым ему еще с детства, название

которому — телевизор. Он еще раз смотрит программу новостей (вдруг что-то произошло в течение дня).

Когда он ложится, то обязательно читает книгу по специальности: начальник он или простой служащий, ему нельзя отставать от прогресса, иначе он не выдержит конкуренции, потеряет место и столкнется с самой страшной из всех бед — безработицей.

Поговорит о том о сем с женой: в конце концов, он человек приличный, труженик, любящий муж и отец, заботящийся о семье и готовый стоять за нее горой в любых обстоятельствах. Вскоре к нему подбирается сон, и Мануэль засыпает с сознанием того, что на следующий день ему снова предстоит выполнить массу дел, для чего необходимо восстановить силы.

Этой ночью Мануэлю приснился сон, будто ему явился ангел и спрашивает: «Ради чего ты все это делаешь?» «Я человек ответственный», — отвечает он.

Ангел снова спрашивает: «А мог бы ты хоть на пятнадцать минут остановиться, оглядеться вокруг, посмотреть на мир своими глазами — и ничего не делать?» «С удовольствием, — отвечает Мануэль, — но у меня нет времени». «Неправда, — говорит ангел. — У каждого есть время для этого, но не всем хватает смелости. Труд — благо, когда он помогает понять смысл жизни. Но он становится проклятием, если весь его резон сводится к тому, чтобы заглушить мысли о сути бытия».

Мануэль просыпается среди ночи в холодном поту. («Мелость? Что за чушь — обвинять в отсутствии мелости того, кто постоянно жертвует собой ради других?»)

Лучше снова попытаться заснуть, тогда все останется просто сном и вопросы эти забудутся, а завтра с утра будет очень, очень много дел.

Мануэль на покое

Вот уже тридцать лет Мануэль трудится без устали, воспитывает детей, учит их на своем примере, всего себя отдает работе и никогда не задается вопросом: «А ради чего я все это делаю?» Его единственная забота — как бы постоянно поддерживать в себе чувство занятости и тем самым казаться важным в глазах других.

Его дети вырастают и покидают отчий дом, его продвигают по службе, и вот настает день, когда ему дарят часы или ручку в благодарность за многолетний добросовестный труд, друзья роняют пару слез: он выходит на пенсию. Наконец он свободен и может делать все, что ему заблагорассудится!

Первые месяцы он иногда заходит в контору, где работал, беседует со старыми приятелями и наслаждается тем, что теперь может поспать подольше, о чем всегда так мечтал. Он гуляет по пляжу или по городу, у него есть загородный дом, деньги на который были заработаны тяжким трудом, он увлекся садоводством и скоро познает все секреты разведения цветов и деревьев. У Мануэля теперь полно времени — все время отныне принадлежит ему. Он путешествует на сбережения, которые удалось скопить. Посещает музеи, и за два часа узнает то, к чему сами художники и скульпторы шли

исками. Зато он уверен, что его культурный уровень растет. Он делает сотни, тысячи фотокарточек и рассылает их друзьям: пусть и они знают, насколько он счастлив!

Так проходит несколько месяцев. Мануэль узнает, что растения в саду не подчиняются тем же правилам, что и люди: они развиваются медленно, и розам нет никакого дела до того, что ему не терпится поскорее увидеть на них бутоны. Однажды, задумавшись всерьез, он вдруг начинает понимать, что увиденное им во время путешествий — всего лишь один сплошной пейзаж за окном туристического автобуса да еще несколько памятников, впечатленных на фотокарточках размером шесть на девять; никаких ярких воспоминаний не осталось — ведь он больше думал о том, как бы произвести впечатление на приятелей своими рассказами о волшебной красоте юморских стран.

Он по-прежнему смотрит по телевизору все программы новостей, читает много газет (у него теперь есть и МІ этого время), считает себя весьма информированным и готов спорить на темы, в которые раньше никогда не вникал.

Он старается найти тех, кто разделял бы его взгляды, но все вокруг поглощено житейской суетой, работой, какими-то хлопотами. Они завидуют свободе Мануэля, но в то же время и гордятся своей «занятостью».

Мануэль ищет отрады в общении со своими детьми (они всегда относились к нему с нежностью: ведь

он был для них прекрасным отцом, образцом порядочности и добросовестности. Но и у детей теперь своя жизнь, и лишь по воскресеньям они выкраивают пару часов, чтобы пообедать всем вместе в родительском доме.

Мануэль — человек свободный, обеспеченный, грамотный, с безупречным прошлым, но какая ему от всего этого радость? Что проку от этой долгожданной свободы? Все его поздравляют, хвалят, но никто не в состоянии уделить ему лишней минуты. Со временем Мануэля охватывает грусть, он начинает ощущать свою ненужность, хотя столько сделал для семьи и для других.

И однажды ночью ангел является ему во сне: «Как ты распорядился своей жизнью? Что ты сделал, чтобы жить в согласии с мечтами?»

Мануэль просыпается в холодном поту. С какими мечтами? Все его мечты сводились к тому, чтобы получить высшее образование, жениться, вырастить детей, дать им образование, выйти на пенсию, поехать по миру. Что за нелепые вопросы задает этот ангел?

Начинается новый, долгий-предолгий день. Газеты, программа новостей, сад, обед, послеобеденный сон, какое-нибудь занятие в свое удовольствие. И вдруг, откуда ни возьмись — ощущение, что никаких удовольствий у него больше не будет. Мануэль, человек свободный и печальный, оказывается на грани депрессии,

потому что всю жизнь он был слишком занят, чтобы задуматься о смысле жизни. Годы текли и текли, как иода под мостом. Как сказал один поэт, «пронесся по жизни, так и не пожив».

Но, поскольку признавать это ему уже слишком поздно, лучше сменить тему. Свобода, достигнутая с таким трудом, оказывается ненадежным укрытием.

Мануэль отправляется в Рай

Мануэль выходит на пенсию. Сначала он наслаждается тем, что утром можно поспать подольше и тратить время в свое удовольствие. Но вскоре он впадает в депрессию: на него давит ощущение собственной ненужности и обособленности от общества, на благо которого он трудился всю жизнь, он болезненно переживает уход из дома повзрослевших детей и страдает от неспособности осознать смысл жизни — ведь он никогда и не пытался найти ответ на извечный вопрос: «Ради чего я живу?»

И вот настает день, когда наш дорогой, наш порядочный, наш добросовестный Мануэль покидает этот мир — а такое однажды непременно случается со всеми Мануэлями, Мигелями, Мариями, Мониками... О том, что происходит дальше, предоставим поведать Энри Дрюммонду, автору замечательной книги «Высший дар».

«В какой-то момент перед нами встает вопрос, которым задаются все люди из поколения в поколение.

Что важнее всего в жизни?

Мы хотим прожить наши дни как можно полноценнее, и никто за нас этого не сделает. Поэтому нам нужно

знать: на что нам направить свои усилия? какова высшая цель, к которой мы должны стремиться?

Мы не раз слышали, что высшей ценностью духовной жизни является вера. На одном этом слове многие столетия держится религиозность.

Следовательно, вера — это и есть то, что важнее всего в жизни? Отнюдь. Такой вывод был бы совершенно неправильным.

В своем Послании к коринфянам, глава 13, святой Павел, обращаясь к первым христианам, говорит: *«А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше».*

Это сказано святым Павлом не для красного словца. Чуть раньше, в том же Послании, он говорит о вере:

«Если имею... всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто».

Павел не боится говорить без обиняков. Наоборот, он открыто сравнивает веру с любовью, заключая:

«...но любовь из них больше».

У Матфея мы находим классическое описание Страшного суда: Сын Человеческий сядет на престоле и, как пастух, станет отделять овец от козлищ.

В тот момент для человека главным будет не вопрос: «Как я жил?» Главным будет вопрос: «Как я любил?»

Окончательным мерилom нашего успеха на пути спасения будет любовь. Что сделали, во что верили, чего добились — все это не будет приниматься во внимание.

Не за это с нас спросится, а за то, как мы любили ближнего своего.

О наших заблуждениях даже не будет помянуто. Нас будут судить за добро, которого мы не совершили. Ибо запереть Любовь внутри себя — значит идти против Святого Духа. Это значит также, что мы никогда Его не знали, что Его любовь к нам была напрасной и что Он зря пожертвовал Своим Сыном».

Если так, то наш Мануэль обрел спасение после смерти: никогда не задумываясь о смысле жизни, он все же умел любить, содержал семью и делал это достойно. Но, хоть конец и получился счастливым, не станем забывать, что последние дни Мануэля на этом свете были мучительными.

По этому поводу я вспоминаю фразу, которую сказал Шимон Перес, выступая на Давосском Всемирном форуме: «Умирают все — и оптимист, и пессимист. Разница в том, как они распорядились своей жизнью».

Выступление в Мельбурне

На Фестивале писателей мое выступление стоит первым. Десять утра, зал полон до отказа. Вопросы мне будет задавать австралийский писатель Джон Фелтон.

Выхожу на сцену с обычным волнением. Фелтон представляет меня публике и задает вопрос. Не дав разнить мысль, он перебивает меня новым вопросом. Комментируя мои высказывания замечаниями: «Ответ не совсем понятный». Уже через пять минут в зале начинают шушукаться: публика чувствует — что-то не так. Я вспоминаю Конфуция и принимаю единственно возможное и этой ситуации решение.

— Вам нравится то, что я пишу? — спрашиваю.

— Это не имеет значения, — отвечает он. — Сейчас задаю вам вопросы, а не наоборот.

— Еще какое имеет значение! Вы не даете закончить мысль. Как говорил Конфуций: «Насколько возможно, всегда говори ясно». Давайте следовать этому совету и попытаемся прояснить для всех: вам нравится то, что я пишу?

— Нет, не нравится. Я прочитал всего две книги, но они вызвали у меня отвращение.

— О'кей, тогда можем продолжить.

Теперь позиции ясны. Публика расслабляется, обстановка на сцене электризуется, диалог превращается в настоящий спор — и в результате все, в том числе и Фелтон, довольны результатом.

Пианист в торговом центре

Слоняюсь по торговому центру вместе со знакомой скрипачкой. Урсула, которая родом из Венгрии, сейчас является ведущей солисткой двух всемирно известных филармоний. Вдруг она хватается меня за руку:

— Послушай!

Слушаю. Слышу взрослые голоса, детский гомон, звуки от телевизоров, работающих в отделе бытовой техники, цоканье каблучков по плиткам и музыку — ту, которая исполняется в торговых центрах всего мира.

— Чудесно, не правда ли?

Отвечаю, что не слышу ничего чудесного: музыка как музыка.

— Пианино! — говорит она, и во взгляде ее читается разочарование мною. — Пианист играет чудесно!

— Скорее всего, это запись.

— Не говори глупостей.

Прислушавшись, я соглашаюсь, что музыка живая. Исполняется одна из сонат Шопена. Теперь, когда мой слух настроился на музыку, у меня возникает ощущение, будто поты растворяют все остальные шумы вокруг. Мы идем по заполненным посетителями коридорам, вдоль магазинов, в витринах которых — как утверждает реклама — выставлено все, что доступно людям (всем, кроме меня

да вас). Попадаем на площадку, где множество людей едят за столиками, разговаривая, споря, читая газеты. В таком месте во всех торговых центрах для завлечения публики располагается какая-нибудь достопримечательность.

В данном случае это пианист.

Он исполняет еще две сонаты Шопена, а потом пьесы Шуберта и Моцарта. На вид ему около тридцати; табличка, выставленная сбоку от небольшой сцены, сообщает, что он — известный музыкант из Грузии, одной из бывших советских республик. Наверное, искал работу, стучался в разные двери, но никто не открыл ему — он отчаялся и теперь вынужден играть в этом месте.

Но я не уверен, что все было именно так: его глаза излучают сияние волшебного мира, где родилась исполняемая им музыка; движения его рук передают любовь, одухотворенность, все богатство его души, годы учебы, самозабвенного, упорного труда.

Единственное, что непостижимо уму, это то, что среди присутствующих нет никого — ни одного человека! — кого привело бы сюда желание послушать его. Они пришли, чтобы делать покупки, есть, развлекаться, глазеть на витрины, встречаться с приятелями. Рядом с нами останавливается супружеская пара: они громко о чем-то разговаривают, а потом идут дальше. Пианист не замечает их: он все еще беседует с духом Моцарта. Но он не замечает и того, что на его концерте все-таки присутствуют два человека, один из которых — талантливая скрипачка — слушает его со слезами на глазах.

Мне вспоминается часовня, куда я забрел однажды случайно и где увидел девушку, играющую на скрипке для Господа. Но то была часовня и происходящее в ней имело смысл. Здесь же никто не слышит музыканта. Возможно, не слышит и сам Господь Бог.

Нет, неправда! Бог слышит. Бог — в душе и в руках этого человека, отдающего другим лучшее, что в нем есть, не думая о признании и о выгоде. Он играет так, словно находится на сцене миланской Ла-Скалы или Парижской Оперы. Потому что такова его судьба, его радость и смысл его жизни.

Меня охватывают беспредельное восхищение и благоговение перед человеком, который в этот момент напоминает мне о самой важной истине: у каждого есть своя легенда, которой он обязан следовать, — и точка! Не имеет значения, как другие относятся к тебе: помогают, ругают, игнорируют, терпят, — ты поступаешь так, потому что это твое предназначение и источник радости на этой земле.

Пианист завершает еще одну пьесу Моцарта и впервые обращает на нас внимание. Он приветствует нас вежливым, едва заметным наклоном головы, мы отвечаем тем же. Через минуту он снова возвращается в свой Рай, и лучше всего оставить его там, не напоминая о существовании этого мира даже робкими аплодисментами. Он — пример для всех нас. Когда нам кажется, что никому не нужно то, что мы делаем, вспомним об этом музыканте: сидя за пианино, он беседует с Богом, а все остальное не имеет для него ни малейшего значения.

По пути на книжную ярмарку в Чикаго

Я летел из Нью-Йорка в Чикаго, где должна была состояться книжная ярмарка, организованная Ассоциацией американских книготорговцев, когда вдруг в проход между креслами вышел юноша:

— Мне нужны двенадцать добровольцев, — объявил он. — Когда мы приземлимся, каждый возьмет одну розу и отнесет, куда я скажу.

Несколько человек подняли руки. Я тоже поднял, но не попал в число избранных.

Несмотря на это, я решил проследовать за группой. Вышли из самолета, и парень указал пальцем на девушку в вестибюле аэропорта О'Харе. Пассажиры один за другим подходили к ней и вручали по розе. После этого парень попросил в присутствии всех ее руки — и она ответила согласием.

Бортпроводник по этому поводу заметил:

— С тех пор как я работаю здесь, это самое романтическое событие в нашем аэропорту.

О палках и правилах

Осенью 2003 года я прогуливался среди ночи по центру Стокгольма и вдруг увидел даму, идущую с лыжными палками в руках. Сначала мне подумалось, что у нее какое-нибудь увечье, но она шла слишком быстро и делала такие ритмические движения, словно передвигалась не по асфальту, а на лыжах по снегу. Вывод напрашивался сам собой: эта дама — сумасшедшая; в здравом уме не станешь изображать движение на лыжах в городе.

На обратном пути в гостиницу я заговорил об увиденном со своим издателем. Он заявил, что с ума сошел я, а не дама: она же просто-напросто занималась упражнением, известным под названием «северная ходьба» («nordic walking»). Он объяснил мне, что при такой ходьбе задействованы почти все мышцы: и ног, и рук, и плеч, и спины.

Для меня ходьба — не только любимое времяпрепровождение (так же, как стрельба из лука), но и возможность поразмышлять, обдумать что-либо, полюбоваться окружающими красотами, поговорить с женой. Рассказ моего издателя я нашел любопытным, но не более того.

Но однажды, зайдя в магазин спортивных принадлежностей, чтобы купить детали для стрел, я увидел

усовершенствованные палки для горнолыжников — легкие, сделанные из алюминия, раздвигающиеся благодаря телескопическому устройству, вроде того, которое используется в штативах фотоаппаратов, — и сразу вспомнил о так называемой «северной ходьбе»: а почему бы и себе не попробовать? Купил две пары, для себя и для жены. Отрегулировали палки по росту и на следующий день решили опробовать их.

Это было фантастическое открытие! Поднявшись на гору и спустившись с нее, мы убедились, что при таком способе ходьбы в движении действительно участвуют все члены, легче удерживать равновесие и не так сильно устаешь. Расстояние, которое мы преодолели за час, оказалось вдвое длиннее обычного. Я вспомнил, что как-то пытался пройти по высохшему руслу ручья, но пробираться по камням было так трудно, что я вынужден был отказаться от затеи. Подумалось, что с палками двигаться будет легче — так оно и вышло.

Жена обнаружила в Интернете, что при «северной ходьбе» сжигается на сорок шесть процентов калорий больше, чем при обычной. Это вызвало у нее огромный прилив энтузиазма, и упражнение вошло в нашу повседневность.

Однажды вечером от нечего делать я тоже вошел в Интернет и стал просматривать все, что касалось этой темы. Количество ссылок было невероятным: страницы, страницы, федерации, группы, обсуждения, модели и... правила.

Не знаю, что подтолкнуло меня открыть страницу с правилами. По мере того как я углублялся в содержание, меня охватывал ужас: я делал до этого все не так! Палки надо было отрегулировать повыше, следовало соблюдать особый ритм, опираться на палки под определенным углом, движение плеч было очень сложным, локти тоже надо было вращать на особый манер; рекомендовалось соблюдать все предписания строго, скрупулезно и технично.

Я распечатал весь текст с первой до последней страницы. На следующий день (приглашаю повторить наш опыт) я попытался делать все так, как советовали специалисты. Ходьба потеряла для меня всякую привлекательность, я перестал замечать красоту вокруг себя, мало разговаривал с женой и не мог думать ни о чем, кроме правил. К концу недели я стал задаваться вопросом: а зачем мне, собственно, это нужно?

Я увлекся «северной ходьбой» не ради гимнастики. И мне не верится, чтобы те, кто первыми начали осваивать ее, преследовали иные цели, кроме получения удовольствия от ходьбы, достижения лучшего равновесия и распределения нагрузок на все тело. Интуитивно мы определили оптимальную длину палок и точно так же пришли к выводу, что чем ближе ставить их при ходьбе, тем легче и приятнее передвижение. Но после знакомства с правилами я уже больше не мог сосредоточиться на том, что мне нравится, и только и думал о калориях, сокращениях мышц, положении позвоночника.

И я решил забыть о правилах. Теперь мы снова ходим с палками, чтобы наслаждаться природой, испытывать радость от легкости и подвижности тела и согласованности всех его членов. А если я захочу заняться гимнастикой вместо «медитации в движении», я обращусь в соответствующую школу. Пока я доволен той «северной ходьбой», к которой привык — произвольной, без напряжения. И меня совсем не смущает то, что при этом я не теряю на сорок шесть процентов больше калорий.

Не знаю, откуда у людей эта мания придумывать для всего правила?

Бутерброд, упавший маслом вверх

Люди склонны верить в известный «закон Мерфи»: что бы мы ни делали, все равно получится плохо. Жан-Клод Карьер рассказывает по этому поводу интересную историю.

Некий крестьянин завтракал себе, ни о чем не думая. И вдруг кусок хлеба, который он только что намазал маслом, упал на пол.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что бутерброд лежит маслом вверх! Крестьянин подумал, что стал свидетелем чуда, и тут же поспешил сообщить о нем своим друзьям. Они тоже удивились, так как знали, что бутерброд всегда падает маслом вниз, пачкая пол.

— Может, ты святой, получивший знак от Бога, — предположил один из них.

Новость быстро облетела маленькое селение, и все оживленно обсуждали происшествие: каким образом этот бутерброд, вопреки установленному правилу, упал маслом вверх? Поскольку никто не знал ответа, решили обратиться за помощью к Учителю, жившему неподалеку.

Учитель всю ночь провел в молитвах и раздумьях и просил Господа внушить ему ответ. На следующее утро охваченные нетерпением жители селения услышали от него:

— Все очень просто. На самом деле бутерброд упал, как положено. Это масло было намазано не с той стороны.

О книгах и библиотеках

На прошлой неделе я рассказывал о своей привычке делать пометки на полях книг. Вообще-то книг у меня много: с некоторых пор я стараюсь во всем следовать принципу: максимум качества при минимальном количестве. Это не значит, что я избрал аскетический образ жизни. Совсем наоборот: чем большим числом предметов мы обладаем, тем меньше имеем свободы. Некоторые из моих приятелей (и приятельниц) жалуются, что из-за слишком большого гардероба теряют массу времени на то, чтобы выбрать подходящую одежду. Я же, оставив только вещи «на все случаи жизни», никогда не испытываю такого затруднения.

Но не о моде речь, а о книгах. Отбирая самое необходимое, я решил оставить в своей библиотеке не больше четырехсот книг: одни — из сентиментальных соображений, а другие — потому что часто перечитываю их. Много было причин принять такое решение; одна из них — грусть, которую я испытываю, видя, как заботливо собиравшаяся в течение всей жизни библиотека продается наследниками чуть ли не на вес, с полным равнодушием. Другой резон был такой: а зачем, собственно, держать все эти тома дома? Чтобы украсить ими стены? Книги, купленные мною, принесут намного

больше пользы, если будут храниться в публичной библиотеке.

Когда-то нужно было иметь книги под рукой, чтобы навести справку. Но сейчас достаточно включить компьютер, напечатать в окошке ключевое слово для поиска, и на экране тут же появится вся необходимая информация. Интернет — самая большая библиотека в мире.

Я, конечно, продолжаю покупать книги — никакими электронными средствами полностью их не заменишь. Но как только дочитываю книгу, отправляю ее в странствие: дарю кому-нибудь или передаю в публичную библиотеку. И дело не в моей озабоченности проблемой сохранности лесов и не в щедрости: я просто считаю, что каждая книга должна проделать собственный путь, а не пылиться на полке.

Будучи писателем и живя на гонорары, я рискую напередить самому себе: ведь чем больше моих книг будет продано, тем больше денег я получу. Как бы там ни было, я не могу быть нечестным по отношению к своим читателям, особенно из тех стран, где правительственные программы поддержки библиотек не учитывают основного критерия справедливого отбора книг: удовольствие от чтения при высоком качестве произведения.

Поэтому пускай наши книги все-таки странствуют, переходят из рук в руки, заставляют лучиться удовольствием глаза людей. Когда я пишу эту заметку, мне смутно припоминаются строки из стихотворения Хорхе

Луиса Борхеса о книгах, которым никогда не суждено быть раскрытыми.

Знаете ли вы, где я сейчас нахожусь? В маленьком городке в Пиренеях, во Франции, в кафе с кондиционером, где спрятался от нестерпимого зноя. Полное собрание сочинений Борхеса есть у меня дома, за несколько километров от кафе. Борхес — это писатель, которого я постоянно перечитываю. Но давайте проведем эксперимент.

Перехожу на противоположную сторону улицы. Через пять минут ходьбы оказываюсь в другом кафе, в котором установлены компьютеры (это заведение, известное под симпатичным и неоднозначным названием «Киберкафе»). Приветствую хозяина, прошу стакан ледяной минеральной воды, открываю поисковую программу и набираю на клавиатуре несколько слов из единственной строки, которую хорошо помню, а также имя автора. Не проходит и двух минут, как на экране появляется полный текст:

Есть стих Верлена, о котором я больше не вспомню.
Есть зеркало, которое видело меня в последний раз.
Есть дверь, запертая до скончания века.
А среди книг моей библиотеки
Есть та, которую я больше никогда не открою.

На самом деле, мне кажется, что многие из подаренных мною книг я больше никогда не открыл бы, потому что и так не успеваю читать то новое и интересное, что издается, — а я обожаю читать. Я радуюсь за тех, кто

собирает библиотеки; обычно первое знакомство ребенка с книгой происходит благодаря любопытству, пробуждаемому в нем томами в переплетах, с рисунками и буквами. Но не меньше я радуюсь, когда во время встреч с читателями у меня просят поставить автограф на читанном-перечитанном экземпляре, десятки раз передававшимся из рук в руки: эта книга странствовала так же, как странствовала мысль автора, когда он писал ее.

Прага, 1981 год

Однажды, зимой 1981 года, мы гуляли с женой по улицам Праги и увидели паренька, рисующего дома с натуры.

Хотя я ужасно не люблю во время путешествия возить за собой лишние вещи (а впереди у нас было еще много городов), один из рисунков мне так понравился, что я все-таки решил купить его.

Когда я протянул деньги, то заметил, что паренек был без перчаток, а между тем на улице было минус пять градусов.

«Почему ты не носишь перчаток?» — спросил я.

«Потому что мне неудобно в них держать карандаш».

И он стал рассказывать мне, что обожает зимнюю Прагу и что зима — лучшее время года для зарисовок в этом городе. Он так обрадовался покупке его рисунка, что вызвался сделать портрет моей жены бесплатно.

Ожидая окончания работы, я вдруг сообразил, что только что произошло нечто весьма странное: не зная языка друг друга, мы умудрились вести диалог в течение пяти минут. Мы понимали один другого благодаря жестам, смеху, гримасам и желанию чем-то поделиться.

Это желание заставило нас вступить в тот мир, где общение происходит без слов, где все всегда ясно и где нет ни малейшего риска быть неверно понятым.

Женщине из женщин

Через неделю после закрытия книжной ярмарки «Франкфурт-2003» мне позвонил мой издатель из Норвегии: организаторы концерта, который должен состояться по случаю вручения Нобелевской премии мира иранке Ширин Эбади, просят меня подготовить текст выступления.

Для меня это честь, и я не считаю себя вправе отказать: Ширин Эбади — миф, женщина ростом всего метр пятьдесят сантиметров, но зато с голосом, слышимым во всех уголках земного шара, когда она поднимает его в защиту прав человека. В то же время для меня это большая ответственность: я слегка робею при мысли о том, что выступление будет транслироваться на сто десять стран мира, а в моем распоряжении всего две минуты, чтобы сказать о той, кто посвятила всю свою жизнь служению ближнему. Брожу по лесу в окрестностях мельницы, где я живу во время наездов в Европу, и нахожусь почти на грани того, чтобы позвонить организаторам концерта и отказаться, под тем предлогом что сейчас у меня нет вдохновения. Но самое интересное в жизни — это трудности, которые мы преодолеваем, и в конце концов я принимаю предложение.

Отправляюсь в Осло 9 декабря и уже на следующий день — прекрасный солнечный день! — сижу в партере на церемонии вручения премии. Сквозь широкие окна

мэрии Осло виден порт, где приблизительно в такое же время двадцать один год назад я сидел с женой и смотрел на замерзшее море, поедая креветки, прямо на наших глазах выгруженные перед этим с рыболовецких траулеров. Думаю о долгом пути, пройденном мною с того дня и до сегодняшней церемонии, но воспоминания прерывает звук фанфар, под который входят королева и королевская семья. Организационный комитет вручает премию, Ширин Эбади произносит пламенную речь, разоблачая использование террора для оправдания создания всемирного полицейского государства.

Вечером, во время концерта в честь лауреата, Кэтрин Зета-Джонс объявляет чтение моего приветствия. В этот момент я нажимаю кнопку своего мобильного (как было заранее условлено), после чего звонит телефон на старой мельнице и моя жена берет трубку, чтобы услышать голос Майкла Дугласа, зачитывающего мой текст.

Вот это выступление, которое, как мне кажется, можно посвятить всем, кто борется за лучший мир.

Поэт Руми говорил: «Жизнь — это дальний путь, в который царь отправляет тебя с заданием, ты идешь и делаешь тысячу разных дел, но, если не достигнешь поставленной цели, считай, что ты шел зря».

Женщине, осознавшей свою цель.

Женщине,

с первого взгляда определившей всю сложность пути, на который она вступила.

Женщине,

которая не пыталась преуменьшить трудности, а наоборот — громко заявляла о них и раскрывала на них глаза другим.

Женщине,

благодаря которой одинокие стали менее одинокими; которая накормила и напоила мучимых голодом и жаждой справедливости; которая заставила угнетателей почувствовать себя так же плохо, как чувствуют себя угнетенные.

Женщине,

у которой двери всегда открыты, руки в работе, а ноги в движении.

Женщине, которая олицетворяет мудрость другого персидского поэта, Хафиза: «Даже семь тысяч лет радости не оправдывают семи дней печали».

Женщине, которая с нами этим вечером:

пусть каждый из нас будет такой, как она,

пусть умножатся ее добрые дела,

пусть будет у нее впереди еще много трудных дней, чтобы она смогла исполнить свое призвание. После чего грядущие поколения людей будут узнавать о значении слова «несправедливость» только по словарям, а не из собственного опыта.

Да будет путь ее неспешен,

поскольку ее ритм — это ритм перемен.

А перемены — подлинные перемены — всегда происходят медленно.

Знакомый вернулся из Марокко

Знакомый вернулся из Марокко и рассказал мне любопытную историю о том, как в одном из племен, живущих в пустыне, понимают первородный грех.

Ева гуляла по Эдемскому саду, когда к ней приблизился змей.

— Съешь это яблоко, — сказал змей.

Ева, хорошо помня наставления Бога, отказалась.

— Съешь это яблоко, — настаивал змей, — и ты станешь более привлекательной для Адама.

— Мне это не нужно, — ответила Ева. — Здесь все равно нет других женщин.

Змей засмеялся:

— Как это нет?

Чтобы заставить Еву поверить ему, змей повел ее на вершину холма, где стоял колодец:

— Она здесь. Адам спрятал ее в эту пещеру.

Ева склонилась над колодцем и увидела там красавицу. И сразу съела яблоко, предложенное змеем.

В этом же марокканском племени существует поверье, будто в Рай попадет только тот, кто узнает свое отражение в колодце и не испугается самого себя.

Мои похороны

Журналист газеты «Мейл он санди» явился ко мне в гостиницу, чтобы задать всего лишь один вопрос: если бы я умер сегодня, какими бы были мои похороны?

Вообще-то мысль о смерти не покидает меня ни на один день с 1986 года, когда я совершил паломничество по Пути Сантьяго. До того времени меня охватывал ужас, стоило мне только подумать, что однажды все может закончиться для меня навсегда. Во время паломничества я заставил представить себе, что меня закопали живьем. Упражнение было настолько действенным, что я совершенно лишился страха смерти и стал относиться к ней как к великой спутнице, которая сидит рядом со мной на скамейке и повторяет: «Я заберу тебя, но ты не знаешь, когда это случится, а потому не теряй зря ни минуты».

По этой причине я никогда не откладываю на завтра то, что могу сделать сегодня. Не откладываю приятных занятий и работы, спешу попросить прощения у тех, кого обидел, и каждый день считаю последним в своей жизни. Я уже не раз оказывался лицом к лицу со смертью. Хорошо помню тот день уже далекого 1974 года, когда в Атерро-ду-Фламенго (Рио-де-Жанейро) дорогу такси, в котором я ехал, перегородила машина, откуда выскочили

вооруженные люди в штатском и надели на мою голову капюшон. Они обещали, что со мной ничего не случится, но я не сомневался в том, что мне предстоит пополнить ряды без вести пропавших при военном режиме.

А в августе 1989 года я заблудился при восхождении на Пиренейский хребет: вершины были без снега и без растительности; глядя на них, я думал о том, что сил на обратный путь у меня неостанет и мое тело найдут не раньше следующего лета. Но через несколько часов я все-таки набрел на тропинку, которая вывела меня к заброшенной деревне.

Журналист «Мейл он санди» упорствовал: и все же, какими я представляю свои похороны? Что ж, отвечу. По завещанию, составленному мною, никаких похорон не будет: меня кремируют, а жена развеет мой прах в окрестностях Эль-Себрейро, в Испании, где я когда-то нашел меч. Мои рукописи, не изданные при жизни, никогда не будут опубликованы. (Я поражаюсь количеству «посмертных публикаций» или «текстов из ящика стола», издаваемых наследниками автора. Без зазрения совести они издают все, за что платят деньги. Но если сами авторы не печатали эти тексты при жизни, значит, у них были на то свои резоны, с которыми нельзя не считаться и после их смерти.) Меч, найденный мною на Пути Сантьяго, будет брошен в море — туда, откуда он и явился. А все деньги и авторские права на мои произведения, действительные в течение пятидесяти лет после моей смерти, будут переданы в распоряжение созданного мною фонда.

«А эпитафия?» — не унимается журналист. Послушайте, отвечаю, если меня кремируют и мой прах развеют по ветру, куда ставить этот пресловутый камень с надписью? Но если бы я принадлежал к тем, кто мечтает о таком камне, я попросил бы выгравировать на нем: «Он умер еще при жизни». Кажется бессмыслицей, но я знаю многих людей, которые уже не живут, хотя продолжают работать, есть, общаться с другими людьми. Они делают все механически, не чувствуя, что каждый день дарит им волшебные мгновения, не останавливаясь, чтобы задуматься о чуде жизни, не понимая, что следующая минута может стать для них последней на этом свете.

Журналист прощается, а я сажусь за компьютер и начинаю писать эту заметку. Я знаю, что эта тема не придется никому по душе, но у меня есть долг перед читателями: побуждать их к размышлениям о важных вопросах бытия. Смерть, пожалуй, наиглавнейший из них. Все мы движемся навстречу смерти, не ведая, когда она явится нам, а потому должны быть внимательны ко всему, что нас окружает, благодарить ее за каждую прожитую минуту и за то, что она заставляет нас задумываться о значительности каждого поступка, который мы совершаем или отказываемся совершать.

А это значит, что мы должны перестать делать то, что нас превращает в «живых мертвецов», и быть готовыми поставить на кон все, рискнуть всем — ради осуществления нашей мечты.

Ибо — хотим мы того или нет — ангел смерти ждет нас,

Латая паутину

Сегодня вечером в Нью-Йорке я пью чай с одной довольно необычной художницей. Она работает в банке на Уолл-стрит, но однажды ей приснился сон, будто она должна объехать дюжину мест в разных концах света и в каждом месте написать картину или изваять скульптуру, оставив ее там же.

Ей уже удалось побывать в четырех местах. Она показывает мне фотографии своей работы: высеченного из дерева индейца в одной из пещер Калифорнии. Живя по велению снов, она пока не бросает службу в банке: там она зарабатывает деньги на поездки и на свои работы.

Спрашиваю, зачем ей все это нужно.

— Чтобы удерживать мир в согласии, — отвечает она. — Кому-то может показаться глупостью, но существует нечто едва уловимое, что объединяет всех нас; мир зависит от наших поступков. В наших силах многое сохранить или уничтожить одним простым и на первый взгляд совершенно незначительным жестом.

Возможно, и мои сны — глупость, но пренебречь ими было бы слишком рискованно для меня. Отношения между людьми — это что-то вроде огромной и непрочной паутины. Своим трудом я пытаюсь залатать поврежденные места.

В конце концов, они все мои друзья

— Этот правитель силен, потому что он заключил союз с дьяволом, — промолвила одна очень набожная женщина на улице. Юношу это заинтересовало.

Через некоторое время, оказавшись в другом городе, он услышал от незнакомого мужчины:

— Все земли принадлежат здесь одному хозяину. Это дьявол ему помогает!

Потом одним летним вечером он увидел красавицу, и тут же до него донеслось сдавленное ворчание святоши:

— Эта девица служит сатане!

С этого дня юноша решил найти дьявола.

И, когда нашел, спросил его:

— Говорят, вы можете делать людей сильными, богатыми и красивыми?

— Не совсем так, — ответил дьявол. — Ты слышал только мнение тех, кто делает мне рекламу.

Как выжить?

Получаю по почте три литра заменителя молока: одна норвежская компания предлагает мне поспособствовать пропаганде этого нового продукта питания. По мнению специалиста Давида Ритца, «ВСЯКОЕ (выделено им) коровье молоко содержит пятьдесят девять активных гормонов, много жира, холестерина, а также диоксины, бактерии и вирусы».

Первым делом я думаю о кальции: с детских лет я слышал от матери, что кальций необходим для костей. «Кальций? — упреждает мой вопрос специалист. — Откуда коровы получают столько кальция, что его хватает им для поддержания огромного скелета? Из растений по технологии, разработанной с участием невообразимого числа научно-исследовательских институтов всего мира.

А белок? Ответ Давида Ритца не менее категоричен: «Молоко называют жидким мясом (*лично я никогда не слышал подобного сравнения, но он, по-видимому, знает, о чем говорит*) из-за высокого содержания в нем белка. Но именно белок препятствует усвоению кальция организмом. В тех странах, где потребляют много богатых белком продуктов, как раз и отмечается самый вы-

сокий уровень заболеваемости остеопорозом (болезнь вызывается недостатком кальция в костях)».

В тот же день получаю от жены электронное письмо, к которому прилагается текст, найденный ею в Интернете.

«Те, кому сейчас от сорока до шестидесяти, еще ездили на машинах, в которых не было ремней безопасности, подголовников и противоаварийных воздушных подушек. Детей возили на заднем сиденье, давая им полную свободу резвиться и скакать во время езды.

Детские коляски красили красками «сомнительного» качества, содержащими свинец или другие опасные для здоровья вещества».

Я, например, принадлежу к тому поколению, которое в детстве обожало мастерить деревянные самокаты на подшипниках (современным детям трудно объяснить, что такое подшипники: скажем, это металлические шарики, зажатые между двумя железными кольцами). На этих самокатах мы носились по склонам Ботафого, используя сандалии вместо тормозов, падая, получая ссадины, но всегда полные восторга от скорости.

Дальше читаю:

«Не было мобильных телефонов, родители не имели возможности в любую минуту узнать, где находятся их дети: как можно было так жить? Детям не позволялось спорить со взрослыми, их наказывали, но не только поэтому у них возникали психические комплексы, не только поэтому они чувствовали себя отверженными

и забытыми. В школе их делили на хороших и плохих учеников: одни переходили из класса в класс, а другие оставались на второй год. Никто не обращался за помощью к психотерапевтам: просто ребенок должен был заново пройти курс».

Но даже в таких условиях мы выживали, пусть и с поцарапанными коленями и ссадинами. Более того, с какой теплой грустью мы вспоминаем теперь о тех временах, когда молоко не считалось ядом, ребенку приходилось искать выход из всех затруднений самостоятельно, без чьей-либо помощи, если надо — он дрался и понятия не имел об электронных игрушках, придумывая игры со своими друзьями.

Но вернемся к теме, с которой мы начали: в общем, я решил испытать на себе новый чудодейственный продукт, призванный заменить молоко-убийцу.

С первого раза я не смог заставить себя сделать и глотка.

Предложил отведать продукт жене и домработнице, не сказав, что это такое. Обе заявили, что большей гадости они в жизни не пробовали.

Мне страшно за будущих детей — играющих в электронные игры, имеющих родителей с мобильными телефонами, при каждой неудаче прибегающих к помощи психотерапевта, а главное, вынужденных пить эту «чудодейственную» микстуру вместо молока, чтобы не получить холестерина, не заболеть остеопорозом, не подвергнуться действию пятидесяти девяти активных гормонов и токсинов.

Они будут расти очень здоровыми, уравновешенными и, только когда вырастут, узнают о молоке (к тому времени оно, возможно, будет запрещено к продаже). Правда, не исключено, что году в 2050-м кто-то из ученых мужей попытается восстановить в правах кое-какие продукты, которые люди потребляли с незапамятных времен.

Но, может статься, молоко будет продаваться подпольно, как наркотик.

В миллиметре от смерти

Возможно, я должен был умереть 22 августа 2004 года, в 22 часа 30 минут, за двое суток до дня моего ангела. На то, чтобы составил сценарий этой «почти смерти», повлиял целый ряд факторов.

А. Актер Уилл Смит в нескольких интервью о своем новом фильме упомянул мою книгу «Алхимик».

Б. Этот фильм был снят по книге Айзека Азимова «Я, Робот», которую я прочитал много лет назад и которая мне очень понравилась. Из уважения к Смицу и Азимову я решил посмотреть этот фильм в кинотеатре.

В. Афиши с названием фильма появились в маленьком городке на юго-западе Франции, где я живу, в первую неделю августа. Но некоторые обстоятельства — весьма, впрочем, малозначительные — заставили меня отложить поход в кино до следующего воскресенья.

Я поужинал раньше обычного, распил с женой бутылку вина, пригласил нашу домработницу пойти с нами (она долго отнекивалась, но в конце концов согласилась), мы пришли вовремя, купили попкорна, посмотрели фильм, остались довольными.

Я сел за руль машины, чтобы проделать десятиминутный путь к старой мельнице, ставшей нашим жили-

щем. Вставил компакт-диск с бразильской музыкой и решил ехать не спеша, чтобы успеть послушать за дорогу по крайней мере три песни.

На трассе с двусторонним движением, проходящей через полусонные городки, замечаю в боковом зеркале с моей стороны пару зажженных фар, внезапно возникших из темноты. Перед нами был как раз перекресток, обозначенный, как положено, столбиками.

Притормаживаю, думая о том, что выскочившая сзади машина не сможет обогнать меня до перекрестка: столбики делают этот маневр совершенно невозможным. Все это длится какую-то долю секунды, и дальше я помню, что успел лишь воскликнуть про себя: «Да этот тип сумасшедший!» Водитель машины (в моей памяти запечатлелось, что это был «мерседес», но я не уверен) замечает столбики, жмет на «газ», подрезает меня и, пытаясь выровнять руль, разворачивает машину поперек дороги.

Дальше все происходит, как при замедленной съемке: машина заваливается набок, переворачивается раз, другой, третий, слетает на обочину и делает еще несколько кульбитов в воздухе, ударяясь о землю передним и задним бамперами.

В свете моих фар видно все. Я не могу заставить себя резко затормозить, пораженный видом кувыркающейся машины. Это напоминает сцену из фильма, который мы только что посмотрели, но там-то все выдумка, а здесь — о Боже! — происходит наяву.

Машину снова выбрасывает на асфальт, и она наконец прекращает вращение, оставшись лежать на левом боку. Мне видна рубашка водителя. Останавливаюсь рядом с машиной, и в голове проносится только одна мысль: надо выйти и помочь ему. В этот момент я чувствую, как ногти моей жены впиваются мне в руку: она умоляет, ради всего святого, проехать еще немного, остановиться подальше, потому что перевернувшаяся машина может взорваться, загореться.

Проезжаю еще сто метров и останавливаюсь. Магнитола продолжает играть бразильскую музыку, как будто ничего не произошло. Все напоминает сюрреалистическую пьесу, в которую трудно поверить. Моя жена и домработница Изабель бегут к месту аварии. Тормозит еще одна машина, ехавшая в противоположном направлении. Из нее выскакивает женщина, она почти в шоке: ее фары тоже высветили сцену из Дантова «Ада». Она спрашивает, есть ли у меня мобильный телефон. Да, есть. Тогда вызовите же, наконец, скорую помощь!

А какой номер? Она смотрит на меня с недоумением: этот номер всем известен! Трижды 51! Мой телефон отключен: перед началом фильма всегда просят отключать телефоны. Набираю код включения, звоню в скорую помощь: 51-51-51. Место происшествия я могу описать в точности: между селениями Лалубер и Орге.

Жена с домработницей возвращаются от перевернутой машины: молодой человек весь в ссадинах, но серьезных повреждений, похоже, нет. После всего, что я видел,

после шести кульбитов — и ничего серьезного! Он выбирается из машины слегка оглушенный. Останавливаются еще несколько автомобилей. Через пять минут приезжают пожарные. Все обошлось благополучно.

Все обошлось благополучно. Малейшая доля секунды развела нас, иначе он налетел бы на меня, скинул бы в кювет, и все обошлось бы очень неблагоприятно для нас обоих. Исход был бы самый печальный.

Возвращаясь домой, я смотрю на звезды. Иногда беда поджидает нас на пути, но, поскольку наш час еще не пробил, мы проскальзываем в миллиметре от нее, успевая, однако, хорошо разглядеть ее лицо. Я благодарю Господа, ниспославшего мне понимание того, что, как говорит один мой приятель, произошло все, что должно было произойти, и при этом ничего не произошло.

Когда наступает рассвет

Во время Давосского экономического форума нобелевский лауреат премии мира Шимон Перес рассказал такую историю.

Раввин собрал своих учеников и спросил:

— Как определить точный момент, когда заканчивается ночь и начинается день?

— Когда вдали можно отличить овцу от собаки, — ответил один мальчик.

— На самом деле, — сказал другой мальчик, — мы узнаем, что день уже наступил, когда отличаем стоящее вдали оливковое дерево от фигового.

— Не очень удачное определение.

— Какой же ответ правильный? — спросили дети.

И раввин ответил:

— Когда мы принимаем приближающегося чужеземца за своего брата. Тогда вражда прекращается и можно сказать, что ночь закончилась и наступил день.

В один из январских дней 2005 года

Сегодня не переставая идет дождь, температура около трех градусов выше нуля. Я все же решаюсь выйти на прогулку: мне кажется, если я не буду каждый день гулять, то не смогу нормально работать. Но, кроме того что льет дождь, на улице еще и ветрено, и через десять минут я залезаю обратно в машину. Дома достаю из почтового ящика газету: ничего важного, обычная журналистская болтовня и желание навязать читателю свое мнение.

Сажусь за компьютер, получаю электронную почту.

Ничего существенного, несколько пустяковых посланий, на которые я сразу отвечаю.

Немного упражняюсь в стрельбе из лука, но ветер слишком силен. Я уже закончил последний роман «Заир», уложившись в отведенный мною на каждую книгу двухгодичный срок; через несколько недель роман выйдет из печати. Написал новые заметки для электронных изданий, в которых я сотрудничаю. Обновил свою страницу в Интернете. Прошел обследование желудка, которое, к счастью, не выявило никаких отклонений (меня пугали неприятными ощущениями при глотании зонда, но в действительности все оказалось не так уж страшно).

Посетил стоматолога. Билеты на самолет для предстоящего путешествия, с которыми могла возникнуть задержка, пришли по курьерской почте. Есть кое-какие дела на завтра, кое-что я сделал вчера, но сегодня...

Сегодня я совершенно не знаю, чем занять себя.

Это меня пугает: разве я все дела переделал? Ведь для того чтобы придумать занятие, много хитрости не требуется: всегда найдутся какие-нибудь неосуществленные планы, всегда есть перегоревшие лампочки, которые надо заменить, сухие листья, которые надо сгрести, книги, которые надо расставить по полкам, файлы в компьютере, которые надо организовать, и много других дел. Как же получилось так, что у меня сегодня день полной праздности?

Надеваю берет, одежду с подогревом, поверх — непромокаемую куртку и выхожу в сад. В течение ближайших четырех-пяти часов холод мне не страшен. Сажусь прямо на мокрую траву и начинаю разбираться с теми мыслями, которые вертятся в голове:

А. Я бездельничаю. Между тем все люди сейчас чем-то заняты, усердно трудятся.

Сам себе отвечаю: я тоже много тружусь, до двенадцати часов в сутки. Просто так случилось, что как раз сегодня мне нечем заняться.

Б. У меня нет друзей. Я, один из самых известных писателей в мире, сижу здесь в одиночестве, и даже телефон не звонит.

Ответ: у меня есть друзья, но они считаются с моей потребностью в уединении, ради которого я, собственно, и забираюсь сюда, на мельницу во французском городишке Сен-Мартен.

В. Надо съездить за кока-колой.

Да, я вспомнил, что вчера закончилась кока-кола. Что мне мешает взять машину и поехать за ней в ближайший город? И на этой мысли я останавливаюсь. И все же: почему так трудно оставаться совсем без дела?

И снова разные мысли роятся в моей голове: о друзьях, сокрушающихся по поводу того, что еще даже не случилось; о знакомых, вечно занятых абсурдными, на мой взгляд, делами, бессмысленными разговорами, праздной болтовней по телефону; о начальниках, придумывающих новое поручение лишь для того, чтобы о них не забывали; о простых клерках, переживающих, что начальник не дал им никакого задания: не намек ли это на то, что в их услугах больше не нуждаются? О матерях, которые не находят себе места, потому что их дети покинули родительский дом; о студентах, измученных учебной, зачетами, экзаменами.

Чтобы не вставать и не ехать в магазин за кока-колой, я веду с собой долгое и трудное сражение. Тоска смертная одолевает меня, но я все равно решаю остаться и ничего не делать, по крайней мере в течение нескольких ближайших часов. Но постепенно томление уступает место сосредоточенности, и я начинаю слышать свою

душу. Ей давно не терпится побеседовать со мной, но я все время был занят и занят.

Ветер не стихает, я знаю, что сегодня очень холодно, идет дождь и что завтра, вероятно, мне придется ехать за кока-колой. Я предаюсь безделью, и в то же время я занят делом, важнее которого не бывает: я прислушиваюсь к себе.

Мужчина, лежащий на тротуаре

1 июля 1997 года в 13 часов 5 минут на тротуаре Копакабаны лежал мужчина лет пятидесяти. Я прошел мимо, едва взглянув на него, и продолжил свой путь к уличному кафе, где обычно пью кокосовый сок.

Как житель Рио-де-Жанейро, я сотни (а может, тысячи) раз наблюдал мужчин, женщин или детей, лежащих на тротуаре. Как человек, много путешествующий, могу свидетельствовать, что подобные сцены не редкость практически во всех странах: от богатой Швеции до нищей Румынии. Я видел лежащих на тротуаре людей во все времена года: холодной зимой в Мадриде, Нью-Йорке и Париже они собираются около вентиляционных решеток, через которые выходит наружу теплый воздух из метро. В Ливане они прячутся от нестерпимого зноя в развалинах домов, оставшихся со времен войны. Видом валяющихся на тротуарах людей — пьяных, бездомных, изможденных — сегодня не удивишь никого.

Я выпил свой стакан сока и, не задерживаясь, поспешил обратно: у меня было запланировано интервью с Хуаном Ариасом из испанской газеты «Эль Паис». На обратном пути я снова увидел на том же месте лежа-

щего прямо на солнце мужчину. Все поступали так же, как и я: смотрели на него и проходили мимо.

Но к тому времени моя душа (хотя я и не знал об этом) устала наблюдать столько раз одну и ту же сцену, и, когда я поравнялся с этим мужчиной, какая-то сила, которой я не в состоянии был противиться, заставила меня встать на колени и попытаться поднять его.

Он не реагировал. Я повернул его голову и заметил кровь на висках. И что теперь? Насколько опасна рана? Я обтер ему виски своей футболкой: вроде бы ничего страшного.

В этот момент мужчина стал бормотать: «Попроси, чтобы они меня не били», — и еще что-то в этом роде. По крайней мере, я удостоверился, что он жив. Теперь мне надо было убрать его в тень и вызвать полицию.

Я окликнул прохожего и попросил помочь оттащить лежащего на песок. Это был важный мужчина при костюме, с портфелем и разными свертками в руках. Он оставил все это на тротуаре и бросился помогать мне: видно, его душа тоже устала от подобных сцен.

После того как мы уложили избитого в тени, я отправился домой, предполагая зайти по дороге в отделение полиции и обратиться к ним за помощью. Но еще на подходе к отделению я заметил двух полицейских.

— Там, напротив такого-то номера дома, лежит сильно избитый мужчина, — сообщил я им. — Я уложил его на песок. Неплохо бы вызвать ему «скорую помощь».

Полицейские заверили меня, что предпримут надлежащие меры. Вот и все: я исполнил свой долг. Бойскаут,

будь всегда начеку! День прожит не зря! Я переложил ответственность на других, пусть теперь они думают. И, к тому же, испанский журналист наверняка уже был па подьезде к моему дому.

Не сделал я и десяти шагов, как меня остановил иностранец. На корявом португальском он сказал:

— Я уже сообщал полицейским о мужчине на тротуаре. Они мне ответили, что это не их забота и что было бы другое дело, если бы он что-нибудь украл.

Не дослушав до конца, я поспешил вернуться к патрульным. Я рассчитывал, что им известно мое имя, так как я печатался в газетах и не раз выступал на телевидении. У меня даже возникла нелепая мысль, что иногда слава способна помочь в решении той или иной проблемы.

— Вы служите в органах власти? — поинтересовался один из них, когда я еще раз обратился к ним за помощью, на этот раз более настойчиво.

Мое имя им ничего не говорило.

— Нет. Но мы должны решить проблему немедленно.

Я выглядел не очень солидно: в бермудах из старых обрезанных джинсов, в футболке, испачканной кровью мужчины, и весь вспотевший. Обычный человек, без имени, без власти, уставший видеть людей лежащими на тротуаре и за несколько десятков лет своей жизни впервые решивший что-то сделать для одного из них.

И эта решимость оказалась определяющей. Бывают минуты, когда ты становишься готовым на все и теряешь всяческий страх. Бывают минуты, когда твои глаза на-

чинают излучать особенный блеск и всем сразу становится ясно, что тебе не до шуток. Патрульные пошли со мной и вызвали «скорую».

Возвращаясь домой, я думал о трех уроках, извлеченных из этой прогулки: а) каждый спешит избавиться от дела, когда руководствуется «голым романтизмом»; б) всегда находится тот, кто готов сказать тебе: «Раз начал — иди до конца». И наконец: в) убежденность в правильности того, что ты делаешь, дает тебе власть над другими людьми.

Недостающая плитка

Во время одной из поездок я получил факс от моей секретарши:

«Для выполнения ремонта в кухне не хватает одной стеклянной плитки, — сообщалось в нем. — Направляю первоначальный проект и соображения каменщика относительно того, как можно обойтись без нее».

На одной странице был рисунок, сделанный моей женой: гармонично сочетающиеся ряды плиток и отверстие для вентиляции. На другой — план, который позволял решить проблему нехватки одной плитки: суцая головоломка, где стеклянные квадраты перемешаны без малейшего представления об эстетике.

«Пускай купят недостающую плитку», — приписала жена своей рукой. Так и было сделано, и первоначальный замысел был сохранен.

В тот вечер я долго думал об этом эпизоде: как часто из-за какой-нибудь безделицы мы готовы извратить первоначальный замысел нашей жизни!

История, рассказанная Раджем

У вдовы из одной бедной бенгальской деревни не было денег, чтобы платить за проезд в автобусе сына, поступившего в городскую школу, и мальчику приходилось в одиночку добираться пешком через лес. В первый раз мать напутствовала его перед дорогой:

— Сынок, не бойся леса. Проси бога Кришну быть тебе попутчиком. Он услышит тебя.

Мальчик так и поступил. Кришна услышал его и каждый день сопровождал в школу и обратно.

Накануне юбилея одного из преподавателей мальчик попросил у матери денег на подарок.

— У нас нет денег, сынок. Попроси своего брата Кришну.

На следующий день мальчик рассказал Кришне о возникшем затруднении. Тот дал ему кувшин, полный молока.

Обрадованный, мальчик понес кувшин учителю. Подарок был очень скромным по сравнению с другими, и учитель остался к нему совершенно равнодушным.

— Отнеси этот кувшин в кухню, — велел он помощнику.

Помощник исполнил распоряжение учителя. Но когда он вылил молоко, то с удивлением обнаружил, что

кувшин снова наполнился сам по себе. Он тут же побежал сообщить об этом учителю.

— Где ты взял этот кувшин и каким таким фокусом он наполняется? — спросил изумленный учитель.

— Мне дал его Кришна, бог леса.

Учитель, ученики и помощник засмеялись.

— Нет никаких богов леса, все это суеверия! — сказал учитель. — Если он есть, пойдем покажешь его нам!

Весь класс вышел на улицу. Мальчик стал звать Кришну, но тот не являлся. В отчаянии он предпринял последнюю попытку:

— Брат Кришна, мой учитель хочет видеть тебя. Покажись, пожалуйста!

В этот момент из леса раздался голос, эхом разнесшийся по всем закоулкам:

— С чего ты взял, что он хочет видеть меня? Он даже не верит в мое существование!

Обратная сторона Вавилонской башни

Все утро я объяснял, что мне интересны не музеи и не церкви, а люди, живущие в этой стране, и поэтому я предпочел бы пойти, скажем, на рынок. Но это никого не убедило: сегодня, говорят, выходной, рынки закрыты.

— Куда же пойдем?

— В церковь.

Я так и знал.

— Сегодня отмечается день святого, которого мы — да наверняка и вы тоже — очень почитаем. Давайте посетим его усыпальницу. Но только не задавайте вопросов: позвольте и нам хоть раз чем-то удивить писателя.

— Сколько туда добираться?

— Двадцать минут.

Так всегда говорят: двадцать минут, но я знаю, что на самом деле гораздо дольше. Однако до сих пор они удовлетворяли все мои желания, так что на этот раз я готов уступить.

Я в Ереване, в Армении. Сегодня воскресенье. Смирившись, лезу в машину. Вдали возникает гора Арарат, покрытая снегом. Рассматриваю окрестные пейзажи.

С каким бы удовольствием я побродил здесь, вместо того чтобы трястись в этой банке на колесах. Хозяева стараются быть радушными, но я невнимателен и лишь стоический настрой заставляет меня терпеть их «специальную туристическую программу». Они тоже замолкают, и мы продолжаем путь в тишине.

Через пятьдесят минут (что я говорил!) приезжаем в небольшой город и направляемся в полную людей церковь. Замечаю, что все мужчины при костюмах и галстуках, словно по протоколу, и понимаю, насколько я смешон здесь в своей тенниске и джинсах. Выхожу из машины, представители Союза писателей уже ждут меня, вручают цветок, проводят сквозь толпу, собравшуюся на службу, ведут вниз по лестнице за алтарем, и вот мы уже около усыпальницы. Как я догадываюсь, здесь лежит святой, но, прежде чем возложить цветок, я хотел бы что-нибудь узнать о нем.

— Это Святой Переводчик, — отвечают мне.

Святой Переводчик! Я чувствую, как к глазам подступают слезы.

Сегодня 9 октября 2004 года, город называется Ошакан, и Армения — единственная страна в мире, где объявлен национальным праздником и всенародно отмечается день Святого Переводчика — святого Месроба. Он не только создал алфавит (без письменности армянский язык существовал и раньше), но и посвятил свою жизнь переводу самых важных текстов того времени, написанных на греческом, персидском или на

кириллице. Он и его ученики поставили перед собой титаническую задачу: перевести Библию и основных классиков литературы. Благодаря им культура Армении приобрела самобытность, которая отличает ее по сей день.

Святой Переводчик. Я держу цветок в руке и думаю о тех, кого лично не знаю и кого, вероятно, мне никогда не доведется узнать, — о переводчиках моих книг: они изо всех сил стараются сохранить верность тому, что я выразил и чем хотел поделиться с читателями. Но больше всего я думаю о моем покойном тесте, Кристиано Монтейро Ойтисике, профессиональном переводчике, который сегодня вместе с ангелами и со святым Месробом тоже присутствует здесь. Я хорошо помню его, склонившегося над своей старой пишущей машинкой. Он часто жаловался, что за труд переводчика платят мало (к сожалению, ничего не изменилось и поныне), но тут же добавлял, что есть нечто более важное, что заставляет его не бросать это занятие: желание донести до своего народа знания, которые без переводчиков оставались бы ему недоступны.

Я молча молюсь за него, за всех тех, кто переводил мои книги, а также за тех, благодаря кому я сумел прочитать произведения, которых иначе никогда не открыл бы для себя: эти безымянные труженики помогли моему развитию и формированию как писателя. Выходя из церкви, я вижу детей, рисующих алфавит, вижу сладости в виде букв, а еще цветы и цветы — море цветов.

Когда человек возмнил о себе, Бог разрушил Вавилонскую башню, и все стали говорить на разных языках. Но по Своей бесконечной любви к людям Он же сотворил тех, кто восстановил разрушенные мосты, сделал возможным общение и распространение человеческой мысли, — переводчиков, людей, о которых мы так редко вспоминаем, открывая книгу зарубежного автора.

Перед встречей с книготорговцами

Я и еще одна писательница из Китая готовимся к выступлению перед американскими книготорговцами. Китайка очень волнуется.

— Выступить перед публикой и так непросто, — говорит она мне, — но когда от тебя требуют объяснять свою книгу на чужом языке — тут уж и говорить нечего!

Я прошу ее не продолжать: боюсь, что и сам нервничаюсь, так как нахожусь в том же положении, что и она. Вдруг китайка оборачивается, улыбается и говорит негромко:

— Все будет хорошо, не переживайте. Мы здесь не одни, Прочитайте название магазина той дамы, что сидит позади меня.

На бейджике женщины значится: «Книжный магазин! „Место встречи ангелов“». Презентация и моей книги, и книги китайки проходит великолепно, благодаря тому что ангелы подали нам знак, которого мы ждали.

Об изяществе

Иногда до меня вдруг начинает доходить, что я сижу сторбившись, и тогда я ощущаю некий дискомфорт. В такие минуты, еще не успев сообразить, в чем его причина, я спешу расправить плечи, то есть принять более изящное положение. И, всего лишь выпрямившись, я вдруг понимаю, что это простое движение помогло мне, занимаясь своим делом, чувствовать себя увереннее.

Изящество часто считают качеством незначительным, несерьезным, имеющим отношение лишь к моде. Это большая ошибка: человек всегда должен быть изящным и в поступках, и в осанке, потому что изящество — это то же, что и хороший вкус, хорошее воспитание, чувство меры и гармонии.

Изящество и душевное спокойствие требуются всегда, когда мы совершаем нечто важное в своей жизни. Естественно, не следует впадать в крайность и думать только о том, как покрасивее сделать жест рукой, сесть, улыбнуться, посмотреть вокруг себя. Но не стоит и забывать, что тело обладает собственным языком, который окружающие, хотя и бессознательно, понимают не хуже слов.

Душевное спокойствие исходит от сердца. Часто терзаемое сомнениями, сердце все же знает, что, обретя

истину, оно найдет покой. Физическое изящество, о котором идет речь, исходит от тела и не является чем-то поверхностным — оно отражает то достоинство, с каким человек привык ступать, шагая по этой земле. Поэтому, когда вы чувствуете, что ваша поза неудобна, не спешите делать вывод о ее неестественности: наоборот, она естественна постольку, поскольку трудна. Благодаря ей тропа считает за честь предложить себя достойному паломнику.

Только, будьте добры, не путайте изящество с высокомерием или снобизмом. Изящество — это поза, наиболее подходящая для того, чтобы жест был совершенным, шаг — уверенным, а ваш ближний почувствовал к себе уважение.

Изящество достигается, когда человек отбрасывает всякую нарочитость и открывает в себе простоту и сдержанность. Чем проще и сдержаннее поза, тем она прекраснее.

Снег красив своей одноцветностью, море прекрасно тем, что кажется ровным. Но и море, и снег глубоки и знают об этом.

Ступайте по земле уверенно и радостно, не боясь споткнуться. Рядом с вами ваши друзья, которые готовы подставить плечо, когда понадобится помощь. Но не забывайте, что и недруги следят за вами, поэтому усвойте разницу между твердой и дрожащей рукой. Если будет непросто, сделайте глубокий вдох, заставьте себя поверить в то, что нет причин для паники, — и вы станете

свидетелем чуда, которое никто не в состоянии объяснить: в вашей душе воцарится покой.

В ту минуту, когда вы принимаете решение и начинаете действовать, постарайтесь мысленно вернуться назад и пройти все стадии, которые предшествовали вашему шагу. Но делайте это без напряжения, потому что невозможно держать в голове все правила: с раскованным духом, по мере мысленного восхождения от стадии к стадии, вы осознаете, что было самым сложным и как удалось преодолеть трудности. Это отразится на состоянии вашего тела, поэтому будьте внимательны!

Можно провести аналогию со стрельбой из лука: многие стрелки жалуются на то, что, несмотря на многолетние тренировки, они все еще чувствуют нетерпение сердца и дрожание рук и поэтому не попадают в цель. Стрельба из лука помогает узнать нам свои недостатки.

В тот день, когда в вас ослабнет любовь к жизни, ваши движения будут лишены простоты и выстрел не удастся. Вы вдруг обнаружите, что вам не хватает силы как следует натянуть тетиву и согнуть лук.

Промах заставит вас задуматься о причинах неудачи: вы начнете испытывать внутренний дискомфорт, невдомый вам ранее.

Это неприятное ощущение возникнет оттого, что тело ваше внезапно состарится, утратит изящество. Смените положение, расслабьте мышцы головы, выпрямите позвоночник, расправьте грудь навстречу миру; думая о теле, вы тем самым заботитесь о душе: одно помогает другому.

Нья Шика из Баэпенди

Что такое чудо?

Есть много определений этого слова: «то, что нельзя объяснить законами природы»; «помощь свыше в критические моменты»; «нечто невероятное с научной точки зрения» и т. п.

У меня есть собственное определение: чудо — это то, что наполняет миром наши сердца. Иногда чудо проявляется как исцеление, а иногда как воплотившееся желание, но важно не то, как это происходит, а то чувство, которое мы испытываем, — глубокое благоговение перед Господом, оказавшим нам милость.

Двадцать с лишним лет тому назад, когда я еще был хиппи, моя сестра предложила мне стать крестным отцом ее первой девочки. Я был в восторге от предложения, и еще мне было приятно, что она не попросила меня остричь волосы (а они доходили почти до пояса) и не делала намеков насчет дорогих подарков для крестницы (у меня тогда не было денег).

Девочка росла, ей исполнился год, но ее так и не окрестили. Я решил, что сестра раздумала, и однажды прямо спросил ее об этом. Она ответила: «Нет-нет, все остается в силе. Просто я дала обет Нья Шике крестить девочку

в Баэпенди, за то что однажды она снизошла к моей просьбе».

Я понятия не имел о Баэпенди и никогда ничего не слышал о Нья Шике. Когда я бросил хипповать и стал работать в звукозаписывающей фирме, у моей сестры родилась еще одна девочка, которую она тоже не сразу крестила. Только в 1978 году она наконец решилась, и две семьи — ее и бывшего ее мужа — отправились в Баэпенди. Там я узнал, что эта самая Нья Шика в течение тридцати лет жила впроголодь, откладывая деньги на строительство церкви и на помощь нищим.

У меня только-только закончился весьма мятежный период жизни, и я не верил в Бога. Точнее, я не придавал сколько-нибудь серьезного значения духовной стороне бытия, веря лишь в то, что материально и чего можно достичь собственными усилиями. Я забыл о безумных грезах юности (и даже о том, что мечтал стать писателем) и не хотел возвращаться к иллюзиям. Я согласился участвовать в церковном обряде только потому, что этого хотели мои близкие. В ожидании начала крещения я бродил вокруг церкви и зашел в скромный домик Нья Шики, стоявший неподалеку. Две комнатухи, крошечный алтарь с несколькими образами святых и ваза с одной белой и двумя красными розами.

Под влиянием импульса, совершенно неожиданного для меня самого, я обратился к святой: *«Если я стану писателем — о чем мечтал раньше и уже не мечтаю сейчас, — я еще раз приеду сюда, когда мне испол-*

нится пятьдесят лет, и принесу одну белую и две красные розы».

На память о крестинах (и не более того) я купил образок Нья Шики.

На обратном пути в Рио-де-Жанейро происходит несчастье: автобус, едущий перед нами, внезапно тормозит, я в последнюю долю секунды выворачиваю руль, мой зять также успевает избежать столкновения, а вот машина, движущаяся за ним, врзается в автобус и взрывается. В итоге — несколько погибших. Останавливаемся на обочине шоссе и от растерянности не знаем, что делать. Я лезу в карман за сигаретой и вытаскиваю образок, с которого безмолвно глядит на меня наша заступница Нья Шика.

С этого дня я стал возвращаться к мечтам, к духовному поиску, к книгам и вскоре начал ощущать себя солдатом, вступившим в великое сражение — такое, для которого нужен мир в сердце, потому что оно — следствие чуда. Я не забыл о трех розах. И вот мне исполнилось пятьдесят лет — рубеж, казавшийся тогда столь далеким. Теперь он позади.

Как-то раз во время чемпионата мира по футболу я отправился в Баэпенди исполнить обет. Кто-то узнал меня в Кашамбу (где я заночевал), и ко мне явился журналист брать интервью. Когда я сообщил ему о цели своего приезда, он попросил:

— Расскажите о Нья Шике. Ее тело было эксгумировано на этой неделе, и в Ватикане рассматривается

вопрос о ее беатификации. Нужны свидетельства людей о ее заступничестве.

— Нет, — сказал я. — Это слишком личная история. Я расскажу о ней, только если получу какой-то знак.

А про себя подумал: «Какой же это мог бы быть знак? Разве что она сама заговорила бы чужими устами!»

На следующий день я взял напрокат машину, купил цветы и поехал в Баэпенди. Остановившись чуть поодаль от церкви, я вспомнил тот давний день, когда, будучи служащим звукозаписывающей фирмы, побывал здесь, и все те обстоятельства, которые снова привели меня сюда. Когда я подходил к домику Нья Шики, из ближайшего магазина одежды вышла молодая женщина и заговорила со мной:

— Я видела на вашей книге «Мактуб» посвящение Нья Шике. Уверена, что она осталась довольна.

И ни о чем не попросила меня. Это всего лишь был знак, которого я ждал. И вот вам мое публичное свидетельство.

Отстраивая дом

У одного моего знакомого, не умеющего соотносить мечты с действительностью, возникли серьезные финансовые трудности. Хуже того: он втянул в свои дела и других, дорогих ему людей, поставив их в шекотливое положение.

Оказавшись не в состоянии вернуть накопившиеся долги, он стал думать о самоубийстве. Однажды он шел по улице и увидел развалившийся дом. «Вот и я такой же», — вздохнул он. В этот момент у него возникло огромное желание отстроить этот дом.

Он нашел его владельца и предложил сделать ремонт. Владелец согласился, хотя и не понял, какая моему знакомому в этом выгода. Они вместе закупили кирпич, доски, цемент. Мой знакомый работал с душой, сам не зная, зачем или ради кого. Но ему казалось, что по мере продвижения ремонта должны устроиться и его собственные дела.

К концу года ремонт был завершен. И все его проблемы тоже были решены.

Забытая молитва

Три недели тому назад, будучи в Сан-Пауло, я получил от своего друга Эдиньо листовку под названием «Священный миг». Напечатанный шрифтом четырех цветов, на прекрасной бумаге, текст не содержал ссылок ни на какую церковь или секту — только молитву на обороте листа.

Каково же было мое удивление, когда я увидел, что в исходных данных значится: США! Молитва была опубликована в начале восьмидесятых на внутренней стороне обложки моего поэтического сборника. Я и подумать тогда не мог, что она выдержит испытание временем и однажды — да еще таким загадочным образом — снова попадет мне в руки. Но, перечитав ее, я не ощутил стыда за то, что когда-то написал.

Раз уж мою молитву напечатали в этой листовке и я верю в то, что этот факт имеет символический смысл, считаю необходимым воспроизвести ее здесь. Надеюсь побудить этим каждого читателя сложить свою собственную молитву, испросив в ней для себя и для других то, что важнее всего. Так мы заставим наши сердца трепетать, а их трепет передастся, в свою очередь, на все, что нас окружает.

Вот эта молитва.

Господи, сохрани наши сомнения, ибо Сомнение — это молитва. Благодаря Сомнению мы совершенствуемся, и оно позволяет нам не падать духом из-за того, что на каждый вопрос всегда есть множество ответов. И ради этого,

Господи, сохрани нашу решимость, ибо Выбор — это молитва. Дай нам мужество после сомнения сделать выбор. И пусть наше ДА всегда означает ДА, а НЕТ — всегда остается НЕТ. И, единожды выбрав путь, да не оглянемся больше назад и да не испытает угрызений наша душа. И ради этого,

Господи, сохрани наши поступки, ибо Поступок — это молитва. Сделай так, чтобы хлеб наш насущный даровался нам за то добро, которое мы несем в себе. Чтобы мы в труде и поступках приобщались любви. И ради этого,

Господи, сохрани наши мечты, ибо Мечта — это молитва. Сделай так, чтобы в любом возрасте и в любых обстоятельствах мы удерживали наши сердца открытыми для священного пламени надежды и крепости. И ради этого,

Господи, дай нам вдохновения, ибо Вдохновение — это молитва. Вдохновение сочетает нас с Небом и Землей, делает нас зрелыми и сохраняет детьми и напоминает, что главное — желание и за него надо бороться. Вдохновение внушает нам, что для человека нет ничего невозможного, если он всего себя отдает делу. И ради этого,

Господи, сохрани нам жизнь, ибо только через Жизнь обнаруживается чудо Твоего всемогущества. И пусть всегда из семени произрастает пшеница, а мы будем превращать пшеницу в хлеб. Это невозможно без Любви, а потому избавь нас от одиночества. Не лишай нас Своего присутствия, и да будут всегда рядом с нами другие люди — со своими сомнениями, поступками, мечтами, вдохновением, живущие так, чтобы каждый их день славил имя Твое.

Аминь.

Рио-де-Жанейро, Копакабана

Мы с женой увидели ее на углу улицы Константе Рамоса, в районе Копакабаны. Ей было около шестидесяти, и она с трудом передвигалась в толпе на инвалидной коляске. Жена предложила ей помощь. Она поблагодарила и попросила проводить ее до улицы Святой Клары.

С ее коляски свисали несколько полиэтиленовых пакетов. По дороге она рассказала нам, что в этих пакетах — все ее имущество, что спит она прямо на улице, под навесом, а живет подажаниями.

Мы подошли к указанному ею перекрестку. Там собралось много других нищих. Наша знакомая достала два пакета молока и передала их в протянутые руки.

— Люди жалеют меня, и я должна жалеть их, — сказала она.

Следовать собственной легенде

Каждая страница этой книги прочитывается приблизительно за три минуты. Как свидетельствует статистика, за это время в мире умирают триста и рождаются шестьсот двадцать человек.

Чтобы написать одну страницу, я трачу около получаса. Сажу за компьютером, обложившись книгами, в голове у меня полно мыслей, а за окном по улице проносятся машины. Вокруг ничего особенного не происходит, все, как всегда, а между тем за эти тридцать минут три тысячи человек умирают и шесть тысяч двести впервые появляются на свет.

Где же эти семьи, в которых только что начали оплакивать покойника или радоваться рождению сына, внука, брата?

Перестаю печатать и задумываюсь: во многих случаях смерть завершает продолжительную и мучительную болезнь, и для кого-то явление ангела по их душу — облегчение. Кроме того, сотни тех, кто только что родился, наверняка будут брошены и, не получив должного ухода, чтобы выжить, сразу — может быть, еще до того, как я закончу эту заметку, — пополнят статистику смертности.

Ну и ну. Кажется, всего лишь случайно попались на глаза цифры — и вдруг нахлынули эти чувства: по поводу утрат и рождения новых жизней, улыбок и слез. Сколько уходит из жизни совсем одиноких: никто не знает о том, что сейчас они умирают в своих квартирах. А сколько матерей рожают втайне и подбрасывают детей в приюты или в монастыри!

Задумываюсь: в статистику рождаемости я уже вошел, теперь мне еще предстоит однажды увеличить показатель смертности. Ну и хорошо: я вполне допускаю, что когда-нибудь умру. С тех пор как я прошел паломником по Пути Сантьяго, я понял, что, хотя мы вечны и наша жизнь никогда не кончается, существование на этом свете имеет предел.

Люди очень мало думают о смерти. Они больше озабочены всякими глупостями, а важные дела все откладывают на потом или оставляют без внимания. Не рискуют, потому что считают это опасным. Много возмущаются, но, когда нужно действовать, прячутся в кусты. Хотят изменений, но сами меняться не желают.

Если бы люди чуть больше думали о смерти, то никогда не забывали бы сделать звонок, без которого нельзя обойтись. Они были бы немного более безумными. Не испытывали бы страха, оттого что придется покинуть эту жизнь, — ибо нельзя бояться того, чего не миновать.

Индийцы говорят: «Сегодняшний день ничем не хуже других, для того чтобы оставить этот мир». А некий

колдун однажды сказал: «Пусть смерть всегда находится рядом с тобой. Когда тебе понадобится сделать что-то важное, она придаст тебе необходимых для этого силы и мужества».

Надеюсь, читатель, что ты дочитал эту заметку до конца. Было бы глупо с твоей стороны испугаться заголовка, потому что все мы, рано или поздно, умрем. И только тот, кто допускает свою смерть, готов к жизни.

Значение кота для медитации

Когда я писал книгу о сумасшествии — «Вероника решила умереть», — я поневоле задумывался над тем, сколько всего нам приходится делать по необходимости или просто по недоразумению. Зачем мы носим галстук? Почему часы ходят «по часовой стрелке»? Если мы пользуемся десятичной системой исчисления, почему в сутках двадцать четыре часа, а в часе шестьдесят минут?

По сути, многие правила, которым мы привыкли следовать, не имеют под собой никакого основания. Несмотря на это, стоит нам нарушить какой-нибудь стереотип поведения, как нас тут же спешат объявить «сумасшедшими» или «недоразвитыми».

А между тем люди все создают и создают новые правила, которые по прошествии времени теряют всякий смысл, но продолжают действовать. Чтобы было понятно, что я имею в виду, приведу один интересный рассказ о японцах.

У великого учителя дзен-буддизма, настоятеля монастыря Майю Каджи, был кот, которого он обожал. Во вре-

мя уроков медитации он держал кота возле себя, не желая ни на минуту расставаться с ним.

Однажды утром этого учителя — а надо заметить, что к тому времени он достиг весьма почтенного возраста, — нашли мертвым. Самый преуспевший из учеников занял его место.

— А что будем делать с котом? — спросили другие монахи.

Из уважения к памяти своего учителя новый наставник решил позволить коту продолжать присутствовать на уроках дзен-буддизма.

Некоторые монахи из окрестных монастырей, по обыкновению много странствовавшие, узнали, что в одном из самых прославленных храмов этого края кот принимает участие в медитациях. С этого, собственно, и начинается история.

Прошло много лет. Старый кот умер, но монахи настолько привыкли к животному, что взяли на его место нового кота. В других храмах тоже стали привлекать котиков к медитации: все поверили, что высокая репутация монастыря Майю Каджи объясняется присутствием на уроках кота, забыв, что на самом деле блестящие результаты — заслуга прежнего учителя.

Сменилось поколение, и стали появляться трактаты о значении кота для дзен-буддистской медитации. Один университетский профессор развил теорию (при-

нятую академическим сообществом), согласно которой кот обладает способностью повышать концентрацию внимания человека и отводить от него отрицательные энергии.

Спустя сто лет роль кота при изучении дзен-буддизма уже считалась одной из существенных для достижения успеха.

Но однажды учителем стал монах, страдавший аллергией на домашних животных. Он решил отстранить кота от ежедневных практикумов с учениками.

Это решение вызвало сильное противодействие, но учитель сумел настоять на своем. Поскольку это был очень хороший учитель, уровень подготовки учеников не снизился, несмотря на отсутствие кота.

Постепенно монахи других монастырей, которые всегда были падки на что-нибудь новенькое и которым надоело кормить прорву котом, стали выгонять животных из классов. Через двадцать лет начали появляться научные труды с весьма красноречивыми названиями: «Важность медитации в отсутствие кота» или «Способы уравновешения Вселенной в дзен-буддизме исключительно силой разума, без помощи животных».

Прошло еще столетие, и кот совершенно исчез из ритуала медитации дзен-буддистов. Таким образом, понадобилось целых двести лет, чтобы восторжествовал здравый смысл, — и только потому, что за все это время

никто ни разу не удосужился задуматься: а как, собственно, кот попал на урок в первый раз?

Многие ли из нас осмеливаются задать себе вопрос: почему вообще-то мы должны поступать именно так? Не навязывают ли нам бессмысленных «котом», которых мы боимся прогнать только потому, что кто-то думает, будто от них что-то зависит?

Почему бы нам в завершающий год тысячелетия не начать жить по-другому?

Вход воспрещен

Неподалеку от испанского города Олите стоит полуразрушенный замок. Однажды мне пришлось в голову посетить его, и вот я уже стою перед воротами и готов войти внутрь, но тут некий господин преграждает мне путь:

— Вход воспрещен.

Интуитивно я понимаю, что этот господин просто не может отказать себе в удовольствии показать власть над мной. Я объясняю, что приехал издалека, пытаюсь сунуть ему деньги, обаять его, говорю, что замок-то все равно в руинах — сам не знаю, почему мне вдруг стало так важно попасть внутрь.

— Вход воспрещен, — повторяет господин.

Остается одно: идти напролом, в расчете на то что он не станет воздействовать на меня физически. Подхожу к воротам. Он смотрит на меня, но ничего не предпринимает.

Когда я выхожу из замка, вижу, как в него заходят еще два туриста. Старик не пытается препятствовать им. Я понимаю, что благодаря моей настойчивости он решил отказаться от нелепых правил. Случается, жизнь ставит нас в положение, когда нам приходится отстаивать то, о чем мы не имеем понятия, по причинам, которые нам не дано разгадать.

Устав нового тысячелетия

1. Все люди — разные. И должны делать все возможное, чтобы оставаться разными.
2. Всякому человеку даны две способности: действовать и созерцать. И та, и другая ведут к одной цели.
3. Всякому человеку даны два достоинства: воля и талант. Воля направляет человека навстречу его судьбе; талант заставляет его делиться добром своей души с другими.
4. Всякому человеку дана добродетель — способность выбирать. Тот, кто не пользуется этой добродетелью, превращает ее в проклятие, и за него делают выбор другие.
5. Всякому человеку дарованы два права: знать истину и заблуждаться. Для заблуждающихся всегда найдется учение, которое выведет их на верный путь.
6. Всякий человек имеет свой неповторимый стиль сексуального поведения, которого он не должен стыдиться (но и не должен требовать такого же поведения от других).
7. У всякого человека есть своя личная легенда, которой он должен следовать и ради которой приходит в этот мир. Личная легенда проявляется в воодушевлении, с которым он стремится достичь цели.

Параграф 1. Можно на время отходить от личной легенды, если не забывать о ней и возвращаться к ней при первой возможности.

8. Всякий мужчина имеет в себе что-то от женщины, а всякая женщина — что-то от мужчины. Дисциплину должно соблюдать интуитивно, а интуиция должна быть основана на объективной оценке.
9. Всякий человек должен владеть двумя языками: социальным языком и языком символов. Первый служит для общения с другими людьми, а второй — для понимания Божественных посланий.
10. Всякий человек вправе стремиться к радости. Под радостью здесь подразумевается то, что доставляет самому человеку удовольствие, а не то, что непременно доставляет удовольствие еще и другим.
11. Всякий человек должен поддерживать в себе священное пламя безумия. И вести себя, как нормальный.
12. Человек имеет серьезные недостатки, если он: не уважает прав ближнего; позволяет страху парализовать себя; испытывает чувство вины; считает, что не достоин добра и не заслуживает зла, которые выпадают на его долю; способен на коварство.

Параграф 1. Возлюбим наших врагов, но не будем с ними заодно. Они посланы нам, чтобы испытать наш меч, и заслуживают уважения как противники.

Параграф 2. Будем выбирать наших врагов.

13. Все религии ведут к одному Богу и все заслуживают одинакового уважения.

Параграф 1. Человек, выбирающий религию, выбирает и особый коллективный стиль поклонения чудесам. В то же время всю ответственность за свои поступки несет он один. Нельзя перекладывать вину за решения отдельного человека на всю религию.

14. Объявляется несуществующей стена между священным и мирским: отныне все священно.
15. Все, что совершается в настоящем, влияет на будущее и искупает прошлое.
16. Иные толкования следует считать утратившими силу.

Разрушая и отстраивая

Меня пригласили в Гункан-Джиму посмотреть дзен-буддистский храм. Когда мы добрались туда, открывшаяся моим глазам картина поразила меня: посреди бескрайнего леса стоит изумительное по красоте сооружение, но почему-то к нему примыкает такая же гигантская пустошь.

Я спрашиваю, какой смысл в этой пустоши, и сопровождающий нас служитель монастыря поясняет:

— Это место под будущее строительство. Каждые двадцать лет мы сносим храм, который сейчас перед вашими глазами, и восстанавливаем его рядом. Благодаря этому монахи — плотники, каменщики и архитекторы — имеют возможность постоянно поддерживать квалификацию и передавать опыт ученикам. А еще мы показываем этим, что в жизни нет ничего вечного — даже храмы пребывают в процессе непрерывного совершенствования.

Воин и вера

Генри Джеймс сравнивает опыт с огромной паутиной, раскинутой вокруг нас. Она улавливает не только то, что нам необходимо, но и всякую ерунду из воздуха.

Мы часто считаем «опытом» не что иное, как сумму наших поражений. Поэтому и в будущее глядим полными страха глазами — глазами человека, совершившего в жизни массу ошибок, — и нам не хватает духа сделать следующий шаг.

В такую минуту хорошо бы вспомнить слова лорда Солсбери: «Если будешь безоговорочно верить врачам — все будет причинять вред твоему здоровью. Если будешь безоговорочно верить теологам — везде будешь усматривать только грех. Если будешь безоговорочно верить военным, то ни в чем не сможешь быть абсолютно уверенным».

Надо принимать страсти и поддерживать в себе дух завоевателя: они тоже часть нашей жизни и доставляют радость тем, кого посещают. Но Воин Света никогда не должен упускать из виду предметы и связи, неподвластные времени. Он должен уметь отличать преходящее от вечного.

Бывает, правда, что страсти улечиваются без предупреждения. Несмотря на всю его мудрость, Воином Света овладевает уныние: оно растет и растет, и нет уже

прежней веры, и все идет наперекосяк, и беды наступают несправедливо и исподтишка, и начинает казаться, что молитвы больше не достигают небес.

Он продолжает молиться и соблюдать обряды своей религии, но ему не удается обмануть себя: сердце его молчит, а слова как будто утратили смысл.

В таком состоянии возможен только один выход: продолжать исповедовать свою веру. Творить молитвы по принуждению, из страха или под каким угодно иным предлогом — но обязательно продолжать молиться. Заставлять себя возносить молитвы, даже если все потеряло смысл.

Ангел, которому было поручено выслушивать вас (он же отвечает и за радость веры), отлучился лишь ненадолго. Но он непременно вернется и снова найдет вас по доносящимся из ваших уст звукам молитвы или мольбы о помощи.

В одном из рассказов о монастыре Де Пьедра послушник после изнурительной утренней молитвы спрашивает аббата, помогают ли молитвы приблизиться к Богу.

— Отвечу тебе вопросом на вопрос, — говорит аббат. — Ты своими молитвами можешь заставить солнце взойти завтра утром?

— Разумеется, нет! Солнце взойдет, подчиняясь всеобщему закону!

— Ну вот, ты сам и ответил на свой вопрос. Бог всегда рядом с нами, независимо от того, молимся мы Ему или нет.

— Вы хотите сказать, что наши молитвы бесполезны? — спросил озадаченный послушник.

— Отнюдь. Если ты не проснешься рано утром, то никогда не увидишь, как встает солнце. Если ты не будешь молиться, ты никогда — несмотря на то, что Бог всегда рядом, — не ощутишь Его присутствия.

Молиться и бдеть — таков должен быть девиз Воина Света. Если он будет только бдеть, ему начнут являться призраки там, где их нет. Если он будет только молиться, у него не останется времени на участие в деле, столь нужном для мира. В другом рассказе, из сборника «*Verba Seniorum*», авва Пимен говорит об авве Иоанне, что тот столько молился, что больше не имеет надобности в молитве: он поборол все свои страсти.

Когда эти слова достигли слуха одного мудрого монаха из Скитского монастыря, тот созвал братию после ужина и произнес:

— Вы слышали о том, что авва Иоанн не испытывает больше соблазнов. Но когда душа перестает бороться, она становится немощной. Поэтому давайте помолимся Господу, чтобы Он ниспослал искушение авве Иоанну посильнее, а после того как он справится и с ним, мы попросим для него все новых и новых искушений. И когда он снова будет проводить жизнь в борьбе с искушениями, мы помолимся о том, чтобы он никогда не просил: «Господи, избави меня от этого демона», а обращался к Нему: «Господи, дай мне силы противостоять злу».

В порту Майями

— Порой под влиянием фильмов мы забываем, как все происходило на самом деле, — говорит мой приятель, когда мы осматриваем с ним порт в Майями. — Помнишь фильм «Десять заповедей»?

Разумеется, помню. В решающий момент Моисей — в исполнении Чарльтона Хестона — поднимает жезл, и воды расступаются, чтобы еврейский народ пересек море.

— В Библии иначе, — замечает приятель. — В Библии Бог говорит Моисею: «Скажи сынам Израилевым, чтобы они шли». И только после того как они двинулись, Моисей поднял жезл и Красное море расступилось.

Только мужество путника открывает путь к цели.

Импульсивное побуждение

Падре Зека, из церкви Воскресения на Копакабане, рассказывал, как однажды ехал в автобусе и вдруг услышал голос, повелевающий ему немедленно встать и начать проповедовать о Христе.

Зека стал отговариваться: «Я буду смешон, это неподходящее место для проповеди». Но внутренний голос настаивал. «Я застенчив. Пожалуйста, не проси меня об этом», — умолял Зека.

Но внутренний голос не отступал.

Тогда Зека вспомнил о своем обете — беспрекословно подчиняться всякому повелению Христа. Он встал и, сгорая от стыда, начал говорить о Евангелии. Все слушали его молча. Его взгляд переходил с одного лица на другое, и почти никто не отвернулся от него. Зека сказал все, что чувствовал, закончил проповедь и сел на свое место.

До сегодняшнего дня Зека не знает, что за послушание он выполнил. Но он совершенно уверен, что выполнил какое-то послушание.

О бренной славе

«Sic transit gloria mundi». Такими словами святой апостол Павел передает отношение человека к миру в одном из своих Посланий: мирская слава проходит. Но, даже зная об этом, человек всегда стремится получить признание за свой труд. Почему? Как поется в песне на слова одного из крупнейших бразильских поэтов Винисиуса де Мораэса:

И, тем не менее, надо петь.
Больше чем когда бы то ни было.

Винисиус де Мораэс — замечательный поэт. Вспоминая Гертруду Штайн в стихотворении «Роза — это всего лишь роза, всего лишь роза...», он просто утверждает, что надо петь. Ничего не объясняя, не доказывая, не прибегая к метафорам. Когда я стал кандидатом в Бразильскую Академию изящной словесности и, выполняя существующий ритуал, встречался с ее действительными членами, то услышал нечто подобное от академика Жузуэ Монтелло. Он сказал мне: «Каждый должен идти по дороге, которая проходит через его село».

Почему? Что там такого важного на этой дороге?

Какая сила выбрасывает нас из уютного мира семьи, заставляет бороться с трудностями, несмотря на знание, что мирская слава преходяща?

Думаю, побуждение это — поиск смысла жизни.

Много лет я искал исчерпывающий ответ на этот вопрос в литературе, в искусстве, в науке, на опасных или спокойных путях своей жизни. Было много ответов: некоторые убеждали меня на несколько лет, другие не выдерживали и одного дня размышлений, но ни один из них не был настолько убедительным, чтобы я мог сегодня заявить: смысл жизни заключается в том-то и том-то.

Сейчас я пребываю в уверенности, что в этой жизни нам не дано усвоить правильный ответ. Лишь в конце, снова представ перед Создателем, мы увидим, сколько возможностей нам было отпущено для познания истины — и сколькими из них мы воспользовались, а сколько отвергли.

В одной из проповедей 1890 года пастор Энри Дрюмонд так говорил о последней встрече с Создателем:

«В тот момент для человека главным будет не вопрос: «Как я жил?»

Главным будет вопрос: «Как я любил?»

Окончательным мерилom нашего успеха на пути спасения будет любовь. Что сделали, во что верили, чего добились — все это не будет приниматься во внимание.

Не за это Бог взыщет с нас, а за то, как мы любили ближнего своего.

О наших заблуждениях даже не будет упомянуто. Нас будут судить за добро, которого мы не совершили.

Ибо запереть Любовь внутри себя — значит идти против Святого Духа. Это значит также, что мы никогда Его не знали, что Его любовь к нам была напрасной».

Мирская слава проходит, и не она придает истинное измерение нашей жизни, но совершаемый выбор: следовать нашей личной легенде, верить в несбыточные мечты и бороться за них. Мы все — главные персонажи. Часто более прочный след в жизни оставляют безымянные герои.

В одной японской легенде рассказывается о монахе, который, восхитившись красотой китайской книги «Тао-Те-Кинг», решил собрать средства на ее перевод и издание на родном языке. Он потратил на это десять лет.

Между тем его страну постигла эпидемия чумы, и монах отдал все собранные деньги на помощь страждущим. Когда чума миновала, он возобновил сбор денег на издание книги. Прошло еще десять лет, и, в то время как книга уже готовилась к печати, случилось новое бедствие: цунами разрушило сотни домов на побережье.

Монах снова потратил деньги: на строительство новых жилищ для тех, кто лишился всего. Еще десять лет собирал он деньги, и тогда наконец японцы смогли прочитать книгу «Тао-Те-Кинг».

Мудрые люди считают, что на самом деле этот монах издал книгу трижды: дважды — невидимо и один раз —

напечатав ее. Он поверил в несбыточную мечту, перенес тяжкие испытания, не потерял веры в достижимость поставленной цели и при этом не утратил чуткости к ближнему. Да будет так с каждым из нас: порой незримые книги, рожденные нашим добрым отношением к ближнему, не менее значительны, чем те, которые мы храним в своих библиотеках.

Когда милосердие под угрозой

Некоторое время тому назад в Ипанеме* моя жена помогла швейцарскому туристу, которого, по его словам ограбила местная шпана. На корявом португальском с невыносимым акцентом, он объяснил, что остался без паспорта, без денег и без крова.

Моя жена заплатила за его обед, дала ему денег на одну ночь в гостинице, позвонила в швейцарское посольство и только после этого уехала. Через несколько дней одна из газет сообщила о некоем проходившем, выдающем себя за «швейцарского туриста», который имитирует акцент и пользуется доверчивостью тех, кто любит свой город и старается сгладить тот его неприглядный образ, который — справедливо или безосновательно — сложился в мире.

Прочитав заметку, моя жена только и промолвила: «Это не тот случай, который может заставить меня отказать помочь другим».

Ее слова напомнили мне рассказ о старце, который поселился в городе Акбаре. Жители города не проявили к нему никакого интереса, и его поучения оставили всех

* Район Рио-де-Жанейро.

равнодушными. Со временем он превратился в объект для насмешек и иронии.

Однажды, когда он шел по главной улице Акбара, несколько мужчин и женщин стали поносить его. Старец мог бы просто пройти мимо, но вместо этого он подошел к грубиянам и благословил их.

Один из них удивился:

— Неужели, кроме всего прочего, он еще и глухой? Мы выкрикиваем оскорбления, а в ответ он желает нам добра!

— Каждый может предложить только то, что имеет, — произнес старец.

Помиловать ведьм

31 октября 2004 года в соответствии с законом, который утратил силу месяц спустя, а действовал еще с феодальных времен, жители шотландского города Престопанс официально помиловали восемьдесят одного человека вместе с котами. Все они были казнены в шестнадцатом и семнадцатом веках по обвинению в колдовстве.

Согласно заявлению представителя баронов Престонгрейнджских и Долфинстоунских, «большинство из них было осуждено без каких-либо конкретных доказательств вины, только на основании заявлений свидетелей, которые якобы почувствовали нападение злых духов».

Не стоит лишний раз вспоминать обо всех злодеяниях инквизиции, о камерах пыток и кострах, о пылающих ненавистью и жадой мести инквизиторах. Но эта новость показалась мне весьма любопытной.

Город Престопанс и четырнадцатый барон Престонгрейнджский и Долфинстоунский, видите ли, «объявляют помилование» тем, кто был зверски убит. В двадцать первом веке потомки настоящих преступников, убийц невинных жертв, все еще считают себя вправе «миловать»!

А между тем мы становимся свидетелями начала новой охоты на ведьм. Теперь их не пытаются раскаленным железом, а подвергают насмешкам и преследованиям. На тех,

у кого обнаружился (как правило, случайно) особый дар, кто осмеливается в открытую заявлять о своих необыкновенных способностях, смотрят с недоверием; родители, мужья, жены запрещают им даже заикаться об этом. Еще в юные годы заинтересовавшись тем, что именуется «окультурными науками», я встречал многих таких людей.

Да, бывало, и я попадался на удочку шарлатанам. С энтузиазмом тратил время на общение с «магистрами», которые впоследствии оказывались проходимцами, совершенно дутыми фигурами. Давал завлечь себя в секты и участвовал в ритуалах, что потом выходило мне боком. Но все это я делал под влиянием совершенно естественного для человека побуждения: найти разгадку необъяснимого.

Зато я узнал немало и таких людей, которые на самом деле обладали сверхъестественными способностями. К примеру, я был свидетелем того, как люди влияли на погоду. Видел операции, проводившиеся без анестезии, и во время одной из них (как раз в тот день, когда я проснулся с большими сомнениями относительно неизведанных возможностей человека) сам вкладывал палец в надрез, сделанный ржавым скальпелем. Можете верить или нет (а можете от души посмеяться, если никакой другой реакции у вас не возникнет), но я своими глазами наблюдал, как одной силой человеческой воли менялась форма металлических предметов, гнулись столовые приборы, загорались огни в воздухе. При этом всегда присутствовали и другие свидетели — люди, как правило, со скептическим складом ума. Чаще всего они и дальше оставались скеп-

тиками, считая увиденное хорошо поставленными «фокусами». Были и такие, кто усматривал во всем «штучки дьявола». И совсем немногие верили, что в действительности наблюдали нечто такое, чего не объяснить с точки зрения обычной человеческой логики.

Людей, способных опровергать «вечные» законы природы, я встречал в Бразилии, в Англии, в Швейцарии, в Марокко, в Японии. Каково же отношение к большинству из них? К ним относятся так, словно речь идет о маргиналах: если явление нельзя объяснить, удобнее сделать вид, что его вовсе не существует. Подавляющее большинство этих людей сами не знают, каким образом им удастся совершать уму непостижимые вещи. Боясь обвинений в шарлатанстве, они в конце концов подавляют в себе свои способности.

Никто из них не чувствует себя счастливым. Все они мечтают о времени, когда их начнут воспринимать серьезно. Все надеются на то, что наука объяснит природу их дара (хотя лично я думаю, что на это не стоит рассчитывать). Многие скрывают свою силу и страдают от этого: ведь они могли бы помочь людям, но их лишают этой возможности. В сущности, они тоже ждут «официального помилования», хотя виновны только в том, что не похожи на других.

Отделяя злаки от плевел, не забывая о многочисленных шарлатанах, я считаю, что мы все же должны вернуться к вопросу: где предел человеческим способностям?

И спокойно заняться изучением наших безграничных возможностей.

О ритме и о Пути

— Вы не упомянули о Пути Сантьяго, — обратилась ко мне паломница на выходе из Галицийского дома в Мадриде, где за несколько минут до этого я закончил свое выступление.

Я не упомянул не только об этом, но и о многом другом, так как цель, которую я ставил перед собой, была куда скромнее: всего лишь поделиться небольшой частью своего опыта. Несмотря на это, я все равно приглашаю ее вместе выпить кофе: мне любопытно, что она считает серьезным упущением.

И Бегонья — так ее звали — говорит:

— Я заметила, что большинство паломников, странствующих не только по Пути Сантьяго, но и по стезям жизни, всегда пытаются подстроиться под ритм остальных.

В начале своего паломничества я старалась не отставать от группы. Уставала, изнуряла свое тело, была в постоянном напряжении и в конце концов повредила сухожилие на левой ноге. За два дня, проведенных без движения, я поняла, что смогу достичь Пути Сантьяго, только если буду соблюдать свой индивидуальный ритм.

Я не делала больше попыток угнаться за другими, проходя многие участки пути в одиночку. И я достигла конечной цели исключительно благодаря соблюдению своего ритма. С тех пор я применяю это правило ко всему, что мне предстоит сделать. Я соблюдаю свое время.

Путешествуйте на свой манер

Еще в ранней юности я открыл для себя, что путешествие — лучший способ познания мира. До сих пор оставаясь в душе странником, я решил поделиться некоторыми усвоенными мною уроками в надежде, что они могут пригодиться другим таким же странникам.

Избегай музеев. Кому-то совет может показаться нелепым, но давайте порассуждаем вместе: если ты находишься в незнакомом городе, не интереснее ли узнать его настоящее, нежели прошлое? Люди считают своим долгом посещать музеи, потому что с детства им внушили, что путешествовать — значит осматривать данные заведения культуры. Конечно, музеи тоже важны, но на них требуется время и нужна мотивация: ты должен знать, зачем туда идешь, иначе останешься с впечатлением, будто видел нечто очень значительное, да только не запомнил, что именно.

Посещай кафе. В отличие от музеев, в кафе ты можешь ощутить, чем живет город. Кафе не дискотеки, туда люди ходят, чтобы чего-нибудь выпить, посидеть в задумчивости, и там они всегда расположены вступить с тобой в разговор. Купи газету и сиди себе созерцай перемещение посетителей. Если кто-нибудь обратится

к тебе даже под самым дурацким предлогом, постарайся завязать разговор: о красоте помещения нельзя судить по наружному виду двери.

Гуляй по городу сам по себе. Лучший гид — местный житель, который знает о своем городе все, гордится им, но при этом не работает в туристическом агентстве. Походи по улицам, выбери, с кем тебе хотелось бы пообщаться, и задай какой-нибудь вопрос («Как пройти к такому-то собору?», «Где почта?»). Если в первый раз не получится, попробуй еще — уверяю, что к концу дня у тебя будет прекрасный гид.

Путешествуй в одиночку или — если женат — с супругой. Хлопот будет больше, никто не будет за тобой (за вами) ухаживать, но только так ты сможешь на самом деле оторваться от привычного окружения. Путешествуя организованно, ты и за границей вынужден будешь говорить на родном языке, слушаться распоряжений руководителя группы и не столько любоваться новыми видами, сколько выслушивать сплетни и вникать в интриги внутри группы.

Не сравнивай. Ничего не сравнивай: ни цены, ни чистоту городов, ни условия жизни, ни транспорт — ничего! Ты путешествуешь не для того, чтобы оценить, кто живет лучше, кто хуже, а чтобы просто узнать, как живут другие люди, чему можно у них поучиться, каков их быт и как они справляются с трудностями.

Не бойся, что тебя не поймут. Даже если ты не знаешь языка, не переживай: я бывал во многих местах, где

общение с помощью слов было для меня невозможно, но всегда находил помощников, получал подсказки и важные советы и даже завязывал отношения с девушками. Кое-кто думает, что, путешествуя в одиночку, ты выйдешь на улицу и сразу же потеряешься. Но на самом деле достаточно иметь гостиничную карточку в кармане и, если вдруг заблудился, поймать такси и показать ее шоферу.

Не увлекайся покупками. Трать деньги на то, что не занимает места в твоём багаже: на театры, рестораны, прогулки. Сегодня в глобализованном мире и при наличии Интернета ты сможешь купить все на свете, не выходя из дому, к тому же тебе не придется доплачивать за лишний вес багажа.

Не пытайся объехать весь свет за один месяц. Лучше провести в каждом городе по четыре-пять дней, чем посетить за неделю пять городов. Город — как капризная женщина, которая не позволяет себя соблазнить, пока не раскроется до конца.

Путешествие — это приключения. Генри Миллер говорил, что лучше самому открыть никому не известную церковь, чем, подчиняясь общепринятому мнению, посетить Сикстинскую капеллу, где толпа из двухсот тысяч туристов сразу оглушит тебя. Впрочем, зайди и в Сикстинскую капеллу, но сначала дай себе затеряться в Риме, поброди по его узким улочкам, познай свободу человека, идущего к пока еще смутной, но безусловно достижимой цели, которая изменит всю его жизнь.

Сказка

Мария Эмилия Восс, совершившая паломничество по Пути Сантьяго, рассказала следующую историю.

Около 250 года до нашей эры в Древнем Китае один принц империи Цинь готовился к коронации. По закону, однако, он прежде должен был жениться.

Поскольку речь шла о выборе будущей императрицы, принц хотел найти такую девушку, которой он смог бы полностью доверять. По совету мудреца он решил созвать всех девушек царства, чтобы выбрать из них самую достойную.

Одна старая служанка, много лет прослужившая во дворце, весьма опечалилась, узнав о приготовлениях к смотру невест, так как ее дочь была тайно влюблена в принца.

Дома, пересказав новость дочери, она пришла в ужас, услышав в ответ, что та собирается принять участие в смотре.

— Дочь моя, что тебе там делать? — в отчаянии произнесла эта женщина. — Туда соберутся самые красивые и самые богатые девушки двора. Выброси эту безрассудную затею из головы! Я знаю, что ты страдаешь, но не доводи страдание до безумия!

Дочь ответила на это:

— Дорогая матушка, я не страдаю и совсем не собираюсь сходить с ума. Да, меня ни за что не изберут, но зато я воспользуюсь случаем, чтобы побыть еще несколько мгновений рядом с принцем. Даже зная, что удел мой иной, я буду счастлива.

Вечером, когда девушка явилась во дворец, там действительно собрались все самые изысканные красавицы, одетые в самые пышные наряды, украшенные самыми прекрасными драгоценностями и готовые любой ценой добиться цели.

Окруженный свитой, принц объявил о начале смотра:

— Я дам каждой из вас по одному семени. Та, которая через шесть месяцев принесет мне самый красивый цветок, выращенный из него, станет китайской императрицей.

Дочь служанки взяла свое семя, посадила его в горшок с землей и, хотя и не имела опыта в садоводстве, терпеливо и с нежностью ухаживала за почвой: она думала, что красота цветка будет зависеть от силы ее любви, а потому можно не беспокоиться о результате.

Прошло три месяца, но всходов не было. Девушка испробовала все возможные средства, советовалась с крестьянами, но ничего не помогло. С каждым днем все прозрачнее становилась ее мечта, хотя любовь ее ничуть не уменьшилась.

И вот истекли шесть месяцев, а в ее горшке так ничего и не выросло. Даже зная, что ей нечего предъявить

принцу, девушка сказала матери, что собирается снова явиться во дворец в указанный день и час, объяснив свое решение тем, что все шесть месяцев она самоотверженно трудилась. На самом же деле она просто не хотела упустить последний шанс встретиться с любимым.

Настал день новой аудиенции. Девушка пришла с горшком без растения и увидела, что в отличие от нее все другие претендентки достигли успеха: цветы у них были великолепны, самых разных форм и оттенков.

Наконец долгожданный момент наступил: принц входит и пристально осматривает каждую претендентку. Обойдя всех, он подводит итог: принц берет себе в жены дочь служанки.

Слышен ропот: по какому, мол, праву избрана та, которая пришла без цветка?

И тогда принц тихо говорит:

— Она одна вырастила цветок, достойный будущей императрицы. Это цветок чести. Все розданные мною семена были мертвы. Они не могли дать всходов.

Крупнейший из бразильских писателей

В свое время я издал за свой счет книгу «Архивы преисподней» (которой очень горжусь и которую сегодня невозможно купить только потому, что я никак не соберусь подготовить ее к переизданию). Мы знаем, как трудно опубликовать книгу, но еще труднее добиться, чтобы ее выставили в книжных магазинах. Раз в неделю моя жена объезжала магазины в одной части города, а я в другой.

И однажды, пересекая с несколькими экземплярами моей книги под мышкой Копакабану, она заметила на противоположной стороне Жоржи Амаду и Селию Гаттаи! Не долго думая, она подошла к ним и сказала, что ее муж — писатель. Жоржи и Селия (которые и сами слышали подобные заявления каждый день) отнеслись к ней довольно любезно, пригласили на чашечку кофе, попросили по экземпляру книги и под конец пожелали мне успешной карьеры литератора.

— Ты сошла с ума! — сказал я, когда жена вернулась домой. — Разве ты не знаешь, что он крупнейший бразильский писатель?

— Именно поэтому, — ответила она. — Тот, кто достигает таких высот, должен иметь чистое сердце.

Выражение «чистое сердце», употребленное Кристиной, не могло быть более точным. Жоржи, самый известный за рубежом бразильский писатель, был (и остается) мерилом оценки всего происходящего в нашей литературе.

Тем не менее в один прекрасный день во Франции в список бестселлеров вошел написанный другим бразильцем роман «Алхимик». Через несколько недель он занял в списке верхнюю строчку.

Вскоре я получил в одном конверте вырезку из газеты со списком бестселлеров и теплые поздравления от Жоржи Амаду. В его чистом сердце просто не было места зависти.

Некоторые журналисты — и бразильские, и зарубежные — начали провоцировать его, задавая злопыхательские по отношению ко мне вопросы, но ни на мгновение Жоржи не позволил соблазнить себя легкостью уничижительной критики и стал моим защитником в трудный для меня период, когда со всех сторон мое творчество подвергалось очень жестким нападкам.

Потом, во Франции, мне присудили первую зарубежную литературную премию. Но получилось так, что в день, на который была назначена церемония ее вручения, я должен был находиться в Лос-Анджелесе. Моя издательница Анн Каррьер впала в отчаяние после безуспешных попыток убедить американских издателей отменить мои выступления, запланированные на эти дни.

Дата церемонии приближается, а лауреат не может прибыть на нее! Как быть? Не посоветовавшись со мной,

Анн звонит Жоржи и объясняет ситуацию. Тот, не раздумывая, вызывается представлять меня на вручении премии. Более того, звонит бразильскому послу во Франции и приглашает его на церемонию, где произносит полную изящества речь, не оставившую равнодушным никого из присутствующих.

Самое удивительное то, что я познакомился с Жоржи Амаду лишь спустя почти год после вручения премии. Зато его душу — ах, что это за душа! — я узнал и полюбил давно, как люблю его книги. Это душа маститого писателя, относящегося без капли высокомерия к начинающим авторам; это душа бразильца, способного радоваться успехам соотечественников; это душа человека, готового прийти на помощь по первому зову.

Несостоявшаяся встреча

Думаю, не реже одного раза в неделю мы встречаем незнакомого человека, с которым тянет заговорить, но не хватает смелости. Несколько дней назад я получил от некоего читателя — назову его Антонио — письмо, в котором он как раз пишет об этом. Вот отдельные фрагменты его рассказа.

«Во время странствия по Великому Пути я однажды увидел женщину, невысокого роста, со светлой кожей, прилично одетую и — с протянутой рукой. Когда я приблизился, она жалобно обратилась ко мне, прося пару монет на кусок хлеба. В Бразилии нищие всегда ходят в грязных лохмотьях, поэтому я решил ничего не давать ей и прошел мимо, но ее взгляд вызвал во мне какое-то странное чувство.

Я направился в гостиницу, но вдруг ощутил в себе непостижимый импульс, звавший меня вернуться и дать милостыню. Я наслаждался отпуском, только что ото-бедал, в кармане у меня были деньги — и я представил, насколько это должно быть унижительно стоять посреди улицы, со всех сторон лоя на себе взгляды, и выпрашивать жалкие гроши.

Я вернулся к тому же месту, но ни там, ни на ближайших улицах ее не было. На следующий день я снова искал ее и снова безуспешно.

С этого дня у меня началась бессонница. Я вернулся в Форталезу, рассказал о случившемся одной знакомой, и она пояснила мне, что между мной и этой женщиной возникла сильная связь, которую я разорвал, и теперь мне надо просить о помощи у Бога. Я стал молиться и как-то раз услышал голос, повелевавший найти нищенку. Каждую ночь я просыпался в слезах, и мне стало ясно, что я так долго не протяну; я взял деньги, купил билет и отправился в Мадрид на поиски женщины.

Я только то и делал, что искал ее, но время шло, деньги таяли. В туристическом агентстве я перебронировал билет на более позднюю дату: я не допускал мысли о том, чтобы вернуться в Бразилию, не подав милостыни этой женщине.

На выходе из агентства я споткнулся на лестнице и едва не налетел на кого-то: это была она!

Машинально сунув руку в карман, я достал все деньги, которые там были, и протянул ей. И, испытав глубокое умиротворение, беззвучно возблагодарил Бога за эту встречу, за предоставленный мне повторный шанс.

С тех пор я еще несколько раз бывал в Испании, но теперь был уверен, что больше не встречу ее: ведь я уже выполнил то, к чему звало меня мое сердце».

Смешливая пара (Лондон, 1977)

Мне все так опротивело, что я решил уехать вместе со своей молодой женой Сесилией куда глаза глядят. Мы переехали в Лондон и поселились на Палас-стрит в небольшой квартире на втором этаже. Нам никак не удалось завести друзей. Была, правда, одна юная пара, которая каждый вечер, выходя из ближайшего паба, подходила к нашему окну и криками вызывала нас к себе.

Я очень боялся, что поднимаемый ими шум не понравится нашим соседям. Поэтому я никогда не спускался, делая вид, что не имею к паре никакого отношения. Они, однако, подолгу не унимались и шумели, даже если никто из нас не приближался к окну.

Однажды я не выдержал, сошел вниз и отчитал их за шумное поведение. Их улыбчивые физиономии тут же скисли, они попросили прощения и удалились. В тот вечер я понял, что меня больше беспокоило то, «что скажут соседи», нежели то, что у меня нет друзей.

И я решил, что в следующий раз обязательно приглашу их к себе и мы вместе выпьем чего-нибудь. Всю неделю я высматривал их из окна в то время, когда они обычно проходили мимо нашего дома, но они больше не появлялись.

Я стал заходить в паб в надежде встретить их там, но хозяин не помнил их.

Я прикрепил к окну большой лист бумаги, на котором написал: «Позовите нас еще раз», но этим добился только того, что однажды ночью группа пьяных хулиганов стала выкрикивать в наш адрес грязные ругательства, и соседка, покой которой я так оберегал, пожаловалась на нас хозяину квартиры.

А со смешливой парой я так никогда больше и не встретился.

Повторный шанс

— Меня всегда привлекала история с «Сивиллиными книгами», — рассказывал я Монике, моей приятельнице и литературному агенту, во время нашей поездки на машине в Португалию. — Нужно предпринять все возможное, для того чтобы они не исчезли навсегда.

Одна из Сивилл, прорицательниц, способных предсказывать будущее и живших в Древнем Риме, однажды явилась во дворец императора Тиберия с девятью книгами. В этих книгах было предсказано будущее Римской империи, и она запросила за них десять талантов золота — цену, которую Тиберий счел чересчур высокой.

Сивилла вышла из дворца, сожгла три книги и вернулась с шестью оставшимися. «Десять талантов золота», — сказала она. Тиберий засмеялся в ответ и велел ей убираться вон: как, мол, она посмела предлагать шесть книг по цене девяти?

Сивилла сожгла еще три книги и вернулась к Тиберию с последними тремя томами: «Они стоят десять талантов золота». Заинтригованный, Тиберий купил три оставшиеся книги, и только небольшая часть будущего оказалась открыта ему.

Когда я заканчивал историю, мы как раз проезжали через Сьюдад-Родриго, городишко на границе Испании и Португалии. Именно там четыре года назад мне предложили купить одну книгу — и я отказался.

— Давай остановимся. Думаю, я вспомнил о «Сивиллиных книгах» не случайно: это знак, что следует исправить одну из совершенных в прошлом ошибок.

Во время первой поездки в Европу для презентации своих книг я обедал в этом городке. После обеда я зашел в собор, познакомился с падре. «Посмотрите, как красиво вечернее солнце освещает интерьер», — сказал он. Мне понравились его рассуждения, и мы побеседовали немного, а потом он показал мне алтари, дворики и внутренние садики храма. Под конец он предложил мне купить книгу, рассказывающую о церкви, но я не проявил к книге интереса. Однако, выйдя на улицу, я испытал угрызения совести: я, писатель, приехавший в Европу продавать свою книгу, отказываюсь купить сочинение падре — где же солидарность? Впрочем, вскоре я забыл об этом эпизоде. Чтобы снова вспомнить о нем только сейчас.

Остановил машину. Вместе с Моникой мы направились к площади напротив церкви, где, запрокинув голову к небу, стояла какая-то женщина.

— Добрый день. Мы приехали к падре, написавшему книгу об этой церкви.

— Этого падре звали Станислав, и он умер год назад, — ответила она.

Мне стало грустно. Почему я лишил падре Станислава той радости, которую сам испытывал, когда кто-нибудь покупал мои книги?

— Это был один из самых добрых людей, каких я знала, — продолжала женщина. — Он происходил из бедной семьи, но смог выучиться на археолога. Потом он помог моему сыну получить стипендию в колледже.

Я рассказал ей, что привело меня сюда.

— Не грызи себя, сын мой, — промолвила она. — Зайди-ка в собор.

Я счел это добрым знаком и сделал, как она сказала. В пустом соборе только один священник ждал в исповедальне верующих. Я обратился к нему, и он махнул рукой, повелевая мне опуститься на колени.

— Нет-нет, я не собираюсь исповедоваться, — сказал я. — Мне нужна книга об этой церкви, написанная неким Станиславом.

Глаза падре загорелись, он вышел из исповедальни и через несколько минут вернулся с книгой.

— Какую радость вы мне доставили! — произнес он. — Я брат падре Станислава, и то, что вы пришли ради этой книги, наполняет меня гордостью за него! Там, на небе, он должен сейчас испытывать блаженство, видя, что его труд оказался не напрасным!

В соборе служит не один падре, но мне посчастливилось попасть именно на брата покойного Станислава.

Я заплатил за книгу, поблагодарил, он обнял меня. Уже покидая собор, я еще раз услышал его голос:

— Посмотрите, как красиво вечернее солнце освещает интерьер!

Точь-в-точь те самые слова, которые произнес падре Станислав четыре года назад. Жизнь всегда дает повторный шанс.

Австралиец и объявление в газете

Я стою в порту Сиднея и люблю мостом, соединяющим две части города. В этот момент ко мне приближается австралиец и просит прочесть объявление в газете.

— Очень мелкий шрифт, — поясняет он. — Ничего не могу разобрать.

Я пробую, но у меня нет с собой очков для чтения. Прошу у него прощения.

— Ну и ладно, — говорит он. — Знаете, что я вам скажу? Мне думается, что у Бога тоже не все в порядке со зрением. Не потому, что он стар, а потому, что сам так захотел. Благодаря этому Господь не в состоянии хорошенько разглядеть, как человек совершает грех, и, боясь допустить несправедливость, прощает его.

— Но в таком случае добра Бог тоже не видит, — говорю я.

— Э нет, Бог никогда не забывает дома очки, — смеется австралиец, удаляясь от меня.

Плач пустыни

Один мой приятель, недавно вернувшийся из Марокко, привез замечательную историю о миссионере, который, оказавшись в Марракеше, решил каждое утро гулять по пустыне, со всех сторон обступающей город. Во время первой прогулки он увидел распростертого на песке человека, который ласкал рукой землю, прижавшись к ней ухом.

«Сумасшедший», — сказал про себя миссионер.

Но та же сцена повторялась изо дня в день, и через месяц миссионер был уже настолько заинтригован странным поведением незнакомца, что решил обратиться к нему. Он опустился около него на колени и заговорил на плохом арабском языке (который не успел еще выучить как следует):

— Что ты делаешь?

— Вслушиваюсь в пустыню и утешаю ее в одиночестве и в слезах.

— А я и не знал, что пустыня способна плакать.

— Она плачет все время, потому что мечтает стать полезной человеку и превратиться в огромный сад, где произрастают злаки, цветут цветы и резвятся ягнята.

— Ты скажи пустыне, что она и так неплохо исполняет свое предназначение, — молвил миссионер. —

В пустыне человек лучше осознает свое подлинное место в этом мире: на фоне ее бескрайности зримо представляешь себе, насколько мы ничтожны перед лицом Божьего величия.

Глядя на ее пески, я сравниваю человека с песчинкой и понимаю, что миллионы людей созданы одинаковыми, хотя не ко всем мир одинаково справедлив. При виде ее песчаных холмов мне легко сосредоточиться на внутренних переживаниях. А когда солнце встает над песчаным горизонтом, моя душа наполняется радостью и возносится горе, навстречу Создателю.

Сказав это, миссионер ушел, чтобы заняться своими повседневными делами. Каково же было его удивление, когда на следующее утро он снова увидел его на том же месте и в той же позе.

— Ты передал пустыне все, что я тебе говорил? — спросил он.

Тот утвердительно кивнул.

— И она по-прежнему плачет?

— Я слышу каждый ее всхлип. Сейчас она плачет потому, что растратила тысячи лет на стенания о своей полной ненужности, напрасно ропща на Бога и жалуясь на судьбу.

— Ты скажи ей, что человек, срок жизни которого много короче, тоже проводит большинство дней в сомнениях по поводу смысла своего существования. Редко когда он обнаруживает его, в основном полагая, что Бог

был к нему несправедлив. Если в конце концов какое-то событие открывает ему, что рождение его не было напрасным, он вздыхает, что теперь поздно менять жизнь, и продолжает страдать. А потом, как и пустыня, мучается оттого, что зря растратил время.

— Не знаю, дойдут ли эти слова до пустыни, — произнес незнакомец. — Она привыкла к своим страданиям и неспособна смотреть на мир иначе, кроме как сквозь слезы.

— Тогда давай попробуем средство, к которому я всегда прибегаю, когда вижу людей, потерявших надежду. Давай помолимся.

Они оба встали на колени: один — лицом в сторону Мекки, поскольку был мусульманином, а другой — молитвенно сложив кисти рук, так как он был католиком. Каждый из них молился своему Богу, который всегда и для всех был одним и тем же Богом, хотя люди упорно продолжают называть Его разными именами.

На следующее утро, выйдя на прогулку, миссионер опять увидел мужчину на прежнем месте. Там, где он раньше прижимался к песку, стала сочиться влага: это зарождался новый источник. Через несколько месяцев источник увеличился настолько, что жители города смогли выкопать здесь колодец.

Бедуины называют это место «Колодцем из слез пустыни». Они уверены: если испить из него — то, что было причиной твоего страдания, станет поводом к радости. И тебе откроется твое истинное предназначение.

Рим: Изабелла вернулась из Непала

Я встречаюсь с Изабеллой в ресторане, который нам нравится за то, что там всегда мало посетителей, хотя кухня у него превосходная. Она рассказывает, как во время пребывания в Непале провела несколько недель в монастыре. Однажды под вечер она прогуливалась по окрестностям с одним монахом, и тот, открыв свою сумку, долго разглядывал ее содержимое. После этого он произнес:

— Ты знаешь, что простой банан может указать тебе смысл жизни?

Он достал из сумки гнилой банан и швырнул его в сторону.

— Это жизнь, которая в нужный момент осталась невостребованной, а теперь уже поздно.

Извлек из сумки зеленый банан и вернул его на место.

— Это жизнь, еще не состоявшаяся, ей нужно дождаться своего момента.

Наконец он вытащил спелый банан, очистил его и, разделив пополам, дал половину Изабелле.

— А для этой жизни главный момент наступил. Умей впустить ее в себя без страха и чувства вины.

Об искусстве владеть мечом

Много веков тому назад, во времена самураев, в Японии была написана книга о философии искусства владения мечом — «Знание без страсти», известная также по имени ее автора как «Трактат Тахлана» (Тахлан был учителем фехтования и монахом дзен-буддистского монастыря). Некоторые места из этой книги я обобщил для себя.

Всегда сохраняй спокойствие. Тот, кто понимает смысл жизни, знает: ничто не имеет ни начала, ни конца, а потому он никогда не огорчается. Он борется за то, во что верит, не стремясь никому ничего доказать и сохраняя молчаливое спокойствие человека, достаточно мужественного, чтобы самому выбирать свою судьбу.

Это относится к поведению на войне и в любви.

Слушайся своего сердца. Тот, кто уверен в своей власти над другими, в способности произносить нужные слова в нужное время и владеть своим телом, бывает глух к «голосу своего сердца». Только тогда можно услышать этот «голос», когда мы пребываем в совершенной гармонии с окружающим миром, а не ставим себя в центр Вселенной.

Это касается любви и войны.

Научись вживаться в образ другого. Мы настолько привержены так называемому хорошему тону, что забываем нечто чрезвычайно важное: мы не в состоянии достичь своих целей в одиночку, не общаясь с другими людьми. Поэтому нужно не только уметь созерцать мир, но и стараться проникать в чувства другого и научиться следовать ходу его мыслей.

Это касается любви и войны.

Найди для себя подходящего учителя. На жизненном пути тебе предстоят встречи со многими из тех, кто из любви или из высокомерия захочет тебя чему-то учить. Как отличить друга от проходимца? Ответ довольно простой: настоящий учитель никогда не говорит об идеальном пути, а предлагает ученику множество тропинок, выводящих на дорогу, в конце которой — твоя судьба. С того момента, как ты попадешь на свою дорогу, учитель тебе больше не нужен: теперь все трудности и все препятствия на пути — исключительно твои.

Этот совет не относится ни к любви, ни к войне, но, если не следовать ему, ты вовсе ничего не достигнешь.

Избегай опасностей. Многие думают, что в идеале нужно жертвовать жизнью во имя воплощения своей мечты в жизнь, но на самом деле нет ничего обманчивее такого взгляда. Чтобы успеть осуществить мечту, надо дорожить жизнью и уметь избегать опасностей. Чем больше мы обдумываем предстоящие шаги, тем выше вероятность ошибиться: ведь мы не принимаем во внимание поведение других людей, забываем об уроках,

преподносимых жизнью, не учитываем действия страстей и состояния бесстрастия. Чем больше мы уверены в том, что держим все под контролем, тем меньше способны влиять на ситуацию. Опасность приходит без предупреждения, а быстрая реакция не может быть спланирована заранее, словно воскресная прогулка.

Поэтому, если ты хочешь достичь гармонии в любви или в боевом искусстве, выработай в себе быструю реакцию. Грамотно веди себя и не позволяй своему так называемому жизненному опыту превращать тебя в машину. Руководствуйся этим опытом лишь для распознавания «голоса сердца». Даже если тебе кажется, что этот голос подсказывает что-то не то, все равно слушайся его: он лучше знает, когда нужно действовать, а когда надо отойти в сторону.

Это тоже касается и любви, и поведения на войне.

На Голубых горах

На следующий день после моего приезда в Австралию редактор повез меня в национальный парк неподалеку от Сиднея. Там, среди лесов, покрывающих местность, известную под названием Голубые горы, возвышаются в виде обелисков три скалы.

— Это три сестры, — говорит мой редактор и рассказывает такую легенду.

«Один колдун прогуливался однажды с тремя сестрами, когда навстречу им вышел самый знаменитый в то время воин.

— Хочу жениться на одной из этих красавиц, — сказал он.

— Если одна из них выйдет замуж, остальные две будут думать, что они некрасивы. Я ищу племя, где воины могут иметь по три жены, — ответил ему колдун и пошел своей дорогой.

Годами странствовал он по Австралийскому континенту в поисках такого племени, но так и не нашел его.

— По крайней мере, одна из нас могла бы стать счастливой, — заметила одна из сестер, когда они уже состарились и обессилели от бесконечных странствий.

— Я совершил ошибку, — согласился колдун. — Но теперь поздно об этом говорить.

И превратил трех сестер в каменные глыбы, с тем чтобы каждый, кто будет проходить мимо, вспоминал, что счастье одного не означает несчастья других».

Практичный отшельник

Мой иранский издатель Араш Хеджази рассказал мне историю о человеке, который, желая достичь святости, решил провести остаток жизни в медитации. Для этого он отправился в горы, не взяв с собой никаких вещей, кроме одежды, которая была на нем.

Вскоре он понял, что одной смены одежды ему недостаточно, так как она очень быстро пачкалась. Спустившись с горы, он направился в ближайшую деревню. Все знали о том, что этот человек стремится к святости, и дали ему пару новых штанов и рубашку.

Поблагодарив крестьян, он вернулся к часовне, которую начал строить на самой вершине горы. Ночью он возводил стены, а днем предавался медитации. Ел одни плоды с деревьев и пил воду из ближайшего источника.

Через месяц он обнаружил, что мыши повадились грызть его одежду, вывешенную для просушки. Чтобы впредь не отвлекаться от духовного самосовершенствования, он снова спустился в деревню и попросил себе кота. Из уважения к его подвижничеству жители деревни удовлетворили и эту просьбу.

Переловив мышей, кот отказался есть фрукты и через неделю чуть не сдох от истощения. Пришлось отшель-

нику идти в деревню за молоком. Крестьяне знали, что он просит не для себя, что сам он питается только тем, что дарит ему природа, а потому и на этот раз не отказали в его просьбе.

Кот быстро выпил все молоко, и тогда отшельник попросил у крестьян во временное пользование корову. Корова давала молока больше, чем нужно было коту, и, чтобы оно не пропадало, человек тоже стал попивать его. Какое-то время спустя благодаря чистому горному воздуху, фруктам, медитации, молоку и физическим занятиям он превратился в настоящего красавца. В него влюбилась девушка, которая поднялась в горы, разыскивая отбившегося от стада ягненка. Она склонила этого человека к мысли о женитьбе, обещав взять на себя все хлопоты по хозяйству, с тем чтобы он мог проводить время в медитации.

Три года спустя он уже был женат, имел двоих детей, держал три коровы, разбил фруктовый сад и руководил центром медитации, известным как «Храм вечной молодости». Для посещения этого храма жаждущие чудес записывались в огромнейшую очередь.

Теперь, когда у него спрашивали, с чего это все началось, он говорил:

— Через две недели, после того как я поселился здесь, мышь стала грызть мою одежду, и...

Конец истории никого уже не интересовал: все были уверены, что этот ловкий делец выдумывает небылицы, чтобы поднять цену за пребывание в храме.

Чайная церемония

В Японии я присутствовал на знаменитой чайной церемонии. Заходишь в маленькую комнатку, там тебе подают чай и больше ничего. Но это повседневное действие превращено в такой сложный ритуал и обставлено такой церемонностью, как будто тут происходит общение со Вселенной.

Мастер чайной церемонии Окакуса Касуко поясняет

— Чайная церемония — это поклонение красоте и простоте. Смысл ее в том, чтобы с помощью несовершенных обыденных жестов попытаться достичь Совершенства. Вся красота церемонии заключается в почтении, с каким она совершается.

Если даже такое простое событие, как совместное чаепитие, способно возносить вас к Богу, насколько важно не упустить десятки других возможностей для этого, которые открываются перед вами в течение дня.

Тучка и дюна

«Всем известно, что жизнь облака очень изменчива, но и коротка», — писал Бруно Ферреро. И вот вам еще одна история.

Юная тучка родилась от большой бури над Средиземным морем, но, даже не успев как следует подрасти, была угнана сильным ветром вместе с другими тучами в сторону Африки.

Когда они достигли континента, погода переменилась: на небе засияло благодатное солнце, а внизу простирались золотистые пески Сахары. Ветер по-прежнему гнал тучи на юг, к лесам: в пустыне-то дожди почти не идут.

Но, как и люди в таком возрасте, юные тучи тоже бывают безрассудны: наша тучка решила удрать от родителей и старших подруг, потому что ей захотелось повидать мир.

— Что ты задумала? — прикрикнул на нее ветер. — Пустыня вся одинакова! Вернись к остальным и продолжим путь в глубь Африки: там ты увидишь восхитительные горы и деревья!

Но юная тучка, которая была строптива от рождения, не послушалась ветра. Постепенно она стала терять высоту, пока ее не подхватил и не понес над золотистыми песками нежный и ласковый бриз. Нагулявшись вволю, тучка заметила, что одна из дюн улыбается ей.

Эта дюна тоже была совсем юной. Она только-только сформировалась пронесшимся над пустыней ветром. Ее золотистые волосы сразу же пленили тучку.

— Доброе утро, — поздоровалась с ней тучка. — Как тебе живется там, внизу?

— У меня хорошая компания: другие дюны, солнце, ветер и караваны, проходящие здесь время от времени. Иногда, правда, бывает очень жарко, но не настолько, чтоб нельзя было терпеть. А как тебе живется в вышине?

— Здесь тоже бывают ветер и солнце, но мое преимущество в том, что я могу странствовать по небу и видеть многоинтересного.

— Моя жизнь недолговечна, — вздохнула дюна. — Когда ветер вернется из лесов, меня не станет.

— И это тебя печалит?

— Это заставляет меня думать, что я никому не нужна.

— И у меня такие же мысли. Ведь когда налетит новый ветер, он перенесет меня на юг и там я прольюсь дождем. Но, видно, такова моя судьба.

После небольшой заминки дюна произнесла:

— А ты знаешь, что здесь, в пустыне, время, когда идет дождь, называют райским?

— Нет, я не знала, что могу представлять для кого-то такую важность, — промолвила тучка не без гордости.

— Я несколько раз слышала от старых дюн рассказы, будто после дождя мы покрываемся травами и цветами. Но мне самой никогда не узнать этого, потому что дождь в пустыне идет так редко!

На этот раз задумалась тучка, но уже через несколько мгновений она расплылась в широкой улыбке:

— Если хочешь, я пролью на тебя влагу. Хотя мне и рано превращаться в дождь, но ты так нравишься мне, что я готова остаться с тобой навсегда.

— Когда я только увидела тебя в небе, я тоже сразу полюбила тебя, — сказала дюна. — Но если твои великолепные белые волосы превратятся в дождь, ты ведь умрешь.

— Любовь не умирает, — возразила тучка. — Она лишь меняет свой образ. Я хочу показать тебе Рай.

И она стала ласкать дюну маленькими капельками. И так, вместе, они провели много времени, пока на небе не появилась радуга.

На следующий день маленькая дюна покрылась цветами. Другие тучи, направлявшиеся в глубь Африки, увидав цветы, решили, что уже достигли цели, и пролили на землю новые дожди. Через двадцать лет на месте дюны образовался оазис, где путники смогли укрыться от зноя в тени деревьев.

И все это стало возможным благодаря влюбленной тучке, которая однажды не побоялась отдать свою жизнь во имя любви.

Затейница Норма

Живет в Мадриде некая бразилийка по имени Норма, весьма своеобразная женщина. Испанцы называют ее «железной бабушкой»: ей уже за шестьдесят, но она работает на нескольких работах и без конца затевает разные акции, празднования, музыкальные вечера.

На одном из таких мероприятий, около четырех утра (когда я уже едва держался на ногах от усталости), я спросил Норму, откуда она черпает столько энергии.

— Я живу по волшебному календарю. Если хочешь, могу показать.

На следующий день я зашел к ней. Она достала старый отрывной календарь, весь испещренный каракулями.

— Итак, сегодня у нас день, когда была изобретена вакцина против полиомиелита, — сказала она. — Надо отметить это событие, потому что жизнь-то прекрасна.

Норма на каждом листке календаря делала записи о чем-то значительном, происходившем в этот день. Для нее жизнь всегда была поводом для радости.

21 июня 2003 года. Иордания, Мертвое море

За столом сидели в ряд король и королева Иордании, государственный секретарь Коллин Пауэл, представитель Лиги арабских государств, министр иностранных дел Израиля, президент Германии, президент Афганистана Хамид Карзай и другие важные персоны, участвующие в миротворческом процессе, который разворачивается на наших глазах. Жара была под сорок градусов, но легкий бриз обдувал пустыню, пианист играл сонаты, небо было безоблачным, и по всему саду горели светильники. На другом берегу Мертвого моря можно было увидеть Израиль и зарево, освещавшее горизонт над Иерусалимом. Все, казалось, пребывало в полной гармонии и мире, и мне невольно подумалось, что эта отнюдь не выдуманная картина была в действительности нашей всеобщей мечтой. Хотя мои взгляды на мирный процесс стали более пессимистичными за последние месяцы, я почувствовал, что еще не все потеряно, раз люди способны разговаривать друг с другом. Позже королева Ранья поведала, что место для встречи было выбрано не случайно, с символическим подтекстом: это самый глубокий на земле участок суши (401 метр ниже уровня моря), и опуститься еще ниже невозможно, если

не нырнуть в Мертвое море, но вряд ли из этого что-нибудь выйдет — вода в море настолько насыщена солью, что моментально вытолкнет вас на поверхность. В такой же точке оказался и мирный процесс на Ближнем Востоке: опускаться ниже больше некуда. Если бы я в тот день смотрел телевизор, то узнал бы о смерти еще одного еврейского поселенца и еще одного палестинского юноши. Но я был на упомянутом ужине и испытывал странное ощущение, будто покой того вечера должен распространиться на весь регион и его обитатели, как и переговорщики за столом, снова станут разговаривать друг с другом. Я поверил в осуществимость утопии: опускаться-то в самом деле дальше некуда.

Если вам когда-нибудь доведется побывать на Ближнем Востоке, непременно посетите Иорданию, прекрасную и гостеприимную страну. Не поленитесь заехать на Мертвое море, посмотреть на Израиль с противоположного берега: там вы поймете, что мир необходим и возможен. Приведу часть моего выступления, специально подготовленного к встрече. Я зачитал его под импровизацию гениального еврейского скрипача Иври Гитлиса.

Мир — не антоним слова «война».

Мир может воцариться в сердце даже во время жестокого сражения, если мы боремся за осуществление своей мечты. Когда все наши друзья теряют надежду, мир Справедливого Сражения не дает нам опустить руки.

Глаза матери, кормящей своего ребенка, излучают мир, даже когда ее руки дрожат, оттого что дипломаты не могут договориться, бомбы падают на голубу, а солдаты гибнут.

Стрелок, натянувший тетиву лука, хранит мир в душе, хотя все его мышцы напряжены от физического усилия.

Поэтому для Воинов Света мир не противоположен по смыслу войне, ибо они способны:

- а) отличать брэнное от вечного. Они готовы бороться за свои мечты и за свое бессмертие, но уважают связи, образовавшиеся на протяжении времени, в пространстве культуры или религии;*
- б) понимать, что их противники не обязательно являются их врагами;*
- в) отдавать себе отчет в том, что их поступки сказываются на жизни пяти будущих поколений и благополучие (или страдания) детей и внуков зависит от них;*
- г) помнить о том, что говорит И Цзин: упорство — качество полезное, в отличие от упрямства; надо знать меру в сражении: затягивая его, мы рискуем лишить людей силы духа, необходимой для возрождения мирной жизни.*

Для Воина Света не существует абстрактного самосовершенствования: каждая возможность изменить себя — это возможность изменить весь мир.

Воин Света не может быть пессимистом. Он готов, если потребуется, грести против течения. Зато, когда он состарится и станет немощным, он сможет сказать своим внукам, что приходил в этот мир, чтобы лучше понять ближнего и не осуждать брата.

В порту Сан-Диего, штат Калифорния

Я беседую с активисткой «Лунной традиции» — школы, где женщины учатся находиться в гармонии с природой.

— Хочешь дотронуться до чайки? — спросила она, глядя на птиц, усевшихся на бортике пирса.

— Конечно, хочу. Я даже несколько раз пытался это сделать, но они улетали, как только я приближался к ним.

— А ты попробуй полюбить их. И пусть эта любовь исторгнется, как луч света, из твоей груди и достигнет груди чайки. После этого можешь спокойно к ней подходить.

Я попробовал. Дважды ничего не получилось, а на третий раз, войдя в состояние, напоминающее состояние транса, я подошел к чайке и дотронулся до нее. Потом я еще раз повторил прием и снова успешно.

— Любовь воздвигает мосты даже там, где на первый взгляд это кажется невозможным, — пояснила моя приятельница-колдунья.

Я рассказал об этом для тех, кто захочет повторить эксперимент.

Искусство отступления

Воин Света, который слишком полагается на свой ум, со временем начинает недооценивать силу противника.

Нельзя забывать: бывают моменты, когда физическая сила более действенна, нежели сила разума. Перед лицом некоторых видов насилия бесполезны и блеск ума, и талант убеждения, и рассудительность, и очарование — все эти качества не помогут избежать трагедии.

Поэтому Воин Света не должен недооценивать грубую силу: если ее напор слишком силен, лучше отступить с поля сражения и дождаться, пока враг не растратит энергию.

Это отнюдь не означает, что Воин Света имеет право на малодушие. Отступление может быть превосходным приемом обороны, но недопустимо, чтобы тебя одолевал страх.

При колебаниях Воин Света предпочитает потерпеть поражение, но не отступить: раны можно залечить, агрессору же нельзя собственноручно давать власть, которой он не заслуживает.

Он может излечиться от физических страданий, но угрызения за проявленную слабость духа будут терзать его до смерти. В трудные и мучительные моменты жиз-

ни Воин Света принимает свое невыгодное положение с героизмом, самоотверженностью и мужеством.

Чтобы достичь особого состояния духа (ведь в сражение предстоит вступить, находясь в неблагоприятной позиции и прекрасно понимая, что избежать больших страданий вряд ли удастся), Воин Света должен точно определить, откуда исходит угроза. Окакура Какусю рассуждает в своей книге о японском чайном ритуале:

«Мы оцениваем зло, совершаемое другими, через призм нашего собственного поведения. Мы никогда не прощаем тех, кто нас оскорбляет, потому что считаем, что и нас никто не простил бы. Мы высказываем горькую правду своему ближнему, потому что хотели скрыть ее от самих себя. Мы демонстрируем свою силу, чтобы никто не узнал о нашей слабости.

Поэтому, прежде чем судить своего брата, осознай, что ты совершаешь суд над собой».

Иногда такое осознание позволяет избежать борьбы, которая не сулит ничего хорошего. Но бывает, что иного выхода, кроме как принять неравный бой, просто нет.

Мы знаем, что поражение неизбежно, но враг, его грубое насилие не оставляют альтернативы сражению, кроме трусливого бегства, — однако такой выбор не для нас. В эту минуту следует покориться судьбе и вспомнить дивные стихи Бхагавадгиты (глава 2, стихи 16—26):

Человек не рождается и никогда не умирает. Тот, кто получил жизнь, никогда не перестанет жить, потому что он вечен и неуничтожим.

Как, оставив старые одежды, человек надевает новые, точно так же, покинув старое тело, душа входит в новое.

Ибо ее ничто не может уничтожить; ее не рассекает меч, не опаляет пламя, не увлажняет вода и не иссушает ветер. Никакая из сил не властна над ней.

Поскольку человек неуничтожим, он всегда побеждает (даже терпя поражения), и поэтому он никогда не должен сокрушаться.

Случай во время войны

Кинематографист Руй Герра рассказал мне, как однажды ночью они с друзьями сидели и беседовали в одном доме в мозамбикской глубинке. В стране шла война, и возникали перебои со всем — от бензина до электричества.

От нечего делать они стали вслух мечтать о том, чего бы им хотелось съесть. Каждый описывал свое любимое блюдо, и вот настал черед говорить Рую.

«Я съел бы яблоко», — сказал он. В то время в Мозамбике была карточная система, и в магазине фрукты купить было невозможно.

Но в это мгновение раздался шум, и в комнату вкатилось блестящее, красивое, сочное яблоко, остановившись прямо перед Руем!

Позже выяснилось, что одна из девушек, живших в том доме, как раз вернулась с черного рынка и, поднимаясь по лестнице, споткнулась и упала. Сумка открылась, одно яблоко выпало из нее и покатилося в гостиную.

Вы скажете: совпадение? Может, и так, но мне это слово кажется слишком невыразительным для объяснения случившегося.

Встреча в лесу

Подыскивая место для стрельбы из лука, я взбирался по тропинке в гору и вдруг увидел небольшой походный лагерь французской армии. Солдаты осмотрели меня с ног до головы, а я сделал вид, что не заметил их (каждый из нас в той или иной степени страдает параноидальным страхом быть принятым за шпиона), и прошел мимо.

Нашел подходящее место, выполнил упражнения для подготовки дыхания и вдруг увидел, что ко мне приближается бронемашина.

Я заранее приготовился к защите, обдумав ответы на те вопросы, которые могли возникнуть ко мне: разрешение на ношение лука имеется, опасности для других не создаю, какие-либо претензии готов выслушать от служащих по охране леса, но не от военных и т. п. И вот из машины выскакивает полковник, спрашивает, не писатель ли я, и рассказывает много интересного об этом крае в Пиренейских горах.

Наконец, с трудом преодолевая робость, сообщает, что тоже написал книгу, и начинает излагать историю своего сочинительства.

Они с женой время от времени посылали по почте подарки больной проказой девочке, которая раньше

жила в Индии, но потом оказалась во Франции. Однажды им захотелось увидеть девочку, и они отправились в монастырский приют, где за больными детьми ухаживали монахини. Был чудесный день, и одна из сестер обители попросила его помочь провести урок катехизации. Жан-Поль Сето (так звали военного) ответил, что не имеет никакого опыта духовного воспитания, но готов помолиться Богу, чтобы Господь надомил его, как себя вести.

Той же ночью, после долгой молитвы, Бог внушил ему: «Вместо того чтобы учить, постарайся постичь смысл детских вопросов».

После этого у Сето возникла идея посетить несколько школ и попросить детей написать, что именно они хотели бы узнать о жизни. Он предложил задавать вопросы в письменной форме, чтобы самые робкие не стеснялись высказываться. Результаты проделанной работы он изложил в книге «Ребенок, желающий знать все» (издательство «Алтесс», Париж).

Вот некоторые вопросы из этой книги.

Куда мы отправляемся после смерти?

Почему мы боимся иностранцев?

Существуют ли марсиане и НЛО?

Почему несчастные случаи происходят с людьми, верующими в Бога?

Кто такой Бог?

Зачем рождаться, если в конце концов мы умрем?

Сколько звезд на небе?

*Кто придумал войну и счастье?
Вы прислушиваетесь к тем, кто не верует в Единого Бога, исповедуемого католиками?
Почему существуют на свете бедные и больные?
Зачем Бог создал комаров и мух?
Почему ангел-хранитель не находится рядом, когда нам бывает грустно?
Почему нам нравятся одни люди и не нравятся другие?
Кто придумал названия для каждого цвета?
Моя мама на небе, потому что она умерла, как же Бог может находиться там, если он живой?*

Как было бы здорово, если бы и другие учителя или родители, прочитав эту заметку, поступали так же. Тогда, вместо того чтобы навязывать детям свои взрослые представления о Вселенной, мы воскресили бы в собственной памяти некоторые из наших детских вопросов. Вопросы, на которые, по правде говоря, никто и никогда не смог дать ответов.

В одном немецком городе

— Посмотри, какой любопытный памятник, — говорит Роберт.

Октябрьское солнце приближается к закату. Мы стоим на площади в одном немецком городе.

— Не вижу никакого памятника, — отвечаю. — Одна пустая площадь.

— Памятник у тебя под ногами, — настаивает Роберт.

Смотрю под ноги: площадь выложена обыкновенными каменными плитами, без каких-либо украшений. Мне не хочется огорчать друга, но я совсем не вижу ничего особенного.

Роберт поясняет:

— Он называется Невидимым памятником. С нижней стороны каждой плиты выгравировано название города, где уничтожали евреев. Безмянные художники создавали эту площадь во время Второй мировой войны. Они укладывали плиты, по мере того как становились известными новые места массового истребления евреев. Пусть никто не видит надписей — свидетельство все равно остается, и когда-нибудь правда о прошлом будет открыта людям.

Встреча в Галерее Денцу

Однажды, когда я был в Токио, ко мне в гостиницу явились три прилично одетых господина.

— Вчера я слушал вашу лекцию в Галерее Денцу, — сказал один из них. — Я зашел туда случайно, как раз когда вы говорили, что случайных встреч не бывает. Может быть, нам тогда и следовало познакомиться.

Я не спросил, откуда они узнали название гостиницы, где я остановился; тот, кто способен преодолевать трудности, достоин всяческого уважения. Один из троих передал мне несколько книг по японской каллиграфии. Моя переводчица не смогла сдержать своего восторга: этот господин, Казухито Аида, оказался сыном знаменитого японского поэта, о котором я никогда не слышал.

В самом деле, может показаться чудом синхронность встреч, позволивших мне узнать и прочесть несколько произведений Мицую Аиды (1924—1991), каллиграфа и поэта, и сейчас представить читателям его тексты, напоминающие нам о значении невинности.

* * *

Сухая трава продолжает обращать
на себя внимание прохожих,
потому что она прожила трудную жизнь.

Цветы только цветут,
и получается это у них безупречно.
Белая лилия, которую никто не видит в долине,
не должна никому ничего объяснять,
живя ради одной красоты.
Но люди не могут жить ради чего-то «одного».

* * *

Если бы помидоры захотели стать дынями,
они превратились бы во всеобщее посмешище.
Поражаюсь,
почему столько людей стремится
быть не собой?
Что им за удовольствие выставлять
себя на посмешище?

* * *

Тебе не стоит притворяться сильным,
и не надо постоянно доказывать,
что все у тебя хорошо,
и не следует переживать о том,
что другие думают о тебе,
плачь, когда хочется,
старайся выплакаться до последней слезы
(а иначе как ты вернешь себе улыбку?).

* * *

Иногда я вижу по телевизору репортажи о церемониях открытия туннелей и мостов. И всегда наблюдаю одно и то же: знаменитости и местные политики выстраива-

ются в ряд, а посередине стоит министр или губернатор. На этом репортаж заканчивается, а потом, когда руководители стройки приходят по утрам в свои кабинеты, их ждут письма с выражением признательности и восхищения.

Те, кто в поте лица трудился с киркой и лопатой, летом изнемогая от зноя, а зимой страдая от ночной сырости, никогда не появляются на экране. Вся слава достается тем, кто не уронил и капли пота со своего чела.

Я хотел бы навсегда сохранить способность видеть лица, остающиеся за кадром, — лица тех, кто не ищет известности или славы, кто неприметно делает работу, которую определила им судьба.

Я боюсь утратить эту способность, потому что самые важные строители здания нашего бытия — те, кто создает и нас самих, никогда не показывают своих лиц.

Размышления об 11 сентября 2001 года

Только сейчас, когда прошло несколько лет, я решился написать о событиях того дня. Я воздерживался от публикации по горячим следам, чтобы каждый самостоятельно мог поразмыслить об их причинах.

Всегда трудно допустить мысль, что трагедия может иметь в какой степени и положительные последствия. Когда видишь, оцепенев от ужаса, кадры, напоминающие фантастический фильм, — рушащиеся небоскребы, погребаящие под собой тысячи человеческих жизней, невольно возникают два различных чувства: во-первых, чувство бессилия и ужаса перед происходящим, а во-вторых, предчувствие, что мир больше не сможет оставаться прежним.

Да, мир никогда больше не будет прежним, это так. Но по прошествии нескольких лет, проведенных в размышлениях о случившемся, неужели у кого-то осталось ощущение, будто все те люди погибли напрасно? Или кроме смерти, пыли и искореженного металла, под руинами Всемирного центра торговли осталось еще что-то?

Я считаю, что рано или поздно каждый человек сталкивается в своей жизни с трагедией. Гибнет его город,

умирает ребенок, человека без вины заточают в тюрьму, его внезапно поражает болезнь, обрекающая на инвалидность. Жизнь — это постоянный риск, и тот, кто забывает об этом, не готов ответить на вызовы судьбы. Перед угрозой неминуемой беды, возникающей на нашем пути, мы должны увидеть смысл в происходящем, преодолеть страх и начать думать о продолжении жизни.

Первое, что нам необходимо сделать, если мы столкнулись со страданием и пребываем в смятении, — принять все как должное. Нельзя относиться к бедам безучастно, но не следует и, удовлетворяя наше вечное чувство вины, считать их наказанием. Под руинами Всемирного центра торговли оказались погребенными такие же люди, как и мы, уверенные в себе и несчастливые, успешные или делающие карьеру, имеющие семью и свой дом, где их ждали после работы, или отчаявшиеся от одиночества в мегаполисе. Это были американцы, англичане, немцы, бразильцы, японцы — люди со всех концов земли, объединенные общей — и таинственной — судьбой: оказаться около девяти часов утра в одном месте, которое кто-то считал красивым, а кто-то мрачным, действующим угнетающе. Когда обе башни обрушились, погибли не только эти люди: мы все немного умерли. Весь мир стал меньше.

Когда нас постигает утрата — материальная, духовная или психологическая, — нужно вспомнить великий урок, преподанный мудрецом: сохраняй терпение и не за-

бывай, что в этом мире все преходяще. Эта мудрость заставляет пересмотреть наши прежние ценности. Если за многие столетия мир так и не стал безопасным, почему бы нам не воспользоваться этим внезапным событием, чтобы начать новую жизнь, полную риска, делая в ней то, что нам всегда нравилось делать, но на что не хватало смелости? Сколько же людей находились в то утро, 11 сентября, во Всемирном торговом центре, помимо своей воли вовлеченных в погоню за карьерным успехом, заставлявших себя выполнять нелюбимую работу только из тех соображений, что она дает им уверенность в завтрашнем дне и определенное количество денег, достаточное для обеспечения старости!

Это была великая перемена в жизни всего мира, и те, кто остался под обломками двух зданий, побуждают нас пересмотреть наши собственные ценности. Когда небоскребы рухнули, унося в небытие многие мечты и надежды, они также открыли для нас просвет на горизонте и заставили задуматься о смысле нашей жизни. Новое сознание изменит наше поведение.

Расскажу старую историю о том, как после бомбардировок Дрездена некий человек пробирался через завалы и увидел троих рабочих, занятых одним делом.

— Чем вы занимаетесь? — спросил он.

Первый рабочий повернулся к нему и сказал:

— Разве ты не видишь? Я разбираю обломки.

— Разве ты не видишь? Я зарабатываю деньги, — ответил второй.

— Разве ты не видишь? — произнес третий рабочий. — Я восстанавливаю собор!

Хотя все трое выполняли одну и ту же работу, только один из них по-настоящему понимал ее смысл. И пусть в мире после 11 сентября 2001 года каждый из нас сумеет подняться над своими эмоциональными руинами и начнет строить собор, о котором мы всегда мечтали, но к возведению которого не имели мужества приступить.

Доказательство существования Бога

Эту легенду я услышал от Изабелиты.

Один старый неграмотный араб каждый вечер молился с таким усердием, что разбудил любопытство богатого хозяина каравана. Он позвал старика и спросил:

— Почему ты молишься с таким рвением? Откуда ты знаешь, что Бог существует, если ты даже не умеешь читать?

— Нет, господин, я умею читать. Я читаю все, что написано Великим Небесным Отцом.

— Каким образом?

Смиранный слуга пояснил:

— Когда вы получаете письмо от человека, которого не видите, как вы узнаете, кто его написал?

— По почерку.

— Когда к вам попадает драгоценность, как вы узнаете, кто ее изготовил?

— По клейму мастера.

— Когда слышите из палатки шаги животного, как вы потом узнаете, кто это был: баран, лошадь или вол?

— По следам, — ответил хозяин, удивленный вопросами.

Старик предложил ему выйти наружу и указал на небо:

— Господин, то, что написано там, наверху, и тут, внизу, не может быть делом рук человеческих.

ОДИНОКИЙ В ПУТИ

Жизнь подобна длительной велогонке, на финише которой — Личная легенда, то, что, по мнению древних алхимиков, является нашим подлинным призванием на этой земле.

После старта мы держимся все вместе, связанные узлами товарищества и общим энтузиазмом. Но по мере того как гонка набирает скорость, первоначальная радость уступает место тяжелым переживаниям, усталости, монотонности, неуверенности в своих силах. Мы замечаем, что некоторые из наших товарищей больше не прислушиваются к своему сердцу: они продолжают нажимать на педали, но только потому, что не могут остановиться посреди пути. Их число все растет, и все они сбиваются поближе к машине поддержки — которая иначе называется Рутинной, — где они переговариваются между собой, делают должное, но забывают о красотах и трудностях трассы.

Мы отрываемся от них, и теперь нам предстоит бороться с одиночеством, предугадывать крутые повороты, опасаться неполадок с велосипедом. В определенный момент, после очередного падения, не надеясь получить от кого-нибудь помощь, мы начинаем задаваться вопросом, стоит ли наша цель таких жертв.

Да, стоит; только не надо отступать. Падре Алан Джонс говорит, что наша душа способна преодолевать такие препятствия, если ей помогают Четыре Невидимые Силы: любовь, смерть, власть и время.

Нужно любить, потому что нас любит Бог.

Нужно помнить о смерти, чтобы лучше понять жизнь.

Нужно стремиться вверх, но не предаваться иллюзиям насчет власти, приобретаемой по мере восхождения: мы-то знаем о ее никчемности.

Наконец, нужно признать, что наша душа — даже будучи вечной — не может в этой жизни вырваться из паутины времени, то открывающего новые возможности, то ограничивающего их. Поэтому во время нашей гонки в одиночку мы вынуждены действовать с оглядкой на время, стараться ценить каждую секунду, отдыхать, когда нужно, но всегда продолжать движение по направлению к Божественному Свету, не позволяя унынию выбить нас из колеи.

Не стоит думать, будто мы в состоянии контролировать эти Четыре Силы: это никому не удавалось. Нам необходимо только признать их власть над собой и позволить им научить нас тому, что мы обязаны знать.

Наша Вселенная по размерам одновременно и гигантская — настолько, чтобы вместить всех нас, — и довольно маленькая, чтобы поместиться в сердце каждого из нас. Душа человека вбирает душу мира, безмолвие мудрости. Пока мы крутим педали и рулим к цели, важ-

но не забывать о прекрасном, открывающемся перед нами каждый день. Солнце сияло, а теперь пошел дождь, но это значит лишь то, что темные тучи скоро рассеются. И вот туч больше нет, а солнце на небе все то же, и никогда оно не перестанет светить — помни об этом, когда тебе одиноко.

В конце концов, если будет совсем неумоги, вспомни, что все люди, независимо от их цвета кожи, национальности, социального положения, вероисповедания или культуры, проходят через подобное. Очень хорошо говорится об этом в молитве суфийского учителя Дуль-Нуна (египтянина, умершего в 861 году):

«Боже, когда я слышу голоса зверей, шум деревьев, журчание воды, щебет птиц, свист ветра или раскаты грома, я прозреваю в них свидетельство Твоего всеединства; я верую, что Ты — Высшая Власть, Всеведение, Высшая Мудрость, Высшая Справедливость.

Боже, каждый миг моей жизни отмечен Твоим присутствием. Да будет всегда Твое блаженство моим блаженством. Да буду я Тебе отрадой, как бывает отрадой отцу его сын. И дай мне вспоминать о Тебе с миром и беззаветностью, даже если мне трудно признаться, что я люблю Тебя».

О курьезном в человеке

Один господин спросил моего приятеля Джайме Коэна:

— Что, по-твоему, самое курьезное в человеческом существе?

Коэн ответил:

— Человек все делает наоборот. Спешит стать взрослым, а потом вздыхает о прошедшем детстве. Тратит здоровье ради денег и тут же тратит деньги на то, чтобы поправить здоровье.

Думает о будущем с таким нетерпением, что пренебрегает настоящим, из-за чего не имеет ни настоящего, ни будущего.

Живет так, словно никогда не умрет, и умирает так, словно никогда не жил.

Возвращение с того света

Мне всегда было интересно, что происходит, когда мы оставляем частичку себя в разных местах Земли. Я стриг волосы в Токио, ногти — в Норвегии, видел, как моя кровь вытекает из раны на вершине одной из гор во Франции. В своей первой книге, «Архивы преисподней», я уже касался этой темы, рассуждая, что было бы неплохо посеять немного себя по всему миру, чтобы в будущей жизни не ощущать себя там чужими. Недавно я прочитал во французской газете «Фигаро» статью Ги Барре о подлинном случае, имевшем место в июне 2001 года, который полностью подтвердил эту мою идею.

Речь идет об американке Вере Андерсон, прожившей всю свою жизнь в городе Медфорд, штат Орегон. Уже в преклонном возрасте с ней случился сосудистый криз, осложненный эмфиземой легкого, который обрек ее на многолетнее заточение в своей комнате, где она была постоянно подсоединена через трубку к баллону с кислородом. Сама по себе такая болезнь — сплошное мучение, но для Веры ее положение оказалось мучительным вдвойне, так как всю жизнь она мечтала попутешествовать по свету и сэкономила на всем, чтобы скопить кое-какую сумму к выходу на пенсию.

Сын Веры, Росс, перевез ее к себе в Колорадо, чтобы она доживала с ним остаток своих дней. И там, перед тем как совершить последнее путешествие, из которого никто никогда не возвращается, она оставила завещание: раз уж ей не удалось узнать мир или хотя бы свою страну при жизни, то пусть эта мечта осуществится после смерти.

Росс отправился к местному нотариусу и заверил завещание матери. «После смерти я желаю быть кремированной, — говорилось в нем. Ничего особенного, такое часто пишут в завещаниях, но дальше... — пепел должен быть ссыпан в двести сорок один пакет и отправлен руководителям почтовых служб каждого из пятидесяти американских штатов и каждой из ста девяносто одной страны мира». Таким образом, хотя бы частицами своего бывшего тела она рассчитывала посетить все места, о которых мечтала.

Как только Вера умерла, Росс исполнил ее последнюю волю и сделал это с почтением, подобающим сыну. С каждой посылкой он отправлял небольшое письмо, в котором просил достойно захоронить прах матери.

Все получатели посылок с прахом Веры Андерсон отнеслись к просьбе Росса с пониманием. Разных людей со всех континентов связала невидимая нить солидарности: они организовали принятые в их странах церемонии и обряды как раз в тех местах, которые покойная желала посетить.

В результате прах Веры был рассыпан над озером Титикака в Боливии в согласии с традициями индейцев

племени Аймара; над рекой перед королевским дворцом в Стокгольме; на побережье Хоо в Таиланде; в синтоистском храме Японии; на ледовых склонах Антарктиды; в пустыне Сахаре. Сестры милосердия из сиротского приюта в одной из латиноамериканских стран (статья не сообщает, в какой именно) молились за нее целую неделю, прежде чем рассыпать прах в саду, а затем уверовали, что Вера Андерсон стала для этого места кем-то вроде ангела-хранителя.

Росс Андерсон получил со всех пяти континентов, от представителей всех рас, национальностей и культур, фотоснимки, на которых запечатлены мужчины и женщины, почтившие память его матери и исполнившие ее последнюю волю. В таком разделенном — каким он видится нам — мире, где, как нам кажется, никто не заботится друг о друге, последнее путешествие Веры Андерсон способно вселить надежду. Оно свидетельствует о том, что в душе наших ближних — какими бы далекими они ни были по расстоянию — еще существуют уважение, любовь и благородство.

Есть желающие получить эту банкноту?

Кассан Саид Амер рассказал об одном лекторе, который в начале выступления достал двадцатидолларовую купюру и спросил:

— Есть желающие получить эту банкноту?

Несколько рук поднялось, но лектор уточнил:

— Прежде чем дать ее вам, я должен кое-что с ней сделать.

И стал усердно комкать и мять ее в руке, после чего снова спросил:

— Кто все еще желает получить эту банкноту?

Опять поднялись руки.

— А если я еще и так сделаю?

Он швырнул ее о стену и, после того как она упала на пол, пнул ее, наступил и снова поднял над головой. Теперь она была вся испачкана и измята. Он повторил вопрос, но руки по-прежнему поднимались.

— Это очень поучительный пример, — прокомментировал лектор. — Что бы я ни делал с этой бумажкой, она останется двадцатидолларовой банкнотой. Так и мы — сколько бы нас в жизни ни комкали, топтали, пинали, оскорбляли, несмотря ни на что, мы остаемся в той же цене.

Две драгоценности

Рассказывает падре Маркое Гарсиа из католического монастыря в Бургосе, в Испании.

«Иногда Господь лишает нас благодати, чтобы мы могли познать Его не только в милости и доброте. Он знает, до какого предела можно испытывать душу каждого человека, и никогда не заходит слишком далеко.

В такой момент никто да не скажет: «Бог оставил меня». Бог никогда никого не оставляет. Это только мы способны оставить Его. Если Господь посылает нам испытание, Он же дает и милости — я бы сказал, более чем достаточные! — для того чтобы справиться с трудностями».

Об этом рассказ «Две драгоценности», который я получил от моей читательницы Камилы Гальван Пивы.

Один очень набожный раввин жил в счастье и достатке со своей замечательной женой и двумя горячо любимыми детьми. Однажды ему пришлось на несколько дней отлучиться из дому по делам. И как раз в это время произошел несчастный случай: машина сбила насмерть обоих его сыновей.

Мать молчаливо переносила горе в одиночестве. Будучи женщиной сильной, крепкой в вере и уповая на

волю Божью, она встретила обрушившийся на нее удар стойко и с достоинством. Но как сообщить печальное известие супругу? Он тоже был человеком сильным, но у него было больное сердце, и жена боялась, что оно не выдержит.

Оставалось только молиться в надежде, что Господь укажет, как ей поступить. Особенно усердно она молилась накануне приезда мужа — и Бог надоумил ее.

На следующий день раввин вернулся домой, крепко обнял жену и спросил о детях. Жена сказала, чтобы он пока ни о чем не думал, а принял ванну и отдохнул.

Через какое-то время они сели за обеденный стол. Она спросила у него о поездке, и он подробно рассказал ей обо всем, что случилось с ним, восславив милость Господа. Но, закончив рассказ, он снова стал интересоваться детьми.

Лишь слегка запнувшись, жена ответила:

— Не будем пока говорить о детях. Я хочу, чтобы ты сначала помог мне решить одно затруднение, которое мне не дает покоя.

Муж заволновался:

— Что случилось? Я сразу заметил, что ты чем-то подавлена! Расскажи, что мучает тебя, и, уверен, с Божьей помощью мы найдем выход.

— Пока тебя не было, один из наших друзей заходил ко мне и оставил на хранение два бесценных украшения. Очень дорогие изделия! Я никогда не видела ничего подобного! Он должен прийти за ними, но мне не хочется

отдавать их: я к ним так привязалась! Что ты мне посоветуешь?

— Ну и дела! Я отказываюсь верить своим ушам! Ты никогда не была корыстолюбивой!

— Но я никогда раньше не видела таких прекрасных украшений! Я не могу смириться с мыслью, что мне придется расстаться с ними!

Раввин ответил ей, не задумываясь:

— Нельзя потерять то, что тебе не принадлежит. Удерживать драгоценности — то же самое, что украсть их. Так что давай-ка вернем их хозяину, а я постараюсь как-нибудь восполнить тебе их отсутствие. Причем мы сделаем это не откладывая, сегодня же вечером.

— Хорошо, мой дорогой, пусть будет по-твоему. Я верну драгоценности. Хотя, по правде, они уже возвращены. Эти две драгоценности — наши дети. Господь вверил их нашему попечению, а когда ты был в отъезде, Он прибыл за ними, и они ушли с Ним...

Раввин сразу все понял. Он обнял жену, и они долго плакали. После этого они искали утешения в горе вдвоем.

Самообман

Такова уж человеческая натура — мы всегда склонны строго судить других, а себе искать оправданий за причиненное зло или сваливать собственные грехи на ближнего. Об этом — следующая история.

Одного курьера отправили со срочным поручением в далекий город. Он оседлал лошадь и пустился галопом. Лошадь, промчавшись без остановки несколько постоялых дворов, где ей обычно задавали корму, подумала: «Раз меня больше не кормят в дороге, значит, со мной стали обращаться не как с лошастью, а как с человеком. По-видимому, меня накормят в городе, как принято у людей».

Но один за другим остались позади несколько городов, а всадник все прищипывал лошадь. Та задумалась: «Если со мной обращаются не как с человеком, то, может быть, я превратилась в ангела? Ведь ангелы вовсе не едят».

Наконец они достигли конечной цели пути, и лошадь отвели в стойло, где она с жадностью стала поглощать брошенное ей сено.

«Глупо считать, будто что-то изменилось только потому, что ты не следуешь принятому порядку, — молвила она про себя. — Я не человек и не ангел. Я просто голодная лошадь».

Искусство повторения

Пабло Пикассо сказал однажды: «Бог — прежде всего художник. Он придумал жирафу, слона, муравья. И, надо сказать, Он никогда не старался следовать одному стилю — просто делал все то, к чему был расположен».

Страсть к путешествиям зовет нас в дорогу, а между тем, вступая на путь, ведущий к мечте, мы цепенеем от страха, боясь совершить малейшую оплошность. Но если у каждого из нас своя жизнь, кто, собственно, может определить, что такое «оплошность»? Если Бог создал жирафу, слона и муравья, а мы стараемся жить по Его образу и подобию, к чему нам придумывать какие-то общие правила? Правила иногда нужны, чтобы избежать повторения глупых ошибок, совершенных другими людьми, но чаще следование правилам сродни добровольному заточению в тюрьму, где нас заставляют все время делать то же, что и все.

Быть правильным — это всегда носить галстук, гармонирующий с носками, а завтра обязательно иметь те же взгляды, что и сегодня. А то, что сам мир меняется, в расчет почему-то не берется.

Если это никому не во вред, меняй свои взгляды время от времени и не стесняйся их противоречий. У тебя

есть такое право, и стоит ли переживать о том, что о тебе могут подумать другие, если они о тебе все равно что-нибудь подумают?

Когда мы решаемся на поступок, могут возникнуть некоторые затруднения. Совет из кулинарной книги: «Чтобы приготовить омлет, надо сначала разбить яйцо». Само собой, могут возникнуть неожиданные конфликты. И само собой, что из этих конфликтов мы порой выходим израненными. Раны потом заживают, оставляя всего лишь шрамы.

Шрамы — знаки милости Божьей. Они остаются до конца наших дней и очень нам помогают. Если в какой-то момент — из эгоизма или по каким-то другим соображениям — захочется вернуться в прошлое, достаточно только взглянуть на них.

Шрамы напомнят о руках, некогда сдавленных наручниками, обо всех ужасах заточения — и мы продолжим свой путь вперед.

Поэтому расслабься. Позволь Вселенной вращаться вокруг тебя и открой радость непредсказуемости для самого себя. «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых», — говорит святой апостол Павел.

Воин Света знает, что в жизни бывают повторы. Часто он сталкивается с теми же трудностями и попадает в положение, в которых уже оказывался прежде.

Это повергает его в уныние. Он начинает думать, что не способен достичь чего-либо, раз в его жизни все одно и то же.

«Сколько можно!» — жалуется он своему сердцу.

«Да, ты уже одолевал это, — отвечает сердце. —

Но не одолел».

И Воин постепенно начинает осознавать, что повторный опыт не лишен смысла: он возводит его к знанию, которое не дается сразу. Он находит новые решения для повторных схваток — и считает свои неудачи не ошибками, а шагами навстречу самому себе.

Ловушки для ищущих

Начиная уделять больше внимания духовным вопросам, некоторые люди становятся нетерпимыми к духовным поискам других. Я каждый день получаю журналы, электронные послания, письма, памфлеты, в которых авторы стараются убедить других, что их путь более правильный и что только он ведет к «просветлению». Учитывая растущий объем такой корреспонденции, я решил высказаться по поводу тех опасностей, которые подстерегают ищущих.

Миф первый: разум лечит всякие раны. Это неправда, и я хочу в качестве иллюстрации рассказать такую историю. Несколько лет назад одна моя увлеченная духовными поисками приятельница занедужила и всю ночь напролет, призывая на помощь известные ей техники, пыталась мысленно повлиять на свое тело в надежде излечиться силой мысли. На следующий день встревоженные дети стали упрашивать ее обратиться к врачу, но она отказывалась, объясняя, что в ней происходит «очищение» духа. Только когда ей стало совсем плохо, она разрешила отвезти себя в больницу, где ей тут же сделали операцию, поставив диагноз «острый аппендицит». Поэтому будьте осторожны: иногда лучше попро-

сить Бога, чтобы он передал вас в руки медиков, чем заниматься самолечением.

Миф второй: красное мясо отводит Божественный свет. Ясно, что принадлежность к определенной религии налагает на вас некоторые ограничения: к примеру, иудеи и мусульмане не едят свинины, и этот запрет предписан их верой. В то же время в мире полно сумасбродов, которые «духовно очищаются» при помощи пищи: радикальные вегетарианцы смотрят на тех, кто употребляет мясо так, словно они виновны в убийстве животных. Но разве растения не относятся к живой природе? Природа — это постоянная смена жизни и смерти, и мы тоже однажды станем пищей для земли. Поэтому, если вы не исповедуете религии, запрещающей употреблять тот или иной продукт, ешьте все, чего требует ваш организм.

Расскажу историю о русском маге Гудьеве. В юности, чтобы произвести впечатление на своего учителя, он стал питаться одними овощами. Однажды учитель поинтересовался, почему он придерживается столь строгой диеты. Гудьев ответил: «Чтобы тело оставалось чистым». Учитель рассмеялся и посоветовал ему отказаться от такого самоограничения, чтобы не превратиться в подобие «тепличного растения»: с виду — красивое, «чистое», но, вынеси его на улицу, сразу зачахнет. Как говорил Иисус: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека».

Миф третий: Бог — это самопожертвование. Многие ищут способы жертвовать собой, утверждая, что в этот мир мы приходим для страданий и, страдая, приобретаем блаженство в будущей жизни. Непонятно: если этот мир освящен Богом, почему бы не получить как можно больше радости в этой жизни? Мы привыкли к образу Христа распятого, но забываем, что страсти Господни длились всего три дня: все остальное время он странствовал, встречаясь с людьми, получая удовольствие от еды и напитков, донося до каждого свое Слово о терпимости. Он настолько принадлежал этой жизни, что его первое чудо можно даже назвать «политически некорректным»: когда на свадьбе в Кане Галилейской кончилось вино, Бог превратил в вино воду. По-моему, Господь сделал это, чтобы показать всем нам, что нет ничего плохого в том, чтобы чувствовать себя счастливым, радоваться, веселиться во время праздника — потому что Богу более угодно, чтобы мы были ближе друг к другу. Маомае говорит: «Если мы несчастливы, то передаем несчастье своим друзьям». Будда после долгого самосовершенствования и самоотречения так истощил себя, что едва не утонул. Когда пастух спас его, он понял, что самоизоляция и самопожертвование отдаляют его от чужда жизни.

Миф четвертый: существует только один путь к Богу. Это самый опасный из всех мифов. Он порождает теории «великой тайны» и религиозные войны, ведет

к осуждению ближнего. Мы вправе выбирать религию (сам я, к примеру, католик), но должны понимать, что и наш брат, выбравший другую религию, в конце концов придет к тому же свету, которого мы достигаем при помощи своих духовных практик. Стоит лишний раз напомнить, что никоим образом нельзя перекладывать на падре, имама или раввина ответственность за наши собственные решения. Каждый из нас строит собственную дорогу к Раю из своих поступков.

Мой тесть Кристиано Ойтисика

Перед смертью мой тесть созвал всех своих близких и сказал:

— Я знаю, что смерть — это всего лишь переход из одного состояния в другое, и я не хочу, чтобы это мое перемещение кого-то печалило. Я дам вам оттуда знак, чтобы вы не печалились, а больше заботились о тех, кто остается с вами в этой жизни.

Он завещал кремировать его, а прах развеять на берегу океана под музыку, которую он любил при жизни.

Умер он через два дня. Один из его друзей кремировал его тело в Сан-Пауло, а когда он привез прах в Рио, мы все отправились на пляж Арпоадор, взяв с собой магнитофон с записями и сверток с небольшой урной. Однако, прибыв на место, мы обнаружили, что крышка урны крепится на шурупах и отвинтить их нечем.

Рядом не было ни одного человека, кроме нищего. Он подошел и спросил, не может ли помочь нам.

Мой шурин ответил:

— Нам нужна отвертка. Мы не можем достать из урны прах моего отца.

— Наверное, ваш отец был очень добрым человеком, потому что я только что нашел здесь вот это, — произнес нищий и протянул нам отвертку.

Спасибо вам, президент Буш

(Этот текст был опубликован одним английским электронным изданием 8 марта 2003 года, то есть две недели спустя после вторжения в Ирак; его перепечатали многие другие издания, в результате общий тираж статьи — около пятисот миллионов экземпляров — стал самым большим за тот месяц тиражом публикаций о войне.)

Спасибо вам, великий лидер Джордж Буш.

Спасибо за то, что раскрыли миру угрозу, исходящую от Саддама Хуссейна. А то ведь многие из нас начали забывать, как он применял химическое оружие против собственного народа, против курдов, против иранцев. Хуссейн — кровавый диктатор и, безусловно, олицетворение зла в сегодняшнем мире.

Но не только за это я вам благодарен. За два первых месяца 2003 года вы умудрились показать миру еще много важного — и за это вам спасибо.

Как в одном стихке, который я учил давным-давно, я хочу сказать вам: благодарствую.

Спасибо за то, что благодаря вам мы узнали, что турецкий народ и его парламент не продаются даже за двадцать шесть миллиардов долларов.

Спасибо, что открыли миру гигантскую пропасть, существующую между решениями политиков и чаяниями народов. Теперь ясно, что ни Хосе Мария Азнар, ни Тони Блэр не придают ни малейшего значения тем людям, которые за них голосовали, и не питают к ним ни малейшего уважения. Азнар способен проигнорировать антивоенные настроения девятидесяти процентов испанцев, а Блэр — не заметить самой массовой за последние тридцать лет манифестации в Англии.

Спасибо за то, что ваша настойчивость вынудила Тони Блэра обнародовать в британском парламенте досье, написанное неким студентом десять лет назад, в качестве «неопровержимых доказательств, собранных секретными службами страны».

Спасибо за то, что отправили Коллина Пауэла в Совет Безопасности ООН с доказательствами и фотографиями, которые спустя неделю были публично опровергнуты Гансом Бликсом, инспектором ООН по вопросам разоружения Ирака.

Спасибо за то, что ваша позиция заставила министра иностранных дел Франции г-на Доминика де Вильпена выступить в ООН с антивоенным заявлением и удостоиться за это аплодисментов — чести, за всю историю этой организации оказанной только одному человеку — Нельсону Манделе.

Спасибо за то, что своими агрессивными действиями вы впервые объединили арабские народы: всегда разоб-

щенные, они единодушно осудили вторжение во время встречи в Каире в конце февраля.

Спасибо за то, что своей риторикой относительно того, что «у ООН есть только один шанс доказать свое значение», насторожили даже самые неуступчивые страны, побудив их проголосовать против войны в Ираке.

Спасибо за то, что проводимая вами внешняя политика вызвала на откровенность министра иностранных дел Великобритании Джека Стро, заявившего (в двадцать первом-то веке!), что «война может иметь моральные оправдания», и утратившего после этого всякое доверие людей к нему.

Спасибо за то, что попытались вызвать раскол в Европе, борющейся за свое единство, — это будет для нее хорошим уроком на будущее.

Спасибо за то, что объединили миллионы людей на разных континентах одной идеей (хотя она и прямо противоположна вашей!). Такое мало кому удавалось в последнее время.

Спасибо за то, что снова дали нам почувствовать, как важно для будущего сплочения не молчать, даже если сейчас нас не слышат.

Спасибо, что проигнорировали нас, что отвергли тех, кто выступил против вашей политики, ведь будущее принадлежит отверженным.

Спасибо за то, что благодаря вам мы узнали о своей способности сплотиться в нужный момент. И пусть

сегодня мы ничего не добились — нет никакого сомнения, что мы придем к сплоченности.

Сейчас, когда кажется, что уже не заглушить грома барабанов войны, я не могу не напомнить слова, много веков назад сказанные одним европейским монархом агрессору: «Пусть это утро будет для тебя прекрасно, пусть солнце сияет на доспехах твоих солдат — ибо до захода солнца я их сокрушу».

Спасибо за то, что помогли нам, безымянной армии, вышедшей на улицы в порыве желания остановить войну, ощутить собственное бессилие, научиться справляться с ним и преодолевать его.

Поэтому продолжайте в том же духе, чтобы приумножилась ваша слава.

Спасибо за то, что не услышали нас и не стали считаться с нами. Но знайте, что мы-то вас услышали и никогда не забудем этого.

Спасибо, великий лидер Джордж Буш.

Большое спасибо.

Благоразумный рабочий

Это случилось много лет назад на одной военно-воздушной базе в Африке. Писатель Сент-Экзюпери предложил своим друзьям устроить складчину в пользу одного марокканского рабочего, отбывавшего домой после окончания работы на базе. Удалось собрать тысячу франков.

Пилот, с которым рабочий летел в Касабланку, потом рассказывал:

— Как только мы сели в аэропорту, он отправился в лучший ресторан города. Поужинав, щедро одарил официантов чаевыми, всех угостил спиртным, купил игрушек для детей всей деревни. Он понятия не имеет, что надо экономить деньги.

— Наоборот, — ответил Сент-Экзюпери. — Он знает, что лучше всего вкладывать их в людей. Потратив деньги таким образом, он завоевал уважение своих земляков, а это поможет ему легко найти работу. А вообще-то только удачливый человек может быть таким щедрым.

Третье увлечение

За последние пятнадцать лет я пережил всего три всепоглощающих увлечения — таких, когда хватаешься читать все подряд о предмете страсти, все времярываешься поделиться с другими тем, что узнал, повсюду ищешь родственные души, ложишься и просыпаешься с одной и той же мыслью. Первым было увлечение компьютером. Он открыл для меня новую степень свободы, позволив навсегда расстаться с пишущей машинкой (я живу сейчас в небольшом французском городке и пишу этот текст с помощью удивительной штуковины, которая весит полтора килограмма, хранит в памяти все, что я сочинил за десять лет, и позволяет находить нужную мне информацию в течение пяти секунд). Потом я увлекся Интернетом — даже тогда в нем было сосредоточено информации больше, чем в самой большой библиотеке мира.

Третье увлечение не имеет ничего общего с техническим прогрессом. Это... лук со стрелой. Еще в юности я прочитал замечательную книгу Э. Херриджела «Рыцарское искусство дзен-буддиста» (издательство «Пенсаменто»), в которой автор изложил свой опыт духовного совершенствования с использованием этого спортивного оружия. Впечатления, отложившиеся тогда в моем под-

сознании, ожили, когда однажды в Пиренеях я познакомился с лучником. Мы разговорились, и кончилось тем, что он дал мне попользоваться своим оружием. С тех пор я не провожу ни дня, не поупражнявшись в стрельбе из лука.

В Бразилии стенд для стрельбы я установил прямо в своей квартире (его устройство настолько простое, что, когда ко мне приходят гости, я разбираю его за пять минут). Во Франции я каждый день хожу тренироваться в горы, что не всегда безопасно для здоровья. Однажды, проведя два часа при температуре воздуха минус шесть градусов, я простудился и слег в постель. А в этом году растянул руку, получил воспаление мышц и только благодаря сильнейшим анальгетикам смог принять участие во Всемирном экономическом форуме в Давосе.

Что увлекательного в этом занятии? Какая практическая польза от стрельбы из лука — древнего оружия, использовавшегося за тридцать тысяч лет до Рождества Христова? На эти вопросы хорошо ответил Херриджел, пробудивший во мне интерес к стрельбе из лука. Приведу несколько отрывков из книги «Рыцарское искусство дзен-буддиста» (советы Херриджела применимы и ко многим другим случаям в нашей жизни).

«В момент, когда надо напрячься, сосредотачивай силу только в тех точках, где она необходима. Экономь энергию, усвой (при помощи лука), что добиться нужного результата можно без чрезмерных усилий, благодаря точной фокусировке цели...

Мой учитель дал мне очень жесткий лук. Я спросил, почему он с самого начала предлагает мне оружие, которое больше подходит опытному лучнику. Учитель ответил: тот, кто начинает с простого, не научится преодолевать настоящие трудности. Лучше сразу узнать, что тебя ждет...

Долгое время я не мог научиться правильно отпускать лук при стрельбе, пока однажды учитель не показал мне упражнение на дыхание, благодаря которому все сразу стало получаться. Я спросил, почему он раньше этого не сделал, и его ответ был таков: «Если бы я показал тебе дыхательные упражнения в самом начале, ты счел бы их бесполезными. А теперь ты будешь верить всему, что я тебе говорю, и во время тренировок станешь относиться ко всему серьезно. Опытный наставник всегда так поступает...»

Сам спуск стрелы происходит машинально, но до этого ты должен почувствовать лук, стрелу и цель. Для успешного преодоления жизненных трудностей также требуется интуиция. Однако о технике мы можем не думать только после того, как овладеем ею в совершенстве...

После четырех лет учебы, когда я уже прилично владел луком, учитель похвалил меня. Мне была приятна его похвала, и я сказал: «Половина пути уже пройдена». «Нет, — ответил учитель. — Чтобы не попасть впросак, лучше думать, что ты преодолел половину лишь после того, как осталось пройти десятую его часть».

* * *

Внимание! Использование лука со стрелами представляет опасность для жизни. В некоторых странах (например, во Франции) лук считается оружием, владеть которым имеет право лишь тот, у кого есть специальное разрешение. При этом пользоваться луком со стрелами можно только в специально отведенных для этих целей местах.

Я сидел за одним столом с католическим священником и молодым мусульманином. Когда официант подошел с подносом, все взяли себе что-нибудь, кроме мусульманина, у которого как раз был пост, предписанный Кораном.

Когда обед закончился и все стали расходиться, один из приглашенных не преминул съязвить:

— До чего ж эти мусульмане фанатичны! Как хорошо, что у вас, католиков, нет с ними ничего общего!

— Еще сколько! — возразил ему падре. — Он пытается угодить Богу так же, как и я, только делаем мы это по-разному. — И добавил: — Жаль, что люди предпочитают видеть только то, что их разделяет. Если бы у них было больше любви, то в первую очередь замечали бы то, что их объединяет. И сразу избавились бы от половины всех неприятностей.

— Что вы можете сказать о принцессе Марте Луизе?

Норвежский журналист брал у меня интервью на берегу Женевского озера. Обычно я не отвечаю на вопросы, не имеющие отношения к моему творчеству, но в этом случае его любопытство было небеспочвенным: готовя платье к своему тридцатилетнему юбилею, принцесса распорядилась вышить на нем имена тех людей, которые сыграли важную роль в ее жизни, и в их числе оказалось мое имя. (Кстати, моей жене идея так понравилась, что она задумала сделать то же к своему пятидесятилетию, вышив где-то сбоку, что идея принадлежит норвежской принцессе.)

— Я считаю ее чутким, тонким и умным человеком, — ответил я. — Я имел возможность познакомиться с ней в Осло, когда меня представляли ее мужу, тоже писателю.

Я сделал небольшую паузу, а потом продолжил:

— Есть только одно, чего я не в силах понять: почему норвежская пресса накинулась на литературные труды ее мужа, после того как они поженились? Ведь до этого критики были благосклонны к его творчеству.

В этом вопросе было больше желания уколоть, чем получить ответ. Его-то я и сам знал: отношение измени-

лось, потому что люди завистливы. Зависть же — самое горькое из человеческих чувств.

Ответ журналиста был, однако, более замысловатым:

— Потому что он нарушил закон Янте.

Я, разумеется, никогда не слышал о таком законе, и журналист объяснил мне его суть. Впоследствии, путешествуя по Скандинавии, я обнаружил, что трудно найти скандинава, не знакомого с этим законом. Хотя он существует с тех пор, как появился человек, лишь в 1933 году его сформулировал писатель Аксель Саннемусе в романе «Беглец пересекает свои следы».

Приходится с грустью признать, что действие закона Янте не ограничивается пределами Скандинавии, а распространяется на все страны. Скажем, бразильцы считают: «такое возможно только у нас». А французы вздыхают: «к сожалению, в нашей стране такое бывает». Поскольку читатель уже наверняка начинает злиться: прочитав полрассказа, он так толком и не понял, о каком законе идет речь, — я попытаюсь вкратце резюмировать его своими словами:

«Ты — ноль, твои мысли никому не интересны, быть безымянной посредственностью — лучший для тебя выбор. Будь посредственностью — и ты избежишь серьезных проблем».

Закон Янте фокусируется на чувствах ревности и зависти, которые доставляют массу неприятностей таким людям, как Ари Бен, супруг принцессы Марты Луизы.

Это только одна из отрицательных сторон закона Янте, но есть еще нечто более опасное.

Этот закон открывает возможность для всяческих манипуляций людям, которым безразлично мнение других и которые, невзирая ни на что, творят задуманное ими зло. На наших глазах развязана бессмысленная война в Ираке, загубившая множество жизней. Мы знаем о существовании огромной пропасти между богатыми и бедными странами, о всеобщей социальной несправедливости, необузданном насилии, о людях, вынужденных отказаться от своей мечты из-за незаслуженных злых нападок. Гитлер, может быть, и не начал бы Второй мировой войны, если бы не убедился перед тем, что в силу действия закона Янте никто не решится обуздать его.

Быть посредственностью удобно, но только до тех пор, пока беда не постучится в твои двери. Когда же это случится, ты начинаешь разводить руками и спрашивать: «Почему все молчали, когда ясно же было, к чему идет дело?»

Ответ прост: все молчали по той же причине, что и ты.

Поэтому я считаю, что настал момент сформулировать — во избежание новых бед — антизакон Янте:

«Ты значишь больше, чем ты думаешь. Твой труд и твое присутствие на Земле — важны, даже если ты сам в это не веришь. Думая так, ты, конечно, можешь нажать себе массу неприятностей из-за отступления от закона Янте, но не теряй присутствия духа, живи без страха, и в конце концов ты победишь».

Старуха с Копакабаны

Она стояла на тротуаре авениды Атлантика со скрипкой в руке и написанной от руки табличкой: «Давайте петь вместе».

Когда она заиграла на скрипке, к ней подошел один пьяный, потом другая старуха и стали ей подпевать. Через какое-то время одна группка людей пела, а другая слушала их пение, аплодируя в конце каждого номера.

— Зачем ты это делаешь? — спросил я старуху в перерыве между песнями.

— Чтобы избавиться от одиночества, — сказала она. — Я, как и большинство стариков, очень одинока.

Если бы каждый из нас научился решать свои проблемы так, как эта старуха!

Раскрыть лепестки для любви

Бывают моменты, когда ты испытываешь огромное желание помочь тому, кого любишь, но бессилён сделать что-либо: то ли обстоятельства не дают тебе сблизиться с ним, то ли человек замкнулся в себе и отвергает твоё сочувствие и поддержку.

В таких случаях остается просто любить. Когда все кажется бессмысленным, мы все еще можем любить — не надеясь на взаимность, на перемену отношения к себе, не ожидая благодарности.

Если это получается, энергия любви преобразует все вокруг нас. Возникнув, она обязательно во что-то выливается. «Время не изменяет людей. Сила воли не изменяет людей. Изменяет людей любовь», — говорит Энри Дрюммонд.

Я читал в газете об одном ребенке из Бразилиа, которого так нещадно били родители, что у него развился паралич с потерей речи.

В больнице, куда поместили малыша, за ним ухаживала медсестра, каждый день говорившая ему: «Я тебя люблю». Хотя врачи уверяли, что ребенок не способен слышать и что все ее усилия напрасны, медсестра продолжала твердить: «Я тебя люблю, не забывай об этом».

Через три недели к ребенку вернулась способность двигаться. Через четыре недели он заговорил и стал улыбаться. Медсестра отказалась отвечать на вопросы журналистов и не разрешила газете напечатать свое имя, но сам случай зафиксирован, чтобы мы никогда не забывали: любовь лечит.

Любовь преображает, любовь излечивает, но, случается, она же ловит в силки и губит тех, кто решается отдаться ей целиком. До чего же сложное это чувство, которое, по сути, является единственным смыслом продолжения жизни, борьбы, совершенствования!

С моей стороны было бы безответственным пытаться дать ему определение: как все остальные люди, я могу только чувствовать любовь. Тысячи книг написано о любви, спектаклей и фильмов поставлено, стихов сочинено, скульптур высечено из дерева или изваяно из мрамора, но все, на что способен художник, лишь дать слабое представление о ней. Передать само чувство никому не по силам.

Но я знаю, что любовь проявляется в мелочах, в самых, казалось бы, малозначительных поступках, поэтому нужно всегда помнить о любви: и в действиях, и в бездействии.

Позвонить по телефону и произнести ласковое слово, на которое перед этим поспешил. Оставить свою дверь открытой для всех, кто нуждается в твоей помощи. Согласиться занять должность. Уволиться с должности. Принять решение, не откладывая на завтра. Попросить

прощения за проступок, не дающий тебе покоя. Защищать собственные права. Открыть кредит у цветочника, а не у ювелира. Увеличить громкость музыки, чтобы тот, кого любишь, слышал ее издали, и уменьшить слишком громкий звук, когда он близко. Уметь сказать «да» и «нет», потому что любовь имеет дело с самыми разными энергиями в человеке. Выбрать вид спорта, которым можно заниматься вдвоем. Не следовать никаким рецептам, в том числе и изложенным мною, ибо любовь требует творческого подхода.

А если все это невозможно, если остается только одиночество, вспомни историю, о которой однажды поведал мне мой читатель.

«Роза день и ночь мечтала подружиться с пчелами, но те никогда не садились на ее лепестки.

И все равно роза продолжала мечтать: во время долгих ночей ей грезилось небо, откуда пчелы одна за другой спешат с нежностью прильнуть к ней. Она не могла дожидаться утра, когда ее лепестки снова раскроются на встречу солнцу.

Но как-то ночью, заметив одинокую розу, луна спросила ее:

- Тебе не надоело ждать?
- Пожалуй, надоело. Но нельзя же сдаваться.
- Почему?
- Потому, что если я не раскроюсь, то завяну».

Когда одиночество грозит отнять красоту, единственный способ уберечь ее — оставаться раскрытым.

Поверить в несбыточное

Уильям Блэйк писал: «Все, что сейчас мы видим наяву, раньше казалось несбыточной мечтой». Такой мечтой были когда-то самолет, полет в космос, компьютер (с помощью которого я пишу эту статью) и многое другое. В знаменитой сказке «Алиса в Зазеркалье» есть диалог между Алисой и королевой, следующий после рассказа королевы о невероятном событии.

— Не могу поверить, — сказала Алиса.

— Не можешь? — грустно спросила королева. — Попробуй еще раз: сделай глубокий вдох, закрой глаза и поверь.

Алиса засмеялась:

— Нет смысла пытаться. Только глупцы полагают, что невозможное может произойти.

— По-моему, тебе не помешало бы немного поупражняться, — ответила королева. — В твои годы я тренировалась по меньшей мере по полчаса в день: сразу после завтрака я изо всех сил старалась поверить в пять-шесть невероятных вещей; сегодня я могу сказать, что большинство из всего этого сбылось. В том числе и моя мечта стать королевой.

Жизнь постоянно умоляет нас: «Поверь!» Поверить в то, что чудо может произойти каждую минуту, необ-

ходимо для нашей радости, но также и для нашей защиты или для оправдания нашего бытия. В теперешнем мире многие считают, что нереально справиться с нищетой, иметь справедливое общество, преодолеть нарастающую с каждым днем религиозную рознь.

Большинство людей устранивается от борьбы по разным причинам: из-за конформизма, потому что считают себя слишком опытными, из боязни показаться смешными, от бессилия. Мы молчим, когда обижают ближнего, оправдывая себя тем, что «никогда не ввязываемся в драки».

Это трусливое поведение. Кто встал на путь духовного самосовершенствования, должен постоянно руководствоваться кодексом чести. Голос, взывающий против неправды, всегда будет услышан Богом.

Мы же нередко слышим жалобы:

«Я идеалист, я все время пытаюсь бороться с несправедливостью, но каждый раз все заканчивается одним разочарованием».

Воин Света знает, что иногда необходимо вступать в бой, даже когда нет надежды на победу. Поэтому он не боится разочарований: ему известны истинная сила его оружия и крепость его любви. Его возмущают те, кто не способны самостоятельно принимать решения и всегда норовят переложить ответственность за все творимое в мире зло на других.

Если ты не борешься со злом — даже зная, что тебе не одолеть его, — то ты на ложном пути.

Однажды Араша Хеджаси написал мне:

«Сегодня, когда я шел по улице, меня внезапно настиг ливень. Слава Богу, я взял из дому зонт и накидку, но они остались в багажнике автомобиля, припаркованного довольно далеко от того места, где я находился. Я думал, пока бежал к автомобилю: какой странный знак посылает мне Бог, ведь у каждого человека есть средства, защищающие его от жизненных бурь, но чаще всего они заперты в глубине сердца и, чтобы извлечь их оттуда, приходится тратить массу времени. А когда мы их наконец достаем, оказывается, что уже поздно».

Поэтому давайте всегда будем наготове, иначе мы либо утратим шанс, либо проиграем сражение.

Надвигается буря

Я знаю, что надвигается буря: я умею угадывать ее приближение на расстоянии, определять предстоящее изменение погоды по небу на горизонте. Разумеется, мне немного помогает вечерний свет: в наступающих сумерках особенно отчетливо видны контуры облаков и отблески зарниц.

Никаких звуков. Ветер дует не сильнее и не слабее, чем раньше. Но я знаю, что грядет буря, потому что привык следить за горизонтом.

Останавливаюсь. Нет ничего более захватывающего или леденящего душу, чем вид надвигающейся бури. Главная мысль, которая приходит в голову, — найти укрытие. Но как бы этим не подвергнуть себя еще большей опасности. Укрытие может стать западней: вот-вот налетит ветер и, похоже, такой силы, что будет срывать крыши с домов, валить деревья, обрывать провода высоковольтных линий.

Вспоминаю старого приятеля, который провел детство в Нормандии и был свидетелем высадки войск союзников на побережье Франции, оккупированной нацистами. Я никогда не забуду его рассказ.

«Проснувшись, я увидел на горизонте множество военных кораблей. Неподалеку от нашего дома, на пляже,

стояли немецкие солдаты и смотрели туда же, куда и я. Но самый большой страх я испытал от тишины. Полной тишины, которая предвещала сражение не на жизнь, а на смерть».

Такая тишина окружает сейчас и меня. Но постепенно ее сменяет пока еще неотчетливый, легкий шум ветра, гуляющего по кукурузному полю. Чувствуется, как меняется атмосферное давление. Буря все ближе и ближе, шелест кукурузных листьев усиливается.

Я видел много бурь в своей жизни. Чаще всего они застигали меня врасплох, и это научило меня — и довольно быстро — всегда смотреть вдаль, заставило усвоить, что я не способен управлять погодой, что надо быть терпеливым и считаться с яростью природы. Не все подчиняется моим желаниям, а потому лучше побыстрее привыкнуть к этому.

Много лет назад я написал песню, где были такие слова: *«Я перестал бояться дождя, /потому что дождь, возвращаясь на землю, несет в себе воздух»*. Лучше не давать страху овладеть душой. Быть достойным того, что я написал, и осознать: каким бы неистовым ни был шторм, он рано или поздно закончится.

Ветер усиливается. Я в открытом поле; лишь вдалеке, у горизонта, видны несколько деревьев, которые теоретически должны принять на себя удары молний. От воды я не раскисну, даже если одежда промокнет насквозь. Поэтому лучше оставаться там, где я стою, и наслаждаться зрелищем, вместо того чтобы бежать искать укрытие.

Проходит еще полчаса. Мой дедушка, который был инженером, учил меня законам физики: «Посчитай секунды между молнией и раскатом грома, умножь число на 340 метров — скорость распространения звука, и ты получишь расстояние до того места, куда ударила молния». Немного сложно, но я привык делать эти расчеты с детства, и теперь знаю: буря проходит в двух километрах от меня.

Еще достаточно светло, чтобы я мог разглядеть контуры облаков, называемые на латыни «*simulus nimbus*» — термин, используемый в авиации. Они напоминают наковальню, на которой неведомый кузнец кует доспехи для разгневанных богов: в этот момент они должны находиться где-то над городом Тарбес.

Я вижу, как надвигается буря. Как всякая буря, она грозит разрушениями, но она же принесет влагу посевам и благодаря ей мудрость неба ниспадет с водой на землю. Как всякая буря, она закончится. Чем яростнее она будет, тем скорее пройдет.

Слава Богу, я научился не бояться бурь.

И закончим эту книгу молитвами,..

«Дхаммапада»

(приписываемая Будде)

Одно слово, приносящее покой,
Лучше тысячи бесполезных слов.
Один стих, свидетельствующий о красоте,
Лучше тысячи бесполезных стихов.
Одна песня, зажигающая радостью,
Лучше тысячи бесполезных песен.

Джелалуддин Руми (XIII век)

Там, за пределами добра и зла, бескрайняя долина.
В ней мы и встретимся с тобой.

Пророк Мухаммад (VII век)

О Аллах! Взываю к Тебе, Всезнающему и Мудрому,
который ведает даже то, что сокрыто от глаз.
Если дело мое во благо мне, моей вере,
моей теперешней и будущей жизни,
пусть оно будет легким и благословенным.
Если дело мое во вред мне, моей вере,
моей теперешней и будущей жизни,
не дай мне подступиться к нему.

Иисус из Назарета, Евангелие от Матфея: 7, 7—8

Просите, и дано будет вам;
ищите, и найдете;
стучите, и отворят вам;
ибо всякий просящий получает, и ищущий находит,
и стучащему отворят.

Иудейская молитва о мире

Взойдем на гору Господню,
и будем ходить по стезям Его. И перекуем
мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы.
Да не поднимет народ на народ меча,
и не будут более учиться воевать.
И да никто не убоится соседа своего, ибо так говорит
Господь.

Лао Цзы, Китай (VI век до н. э.)

Чтобы мир царил на земле,
народы должны жить в мире.
Чтобы между народами был мир,
города не должны восставать друг против друга.
Чтобы в городах был мир,
соседи должны находить общий язык.
Чтобы между соседями был мир, нужно,
чтобы в каждой семье было согласие.
Чтобы в семье был мир, каждый должен
отыскать его в своем сердце.

Содержание

Предисловие	7
День на мельнице	11
Тот, кто верил своим снам	15
Люцифер и добрые дела	18
Готов к сражению, но испытываю сомнения	21
О стрельбе из лука	25
О карандаше	28
Наставления по восхождению на горные вершины	30
Как важно иметь диплом	34
В одной из токийских пивнушек	38
О значении простого взгляда	42
Чингисхан и его сокол	46
Подсматривая за чужим садом	50
Ящик Пандоры	51
Как часть может содержать в себе целое	55
Музыка в часовне	56
Озеро Дьявола	59
Покойник в пижаме	60
Одинокий уголек	64
Мануэль — особа важная и нужная	66
Мануэль на покое	70
Мануэль отправляется в Рай	74

Выступление в Мельбурне	77
Пианист в торговом центре	79
По пути на книжную ярмарку в Чикаго	82
О палках и правилах	83
Бутерброд, упавший маслом вверх	87
О книгах и библиотеках	88
Прага, 1981 год	92
Женщине из женщин	93
Знакомый вернулся из Марокко	96
Мои похороны	97
Латая паутину	100
В конце концов, они все мои друзья	101
Как выжить?	102
В миллиметре от смерти	106
Когда наступает рассвет	110
В один из январских дней 2005 года	111
Мужчина, лежащий на тротуаре	115
Недостающая плитка	119
История, рассказанная Раджем	120
Обратная сторона Вавилонской башни	122
Перед встречей с книготорговцами	126
Об изяществе	127
Нья Шика из Баэпенди	130
Отстраивая дом	134
Забытая молитва	135
Рио-де-Жанейро, Копакабана	138
Следовать собственной легенде	139
Значение кота для медитации	142

Вход воспрещен	146
Устав нового тысячелетия	147
Разрушая и отстраивая	150
Воин и вера	151
В порту Майями	154
Импульсивное побуждение	155
О брэнной славе	156
Когда милосердие под угрозой	160
Помиловать ведьм	162
О ритме и о Пути	165
Путешествуйте на свой манер	167
Сказка	170
Крупнейший из бразильских писателей	173
Несостоявшаяся встреча	176
Смешливая пара (Лондон, 1977).	178
Повторный шанс	180
Австралиец и объявление в газете	184
Плач пустыни	185
Рим: Изабелла вернулась из Непала	188
Об искусстве владеть мечом	189
На Голубых горах	192
Практичный отшельник	194
Чайная церемония	196
Тучка и дюна	197
Затейница Норма	200
21 июня 2003 года. Иордания, Мертвое море	201
В порту Сан-Диего, штат Калифорния	205
Искусство отступления	206

Случай во время войны	209
Встреча в лесу	210
В одном немецком городе	213
Встреча в Галерее Денцу	214
Размышления об 11 сентября 2001 года	217
Доказательство существования Бога	221
Одинокий в пути	223
О курьезном в человеке	226
Возвращение с того света	227
Есть желающие получить эту банкноту?	230
Две драгоценности	231
Самообман	234
Искусство повторения	235
Ловушки для ищущих	238
Мой тесть Кристиано Ойтисика	242
Спасибо вам, президент Буш	243
Благодарный рабочий	247
Третье увлечение	248
Католик и мусульманин	252
Закон Янте	253
Старуха с Копакабаны	256
Раскрыть лепестки для любви	257
Поверить в несбыточное	260
Надвигается буря	263
И закончим эту книгу молитвами	266

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Служба работы с клиентами:

тел. (057) 783-88-88

E-mail: support@flc-bookclub.com

**По вопросам приобретения оптовых партий
обращаться по тел. (044) 255-19-86**

Літературно-художнє видання

Коельо Пауло
Подібно до ржи...
(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Перекладач *А. М. Родина*
Редактор *С. Г. Меркулова*
Художній редактор *Н. П. Роєнко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *М. В. Бєдіна*

Підписано до друку 25.11.2005. Формат 70х100/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Академія». Ум. др. арк. 10,96.

Наклад 15 000 прим. Зам. № 6-106.

Книжковий Клуб «Клуб Семейного Дозвілля»
Св. № 04059243Ю0017536 від 13.03.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@flc-bookclub.com

Віддруковано з готових діапозитивів
на ВАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4